

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»
Институт филологии, иностранных языков и медиакоммуникации

Е. Е. Калиш

**РЕКОНСТРУКЦИЯ ДИСКУРСА
В ЦЕЛЯХ ПЕРЕВОДА
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ**

МОНОГРАФИЯ

УДК 80-085
ББК 81-7
К17

Печатается по решению ученого совета
факультета филологии и журналистики ИФИЯМ ИГУ

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор *Т. Г. Боргоякова*
доктор филологических наук, профессор *А. М. Каплуненко*

Калиш Е. Е.
К11 Реконструкция дискурса в целях перевода. Теоретические проблемы : монография / Е. Е. Калиш. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2018. – 151 с.
ISBN 978-5-9624-1629-8

Монография посвящена впервые вводимому в теорию перевода понятию «реконструкции дискурса», процедуры, призванной способствовать достижению адекватного перевода. Под реконструкцией дискурса понимается процесс восстановления контекста ситуации, в рамках которой возможно понимание оригинального текста. Релевантность нового понятия обосновывается с точки зрения когнитивного подхода к языку и когнитивной природы переводческого процесса. Исследуются лингвотеоретические, лингвокогнитивные предпосылки и правила проведения реконструкции дискурса в целях перевода.

Для специалистов в области теории перевода, когнитивной лингвистики, межкультурной коммуникации, лингвокультурологии, лингвострановедения, преподавателей перевода, студентов языковых вузов и всех, кто интересуется современными проблемами переводоведения.

УДК 80-85
ББК 81-7

ISBN 978-5-9624-1629-8

© Калиш Е. Е., 2018
© ФГБОУ ВО «ИГУ», 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОТ АВТОРА	5
ВВЕДЕНИЕ	6
Глава 1. ПОНЯТИЕ «РЕКОНСТРУКЦИЯ ДИСКУРСА» В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ПРОЦЕССА.....	9
1.1. К определению понятия «реконструкция дискурса».....	9
1.1.1. О диалектическом единстве текста и дискурса	9
1.1.2. «Контекст ситуации» как ключевое понятие реконструкции дискурса.....	14
1.1.3. Содержание понятия «реконструкция дискурса»	17
1.1.4. Тексты с уникальным контекстом ситуации и прецедентные феномены.....	21
1.2. К онтологической сущности перевода	30
1.2.1. Природа ограничений автономного поиска эквивалентных соответствий	30
1.2.2. О взаимосвязи эквивалентности и адекватности в переводе	35
1.2.3. К диалектике соотношения смысла и значения.....	39
1.2.4. Феномен смысла как «части, которая больше целого»	45
1.2.5. Переводчик: транслятор или создатель собственного смысла?	50
Выводы.....	53
Глава 2. РЕКОНСТРУКЦИЯ ДИСКУРСА В СВЕТЕ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА К ЯЗЫКУ	55
2.1. Когнитивно-эвристические модели перевода	55
2.1.1. Дискурсивная природа смысла как связующая категория переводческого процесса.....	55
2.2. Проблема смыслового тождества в свете когнитивной теории перевода.....	58
2.3. Осмысление текста исходного языка с точки зрения когнитивного подхода к языку	66
2.3.1. Реконструкция дискурса как процесс создания когерентной концептуальной структуры.....	70
2.3.2. Обоснование понятия «концептуальная структура»	73
2.3.3. Концептуальная структура как способ представления смысла оригинала	76
Выводы.....	80

Глава 3. ЛИНВКОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕКОНСТРУКЦИИ ДИСКУРСА В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА.....	82
3.1. Место реконструкции дискурса в переводческом процессе.....	82
3.1.1. Реконструкция дискурса vs предпереводческий анализ текста: основные различия	82
3.1.2. Соотношение точного и вольного переводов при реконструкции дискурса	87
3.1.3. Перевод как коммуникативный процесс	92
3.2. Реконструкция дискурса в свете лингвофилософских теорий	96
3.2.1. Реконструкция дискурса в контексте археологии знания.....	96
3.2.2. Герменевтические предпосылки реконструкции дискурса.....	99
3.2.3. Переводчик как Другой в процессе реконструкции дискурса.....	104
3.2.4. Реконструкция дискурса с точки зрения концепции неограниченного семиозиса	107
3.3. Правила проведения реконструкции дискурса.....	110
3.3.1. Вопрошание текста исходного языка в ходе реконструкции дискурса	110
3.3.2. Принцип круговой организации понимания текста исходного языка	114
3.3.2.1. Набрасывание смысла как основной прием реконструкции дискурса	114
3.4. Диалектичность и герменевтичность перевода как следствия требований реконструкции дискурса.....	118
3.4.1. (Не-)Переводимость, переводческие потери и реконструкция дискурса	118
3.4.1.1. Переводческие апории: реконструкция языковой структуры vs реконструкция смысла оригинала.....	118
3.4.1.2. Переводческие апории: перевод как поиск компромиссного решения.....	122
3.4.2. Когнитивный диссонанс как индикатор недостижимости тождества в переводе и реконструкция дискурса как способ его выравнивания	127
3.4.3. Итоговая формула реконструкции дискурса: перевод <i>сум</i> конкретизация <i>сум</i> истолкование	130
Выводы	136
 ЗАКЛЮЧЕНИЕ	 139
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	141

ОТ АВТОРА

Перевод – воистину чудо творческой мысли, долгий, часто мучительный поиск нужного выражения уже прозвучавшей чужой мысли, которую надо понять, пережить, сделать «своей» и дать новую жизнь в телесном облике языка перевода. Перевод – искусство, которое опирается не только на знание языка источника, но и на знания о культурных ценностях, традициях, достижениях народа, значимых для него исторических, социально-политических и экономических событиях. Убежденность в этом пришла к автору в результате многолетнего опыта работы письменным и устным переводчиком, гидом, преподавателем иностранного языка и перевода. Работа по подстановке единиц текста исходного языка (далее – текст ИЯ) единицами текста языка перевода (далее – текст ПЯ) уже давно не рассматривается в качестве основной составляющей сложного когнитивного процесса, каким является перевод. Но этот миф живуч и продолжает находить воплощение в утилитарном и механистическом понимании перевода. Настоящая книга – пример альтернативного подхода к данной проблеме, где весь переводческий процесс рассматривается с позиции антропоцентрического и когнитивно-дискурсивного направления современной теории перевода.

Основу монографии составили эмпирические данные, полученные в результате «живого» общения с иностранными коллегами, носителями другого языка и культуры, анализ аутентичных текстов, проведенный с помощью опроса респондентов с учетом их комментариев и интерпретаций. Самая важная работа, тем не менее, не была бы выполнена без концептуального видения всей картины исследования, что стало возможным благодаря моему Учителю, выдающемуся ученому и переводчику, профессору Александру Михайловичу Каплуненко.

ВВЕДЕНИЕ

Конец XX века ознаменовался появлением нового подхода в теории перевода, связанного с пониманием того, что смысл не переносится, но создается переводчиком как новое единство формы и содержания в других коммуникативных, культурологических и языковых условиях [Гавриленко, 2009, с. 13]. В то же время современные исследования [Воскобойник, 2004, 2007; Минченков, 2007, 2008; Кушникова, 2004; Дашинимаева, 2010; Куницына, 2009, 2010; Bellos, 2011 и др.] служат подтверждением тому, что когнитивно-дискурсивная парадигма утвердилась не только в лингвистике, но и в теории перевода. Внимание ученых в настоящее время больше сосредоточено на фигуре переводчика и деятельностном аспекте перевода. И. С. Алексеева предлагает в этой связи использовать термин «деятельностная парадигма» [Алексеева, 2008, с. 41].

Оставляя в стороне вопрос о названии современной переводческой парадигмы, необходимо признать, что, несмотря на сравнительно скромный возраст теории перевода как науки, видение роли переводчика и самого переводческого процесса претерпело кардинальные изменения за последние десятилетия. Так, на фоне структурализма в лингвистике существовало представление перевода в качестве процесса нахождения тождественных единиц. При таком подходе переводческая работа воспринималась, как нахождение готовых соответствий, что автоматически упрощало и искажало действительную сложность когнитивных операций человека, производящего устный и письменный перевод. К сожалению, профессиональным переводчикам до сих пор приходится сталкиваться с последствиями такого наивного, если не сказать примитивного понимания перевода. М. Я. Цвиллинг по этому поводу приводил следующий анекдот:

Переводчик: Товарищ генерал, я не понимаю этот текст.

Генерал: А тебе чего понимать, лейтенант? Ты переведи, а уж я-то пойму [Цвиллинг, 2009, с. 116].

На самом деле практика показывает, и сейчас это могут подтвердить современные междисциплинарные науки, такие как психо- и нейро-лингвистика, что перевод – это сложная эвристическая речемыслительная деятельность. Адекватный перевод осуществим лишь в результате понимания, осмысления оригинала, а это возможно, когда переводчик прослеживает ассоциативные связи, пара-

дигмальные отношения языковых средств исходного текста, *интерпретирует* текст, исходя из общекультурных фоновых знаний о мире и знаний конкретной *ситуации*, к которой отсылает текст ИЯ. Невозможно переводить текст вообще, сам по себе. Текст всегда встроен в целую систему языковых и, следовательно, социально-культурных взаимодействий, в которых он был порожден и о которых он повествует. Без знания этих связей перевод не будет качественно отличаться от набора грамматически правильно построенных фраз. Переводчик начинает работу с текста, но его анализ неизбежно выводит специалиста в сферу дискурса, который образует необходимый контекст интерпретации текста ИЯ.

Задача настоящей работы состоит в том, чтобы всесторонне исследовать процесс понимания аутентичного иноязычного текста, который, будучи продуктом своей культуры, является хранителем культурнозначимых событий и фактов, знание которых необходимо для создания адекватного перевода. Другими словами, монография посвящена проблеме реконструкции дискурса (далее – РД) релевантного для понимания оригинала в целях улучшения качества перевода. Несмотря на единодушие ученых в том, что понимание исходного сообщения, равно как и наличие фоновых знаний, является абсолютно необходимым условием успешности перевода, фундаментальных исследований, посвященных всестороннему изучению этой темы не так много. Данный тезис берется как данность и не находит дальнейшего подробного разъяснения. Настоящее исследование призвано хотя бы частично заполнить эту лауну и представить реконструкцию дискурса как процедуру, которая соотносится с когнитивной природой переводческого процесса и позволяет повысить адекватность перевода.

Приходится признать, что многие идеи, рожденные в русле современных лингвокогнитивных теорий, а также гораздо более древних лингвофилософских и герменевтических работ, легко экстраполируются на процедуру РД. Это обстоятельство служит подтверждением правильности выбранного ракурса исследований. Исходя из логики поэтапного изучения предлагаемой процедуры, книга состоит из предисловия, введения, трех глав и заключения.

Первая глава состоит из двух разделов. В первом разделе дается общее определение понятия «реконструкция дискурса», иллюстрируется процедура РД, рассматривается история возникновения термина «контекст ситуации» (далее – КС), играющего ключевую роль в процедуре РД. Делается вывод о том, что тексты с уникаль-

ным для носителей культуры ИЯ КС не являются в обязательном порядке текстами, содержащими национально-прецедентные феномены. Во втором разделе анализируется онтологическая сущность перевода через центральные понятия переводоведения «эквивалентность» и «адекватность», а также рассматривается проблема соотношения смысла и значения в переводоведческом аспекте.

Во второй главе процедура РД рассматривается в рамках когнитивных теорий, согласно которым перевод текстов с уникальным КС характеризуется нахождением позитивистского тождества и соблюдением стратегии «от целого к части», а осмыслению текста ИЯ при РД соответствует создание связной, непротиворечивой концептуальной структуры относительно оригинала.

Третья глава посвящена изучению места понятия РД в переводческом процессе, исследованию теоретической сущности, правил проведения РД в свете лингвофилософских и линвокогнитивных теорий. Ономаσιологический этап перевода представлен переводами текстов с уникальным КС с приведением последующих комментариев. Примеры результатов РД также свидетельствуют, что перевод носит диалектичный и герменевтический характер.

Автор надеется, что предлагаемая работа окажется не только полезной, интересной и перспективной для дальнейшего изучения, но и будет иметь практическую значимость.

Автор выражает глубокую благодарность доктору филологических наук, профессору Степаненко Валентине Анатольевне, доктору филологических наук, профессору Горшковой Вере Евгеньевне, доктору филологических наук, профессору Куницыной Евгении Юрьевне, доктору филологических наук, профессору Боргояковой Тамаре Герасимовне, кандидату филологических наук, доценту Вороновой Светлане Кимовне, кандидату филологических наук, доценту Антипьевой Ирине Александровне за полезные рекомендации (и критику!), высказанные в ходе работы над монографией.

Слова признательности американским коллегам и друзьям за поддержку и ценные советы при обсуждении практического материала монографии. Особо необходимо отметить неоценимую помощь Дж. Стасинополоса, профессора лингвистики колледжа г. Глен Эллин, шт. Иллинойс и Р. Кохена, профессора, лектора по творческой письменной речи университета г. Кингстон-он-Темс.

ГЛАВА 1

ПОНЯТИЕ «РЕКОНСТРУКЦИЯ ДИСКУРСА» В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕВОДЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

1.1. К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЯ «РЕКОНСТРУКЦИЯ ДИСКУРСА»

*Текст живет контекстами, все его содержание только в нем,
и все его содержание – вне его, только на его границах.*

М. М. Бахтин

1.1.1. О диалектическом единстве текста и дискурса

Человека на протяжении всей жизни окружают тексты, поэтому без преувеличения можно сказать, что он живет в «текстовом поле языка» [Кравченко, 2008, с. 27]. О главенствующей роли и влиянии текстов пишут многие исследователи [Лотман, 2000; Деррида, 2000; Винокур, 2000; Бахтин 1986; Барт, 1989, 2001; Кристева, 2004; Алексеева, 2008 и др.]. «Изучение текста как сложного мультиреферентного образования – культурно-языкового репрезентанта фрагмента мира и фрагментов текстов, – отмечает Т. Е. Литвиненко, – ...относится к тому типу научных задач, которые допускают определение “вечная”» [Литвиненко, 2008, с. 7].

Понятие «текст», как и «дискурс», получило широкое распространение в научной лингвистической литературе. По признанию Е. С. Кубряковой, многообразие речевых произведений, по отношению к которым используется имя «текст», не может не удивлять [Кубрякова, 2001]. Правомерным, таким образом, предстает предложение рассматривать текст в качестве естественной категории, где наряду с идеальными представителями класса существуют периферийные элементы, также имеющие право называться текстами [Кубрякова, 2004, с. 511–512; Литвиненко, 2008, с. 69–80]. К прототипическим текстам, как правило, относят нарративы: письма, статьи в энциклопедиях, газетах и т. п. [Кубрякова, 2004, с. 515]. Среди периферийных представителей текстов выделяют «тексты, выраженные любым другим знаковым способом, кроме естественного языка» [Литвиненко, 2008, с. 30].

Множество дефиниций свидетельствует как о многогранности самих понятий, так и об эволюции взглядов ученых на то, что такое «текст» и «дискурс». Необходимо отметить, что в настоящее время существует тенденция сближения данных понятий, что прослеживается в современных определениях текста и дискурса.

Так, С. Н. Плотникова отмечает, что предложенное автором «широкое определение дискурса – как сообщения любого типа – позволяет...устранить многие существующие в настоящий момент противоречия в понимании этого понятия. Снимается разграничение текста и дискурса...» [Плотникова, 2008, с. 132]. В. Е. Чернявская, занимающаяся в основном исследованием научных текстов, понимает текст как многомерное образование и пишет следующее: «текстовая ткань рассматривается в неразрывной связи с... комплексом экстралингвистических факторов, надстраивающихся над языковыми особенностями конкретного текста» [Чернявская, 2010, с. 25]. Полагаем, однако, что корректнее говорить о том, что текст продуцируется контекстом, а не наоборот.

Как представляется, взгляд на недифференцированный подход к тексту и дискурсу возник у лингвистов под влиянием постмодернистских настроений. Магистральная идея о всепроникающем характере интертекстуальности и видение всего мира как текста [Деррида, 2000; Кристева, 2004 и др.] способствуют тому, что грань между текстом и дискурсом стирается.

Закономерно, что идея видения всего мира как текста и текста как знака поддерживается философскими и литературоведческими исследованиями. Ю. М. Лотман, например, представляет культуру в виде «сложно устроенного текста, распадающегося на иерархию “текстов в текстах” и образующего сложные переплетения текстов» [Лотман, 2000, с. 72]. Текст может выступать как «целостный знак, и все отдельные знаки общеязыкового текста сведены в нем до уровня элементов знака» [Лотман, 2005, с. 34]. Т. Е. Литвиненко [2008], занимаясь проблемами интертекста на материале произведений аргентинских авторов, отталкивается в исследовании от концептуальной метафоры «мир – это текст» и «текст – это мир».

Что касается лингвистики, данный подход к тексту вызывает ряд вопросов. Если принять, что текст – это знак, необходимо будет любую интерпретируемую физическую сущность считать текстом. Текст не будет отличаться от памятника, картины и т. п. Далее, если быть верным метафоре «мир – это текст», что тогда следует считать предметом изучения лингвистики?

Не отрицая право на существование иных точек зрения, отметим, что в рамках настоящего исследования различие (но не противопоставление) текста и дискурса представляется целесообразным. Начнем с определения того, что такое текст. Для этого рассмотрим отрывок из книги известного американского лингвиста Дж. Нунберга *Talking Right*:

Luntz's influence became particularly evident in 2003, when the Environmental Working Group provided the press with a confidential memo he'd written after George W. Bush's "arsenic in water" gaffe early in his term... By the time the memo was made public, a lot of that language had already worked its way into Republican speeches, paving the way for Bush administration initiatives with names like Clear Skies and Healthy Forests [Nunberg, 2007, p. 9] (выделено мной. – Е. К.).

На первый взгляд, об этом тексте можно сказать, что он представляет собой последовательность знаков, которая воспринимается в линейном порядке (слева направо). Воспринимающий этот текст, даже не зная языка, на котором он написан, также в состоянии выделить повторяющиеся элементы (*memo*, *Bush*). Если читателю знаком текст ИЯ, он с легкостью увидит в нем другие признаки формальной связности текста: употребление с существительным *memo* неопределенного, затем определенного артикля (речь, следовательно, идет об одной и той же записке); имена собственные *Luntz* и *Bush* заменяются на личное и притяжательное местоимение, соответственно.

Протяженность текста имеет своим следствием другое важное свойство текста: его независимость от сознания. Текст есть ипостась физического бытия и может существовать безотносительно к мысли. Непрочитанный текст остается текстом.

Линейный порядок прочтения вышеприведенного текста протекает до тех пор, пока воспринимающий этот текст (здесь переводчик) не сталкивается с выражением *arsenic in water*. Выражение, взятое в кавычки, очевидно, отсылает к другим текстам – заявлениям администрации Дж. Буша. *Clear Skies u Healthy Forest* также восходят к политическим речам республиканцев. Выяснение подробностей по контексту употребления данных высказываний нарушает линейный порядок восприятия текста, поскольку происходит выход за рамки непосредственного контекста. Проводится поиск дополнительной информации с использованием ключевых дескрипций ("*arsenic in water*", *Clear Skies*, *Healthy Forests*, *Luntz*, *Bush*), именующих достаточно плотный КС. В начале президентского срока Дж. Буш одобрил пятикратное увеличение допустимой

нормы мышьяка в водопроводной воде. Франк Лунц, политический консультант и имиджмейкер, помогал администрации президента представлять события в более выгодном свете благодаря использованию специального языка, акцентирующего внимание на «положительной» лексике. В тексте упомянута одна из записок, адресованных Дж. Бушу, в которой Лунц дает советы по использованию ряда подобных языковых средств.

Следует отметить, что при расширении релевантного КС обязательно соотнесение новой информации с той, что содержится в тексте ИЯ. Соотнесение частей и целого имеет вихревую природу, что было еще отмечено герменевтической школой [Шлейермахер, 1987; Хайдеггер 1997; Гадамер, 1988, 1991].

Переход от линейности восприятия текста к движению нелинейному характеризует явление, отличное от сущности текста. Иными словами, текст перекатегоризуется в дискурс: «Все тексты, вплоть до отождествляемых с замкнутой линейной последовательностью языковых единиц, содержат элементы, сохраняющие свою референциальную соотнесенность с претекстами. Правда, в последнем случае указанный признак становится, по сути дела, фактором перекатегоризации, так как установление самой этой соотнесенности и признание за рассматриваемыми элементами статуса интертекстуальных единиц неизбежно *взрывает линейность текста* (I. Jenny), превращая его из формального в целостный *дискурсивный продукт*» [Литвиненко, 2008, с. 36] (выделено мной. – Е. К.).

Причина нарушения линейности текста может быть не только в референциальной соотнесенности оригинала с претекстами. Возможна ситуация, когда внимательный читатель, увидев незнакомое слово, начнет искать его значение в словаре, выбирать из нескольких предложенных значений то, что больше подходит данному контексту и т. д. Отклонение от синтагматического прочтения в парадигматику здесь не связано с явлением интертекстуальности, если, конечно, не понимать под интертекстуальностью употребление отдельных слов в других текстах.

В целом, текст теряет свойство линейности и становится дискурсом при его интерпретации. Под интерпретацией имеется в виду понимание текста, основанное на феноменологичности смыслообразования (см. раздел 1.2.3). Человек интерпретирующий вписывает оригинал в КС, используя ассоциативные связи, обращая внимание на парадигмальные отношения языковых средств исходного текста (переводчик – особо), что выводит его в сферу дискурса. Дискурс

начинается с анализа текста, но если текст существует в протяженности, дискурс протекает в мышлении. Таким образом, разведение текста и дискурса полностью соответствует дихотомии Р. Декарта [1989], разделяющего мысль и протяженность.

Текст – это конечная последовательность знаков, которая существует независимо от сознания, интерпретация которой подчинена правилу линейности в соответствии с законами языка. Дискурс – это интерпретация текста, которая сопровождается набрасыванием смысла и имеет вихревую природу. Текст переходит в дискурс, как только начинается его интерпретация.

После того, как переводчик осуществил интерпретацию, восстановил КС, релевантный для понимания смысла текста ИЯ, он приступает к выражению проинтерпретированного им оригинала средствами ПЯ. Вернемся к приводившемуся ранее примеру и предложим его перевод:

Влияние Лунца стало весьма заметным в 2003 г., когда рабочая группа по окружающей среде сделала достоянием общественности конфиденциальную записку, которую получил Дж. Буш после промаха с «мышьяком в воде» в начале его президентского срока... К тому моменту, как содержание записки получило огласку, многие выражения, придуманные специально для представления экологической политики в выгодном свете, закрепились в речах республиканцев, проложив путь инициативам администрации Буша такими формулировками, как «чистое небо» и «здоровые леса» (переведено мной. – Е. К.).*

** Дж. Буш принял документ об изменении допустимых норм мышьяка в водопроводной воде с 10 до 50 частей на миллиард частей воды, в пять раз превысив уровень, ранее установленный Управлением по охране окружающей среды.*

Перевод – это всегда поиск и выбор одних решений в пользу других. Для оязыковления осуществленной ранее интерпретации в данном переводе также пришлось провести некоторые трансформации. *Provided the press* и *was made public* было переведено характерными для публицистического стиля клише – «сделала достоянием общественности» и «получило огласку». Для ознакомления реципиентов текста ПЯ с КС был использован прием добавления, введен переводческий комментарий в виде сноски и пояснений в самом тексте. Использован прием конкретизации в соответствии с комментарием: *names* переведено как «формулировки».

Порождение текста ПЯ сопровождается нелинейным движением мысли переводчика при соотнесении найденного способа перевода с целым текстом, отказа от одного варианта перевода в пользу другого. Но как только осуществленная интерпретация фиксируется в виде законченного перевода, происходит выход на отношение линейности. Перед читателем снова текст, конечный в своей графической протяженности до тех пор, пока он в очередной раз не подвергнется интерпретации. В этом состоит диалектика отношений текста и дискурса (рис. 1).

Рис. 1. Диалектические превращения текста и дискурса в переводе

1.1.2. «Контекст ситуации» как ключевое понятие реконструкции дискурса

Как было показано выше, при восстановлении дискурса происходит учет ситуационного контекста. Дискурс – это всегда соотнесенность с ситуацией. Т. А. ван Дейк пишет: «дискурс дает представление о предметах или людях, об их свойствах и отношениях, о событиях или действиях или об их сложном сплетении, т. е. о некотором фрагменте мира, который мы именуем *ситуацией*» [Дейк, 1989, с. 68–69] (курсив авт. – Т. ван Д.).

Термин «контекст ситуации» был введен в употребление в начале XX в. Интерес к окружению языкового знака, начиная с 20–30-х гг., был вызван господством идей функциональной семантики в логике и философии, двух наук, которые задавали тон в научном мире. В 1921 г. был опубликован знаменитый «Логико-философский трактат» Л. Витгенштейна, позже переведенный с немецкого на другие языки, где заявлялось следующее: «Только предложение имеет смысл; только в контексте предложения имя обладает значением» [Витгенштейн, 1921], «...значение слова есть его употребление в языке» [Витгенштейн, 1985, с. 97]. Позже эта идея определила подходы европейских школ и направлений, но

прочнее всего она привилась в лондонской лингвистической школе, представителем которой был Б. Малиновский.

Б. Малиновский, этнограф и антрополог, может по праву считаться последователем Л. Витгенштейна, поскольку в его трудах особое внимание уделялось контексту использования языка. На протяжении нескольких лет он занимался этнографическими исследованиями, живя бок о бок с племенами, населяющими Тробрианские острова Тихого океана. В результате ученый приходит к выводу, что понимание языковых выражений в полной мере возможно лишь в «контексте ситуации». Идею единства автора с Л. Витгенштейном особенно прослеживается в книге *Coral Gardens and Their Magic*, где Б. Малиновский пишет о том, что изолированное слово – всего лишь вымысел, фикция лингвистической науки, и даже в рамках предложения значение не может реализоваться в полной мере, для этого необходим весь контекст ситуации: “...isolated words are in fact only linguistic figments, the products of an advanced linguistic analysis. The sentence is at times a self-contained linguistic unit, but not even a sentence can be regarded as a full linguistic datum. To us, the real linguistic fact is the full utterance within its context of situation” [Malinowski, 1935, p. 11] (выделено мной. – Е. К.).

Необходимо отметить, что, используя впервые данный термин, Б. Малиновский не дает его определения. Следующее высказывание, тем не менее, говорит в пользу того, что под контекстом ситуации понимается среда, в которой было порождено языковое выражение: «текст, конечно же, исключительно важен, но вне контекста он остается мертвым... Сам характер исполнения, голос и мимика, выразительность рассказчика и реакция аудитории означают для туземцев столько же, сколько и текст...» [Малиновский, 1998, с. 101].

Контекст ситуации, таким образом, понимается широко. В пользу этого также выступают различные гипонимичные термину КС словосочетания: «контекст ритуального и культового поведения», «контекст магии», «контекст племенной жизни», «контекст социальной жизни», «контекст труда и ритуала» и др. [Malinowski, 1935; Малиновский, 1998; 2004].

В целом тема необходимости учета КС в понимании и изучении событий жизни другого общества лейтмотивом повторяется в публикациях Б. Малиновского. Несмотря на радикальность заявления о первостепенной роли контекста по отношению к значению, нельзя не признать заслугу ученого в том, что он привлек внимание лингвистов к функционированию языка в культурно-социальной среде, неотъемлемой частью которого он является.

Применение КС в общей лингвистической теории произошло благодаря другим ученым лондонской школы: ее крупнейшим представителям, коллегам Б. Малиновского, Дж. Фёрсу и М. А. К. Хэллидею. Было сделано предположение, что контекст ситуации может быть охарактеризован несколькими базовыми параметрами. Они, в свою очередь, определяют порождаемый текст.

Широкую известность приобрела параметризация КС М. А. К. Хэллидея на поле, направление и модус дискурса. Любой текст, пишет М. А. К. Хэллидей, описывается данными ситуационными дескрипторами: “the three headings of field, tenor and mode enable us to give a characterization... of a text of any kind” [Halliday, 1991, p. 13]. Полем дискурса обозначается тематика речевого акта, сфера коммуникативного взаимодействия адресанта и адресата. Направление дискурса зависит от его участников, их статуса и выполняемых в обществе ролей. Модус – это роль языка, выполняемая им функция, ожидания участников от используемого языка в конкретной ситуации, канал передачи информации (письменный, устный, устно-письменный) [Ibid, p. 12].

Так же как Б. Малиновский, М. А. К. Хэллидей называет контекстом среду, в которой разворачивается текст. Для него это невербальное сопровождение того, что было сказано или написано. Неоднократно подчеркивается взаимосвязь текста и кон-текста (“other text that accompanies it”) [Ibid, p. 5]. В то же время, заслуга автора в том, что КС получает более строгие очертания, уделяется внимание возможности предугадать характер текста по КС. Именно это, замечает М. А. К. Хэллидей, объясняет способность людей понимать друг друга даже в условиях нехватки информации: “How do we explain the success with which people communicate? ...We make predictions... about what the other person is going to say... we make them from the context of situation” [Halliday, 1991, p. 9–10]. Из текста подобным образом восстанавливается КС, что позволяет говорить об их диалектическом отношении: “the relationship between text and context is a dialectical one: the text creates the context as much as the context creates the text” [Ibid, p. 47].

Отметим, что наблюдение М. А. К. Хэллидея о возможности перехода от текста к КС значимо для представления процедуры РД. Последняя также имеет ряд отличительных черт (подробнее об этом в разделе 3.3.1).

Итак, впервые понятие КС было использовано в этнографии и обозначало среду порождения языкового высказывания. Далее термин оказался востребованным в лингвистике. Следующей сферой использования термина может стать теория перевода, поскольку это процесс не только межъязыковой, но и межкультурный.

1.1.3. Содержание понятия «реконструкция дискурса»

Как отмечалось выше (раздел 1.1.1), понимание текста ИЯ связано с отклонением от линейного движения по вектору текста. Сам текст при этом служит «материальной первоосновой любой интерпретации, ибо именно в нем заложены все сигналы, помогающие наиболее адекватно раскрыть авторский замысел» [Кухаренко, 1987, с. 4].

Сигналы могут быть выражены как эксплицитно, так и имплицитно. Текст, по заявлению У. Эко, – «ленивый механизм», так как читатель должен частично выполнять за него работу: «текст, в котором излагалось бы все, что воспринимающему его человеку надлежит понять, обладал бы серьезным недостатком – он был бы бесконечен» [Эко, 2007b, с. 9]. С другой стороны, в тексте есть подсказки, какая информация нуждается в восстановлении: «любое чтение – проверка себя на способность прислушаться к недоговоренным подсказкам» [Там же, с. 210].

Текст выступает в качестве стимула к началу интерпретативного процесса. Адекватная интерпретация возможна лишь в том случае, если мы сумеем ассоциировать текст с КС, создающим необходимое условие для интерпретации дискурса:

(Т) КС)) → Д

Не случайно текст рассматривается как «опосредованное и вербализованное отражение ситуации» [Красных, 2001, с. 207]. В качестве основных дейктических показателей, определяющих параметры ситуации, как правило, указывается предмет речи, участники речевого акта, временная и пространственная локализация сообщаемого факта [Арутюнова, 2002, с. 128]. Схожие параметры определения КС фигурируют в работе М. А. К. Хэллидея (см. раздел 1.1.2).

Сложности понимания текста ИЯ при переводе, как правило, возникают по причине незнания КС, к которому отсылает текст ИЯ. Важно в этой связи отметить, что под КС в работе понимается не та ситуация, в которой порождается текст, но ситуация, к которой в тексте ИЯ дается реминисценция. Поясним на примере:

...But I think he knew something. I think he'd gotten inside somehow. He was a very good reporter, you know.... What he found out about those faked letters to The Union Leader – that was even before Woodward and Bernstein [Canin, 2008, p. 425–426].

Восстановление КС, по М. А. К. Хэллиду (с привлечением более широкого контекста всего диалога), будет выглядеть следующим образом:

Поле дискурса: обсуждение коллеги-журналиста (его настоящего образа жизни, профессиональных качеств, причин, по которым он ушел с прежнего места работы);

Направление дискурса: участники коммуникативного акта имеют одинаковые социальные роли (коллеги-журналисты), различный опыт профессиональной деятельности (служащий с многолетним стажем и начинающий работник), старший сотрудник рассказывает младшему о том, что ему известно об их общем коллеге;

Модус дискурса: устное межличностное общение (диалог), персональный дискурс, язык выполняет информативную, частично персуазивную функцию.

Самая сложная работа по восстановлению релевантного КС связана с реконструкцией историко-культурного контекста, к которому в тексте ИЯ отсылают имена собственные и словосочетание *those faked letters to the Union Leader*. Так, в оригинале упоминаются имена собственные, обращение к которым дает информацию о двух репортерах, освещавших уотергейтский скандал. Широко известному делу предшествовала публикация сфабрикованных читательских писем в консервативной газете «Юнион лидер», компрометировавших политических соперников Р. Никсона. Результатом выяснения КС, релевантного для понимания текста ИЯ, может служить перевод:

Я думаю, он знал что-то. Думаю, ему каким-то образом удалось проникнуть во все это. Знаешь, он был очень хорошим репортером. ... Он узнал о тех поддельных письмах в Юнион Лидер, бросавших тень на соперников Никсона; это было даже до Вудворда и Бернштейна, освещавших Уотергейтский скандал (переведено мной. – Е. К.).

Итак, в тексте ИЯ упоминается неизвестная ситуация (показано пунктиром на рис. 2). Для выяснения контекста, релевантного для ее понимания, переводчик обращается к дополнительным текстам (Текст 1, 2, 3 и т. д.), соблюдая правило движения по герменевтическому кругу до тех пор, пока не выяснятся все необходимые детали описываемой ситуации.

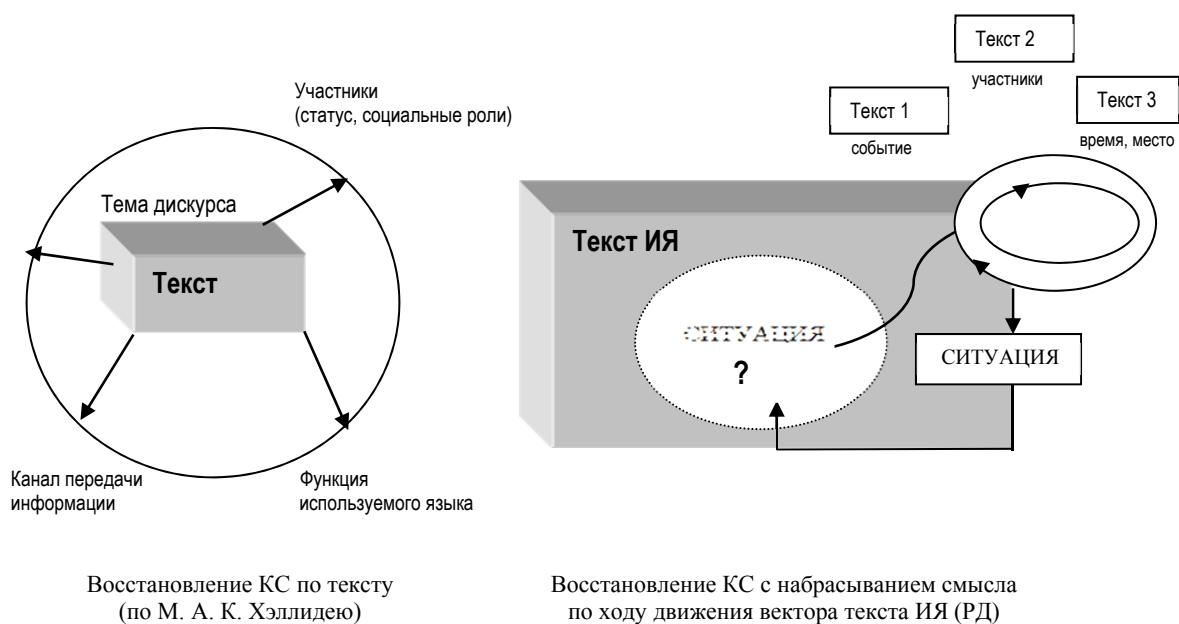

Рис. 2. Восстановление КС по М. А. К. Хэллидею и при РД

Для обозначения этого и аналогичных ему интерпретационных процессов предлагается использовать термин «реконструкция дискурса». Значение слова «реконструкция» – «восстановление первоначального вида, облика чего-либо по останкам или письменным источникам» [БЭС, 1997, с. 1009] – точно, с нашей точки зрения, описывает процесс восстановления КС по приводимым в тексте ИЯ реминисценциям.

Знакомство с КС, как было отмечено ранее, предполагает наличие информации о событии (предмете речи), участниках, временной и пространственной локализация события. РД, произведенная по принципу ассоциаций, порожденных стимулом-текстом, может быть представлена в виде записи:

$$\text{РД} = (((\text{Т}) \text{КС события}) \text{КС участников}) \text{КС времени, места})$$

Отметим, что здесь круглые скобки не показывают строгую последовательность выяснения параметров ситуации. Они используются в качестве знака ассоциативных отношений. Текст ИЯ вызывает ассоциации относительно определенного события, его непосредственных участников, времени и места происшествия. В рассматриваемом примере оригинал отсылает читателей к нечестной предвыборной кампании Р. Никсона, журналистам, освещавшим Уотергейтское дело, поддельным материалам, появившимся незадолго до первичных выборов. Соотношение всех этих данных (показано круговыми стрелками на схеме) должно сложиться в отражение той ситуации, к которой восходит текст ИЯ.

После восстановления КС переводчик входит в фазу переживания реконструируемого им мира, «мира за текстом», как его называет В. В. Сдобников [2008]. Текст «запускает» процесс синестезии, и у переводчика возникает воображаемый мир запахов, звуков, красок и самих событий¹. М. Д. Литвинова подчеркивает, что подобное «оживление» оригинала благотворно влияет на создание текста ПЯ: «тогда слова и конструкции выстраиваются сами собой» [Литвинова, 2012, с. 21].

Часто ситуационные параметры относят к «экстралингвистическим», но для настоящего исследования они не являются таковыми, поскольку непосредственно влияют на интерпретацию оригинала. Поддерживая мнение Р. И. Павилёниса [1983], А. Г. Минченкова [2007], Г. Г. Слышкина [1999], Р. У. Лангакера [Langacker, 1988] и др. о недопустимости деления семантики и прагматики, практиковавшейся в традиционной лингвистике, мы рассматриваем процесс восстановления КС как чисто лингвистическую интерпретацию фоновой информации, результатом которой является новый текст. Язык, как средство коммуникации людей, позволяющее им понимать друг друга, тесно связан с КС. Более того, без КС языковые выражения могут не выполнить своей коммуникативной функции, так как их смысл останется непонятен для интерпретатора. Прагматические факторы (учет определенного события, его участников и хронотопа), обуславливая смысл языкового выражения, не могут не входить в его семантику, влияя на понимание языка, не могут быть «экстралингвистическими». Более правомерным представляется называть их «затекстовыми» (термин используется Е. С. Кубряковой)².

В интерпретации текста носителю любого языка помогают фоновые знания. Чем большей информированностью обладает интерпретатор (в данном случае мы рассматриваем фигуру переводчика), тем больше шансов у него успешно произвести интерпретацию. Сотрудник ООН, дипломат, журналист и в прошлом переводчик М. Горбачева и Э. Шеварднадзе, П. Р. Палажченко говорит о переводческой профессии следующее: «Непрерывно меняющийся язык заставляет постоянно учиться. Необходимо иметь солидный запас

¹ Синестезии как слиянию реального и воображаемого предшествует синергия как процесс порождения результата, превышающего простую сумму факторов-участников процесса [Князева, Курдюмов, 2002].

² Другими словами, в исследовании предлагается придерживаться широкой концепции семантики (в противоположность узкой, по И. М. Кобозевой [2009, с. 13–14]).

знаний из самых различных областей жизни, уметь при необходимости вникнуть в суть весьма специальных вещей» [Палажченко, 1999, с. 4].

Н. К. Гарбовский считает, что «...невежество, безграмотность и бездарность несовместимы с переводческой деятельностью...» [2004, с. 515]. Той же точки зрения относительно необходимости для переводчика постоянно углублять фоновые знания придерживаются В. Н. Комиссаров [2002], И. С. Алексеева [2003], Н. Н. Гавриленко [2009], М. Я. Цвиллинг [2009], А. П. Чужакин [1999], Д. Селескович и М. Ледерер [Seleskovitch, Lederer, 1989], Д. Робинсон [Robinson, 1997] и др.

Таким образом, РД по предложенной выше схеме позволяет подтвердить оценки роли фоновых знаний в переводе, которые неоднократно давались в предшествующих исследованиях. Знание языка для переводчика недостаточно. Обязательным условием для успешного перевода будет выступать умение воспользоваться знаниями о культуре, политике, экономике той страны, с языка которой делается перевод, поскольку понимание текста не ограничивается суммой значений составляющих текст сверхфразовых единств, предложений, слов. Это относится к любому, даже самому простому на первый взгляд тексту. Действительно, «значение единицы более высокого уровня не сводится к простой сумме значений составляющих ее единиц более низкого уровня» [Кобозева, 2009, с. 52; см. также: Черняховская, 1983, с. 1; Тарасова, 1992, с. 7; Шмелева, 1994, с. 4; Васильева, 1995, с. 127; Алимуратов, 2003, с. 3; Селескович, Ледерер, 1987, цит. по: [Комиссаров, 2002, с. 210]], и перевод текста ИЯ требует РД оригинала.

РД представляет собой лингвистический процесс восстановления КС, сопровождающийся движением по герменевтическому кругу, результатом чего является дискурс, образующий адекватный контекст интерпретации текста ИЯ.

1.1.4. Тексты с уникальным контекстом ситуации и прецедентные феномены

Как было отмечено ранее, материалом настоящего исследования послужили тексты с уникальным для носителей культуры ИЯ КС. Описывая действительность, отличную от той, что наблюдают (или с которой знакомы) представители русского лингвокультурного сообщества, данные тексты требуют реконструкции соответствующего дискурса для понимания адресатом сообщений, порожд-

денных в другой культуре. «Содержательные различия между текстами ИЯ и ПЯ, – замечает Г. Д. Воскобойник, – обусловлены расхождениями в областях действительности, к которым восходят тексты» [Воскобойник, 2004b, с. 112].

Содержат ли тексты с уникальным для носителей культуры ИЯ КС национально-прецедентные феномены (термин В. В. Красных)? Возможно поставить между данными понятиями знак равенства или есть основания для их различения? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо, прежде всего, определить, что понимается под прецедентными феноменами. Очень подробно данный вопрос рассматривается в курсе «Этнопсихолингвистика и культурология» В. В. Красных. Прецедентные феномены подразделяются на прецедентные тексты, прецедентные ситуации, прецедентные имена и прецедентные высказывания. Все они характеризуются известностью, актуальностью в когнитивном (познавательном и эмоциональном) плане и рекурсивностью употребления в речи и письме [Красных, 2002, с. 44–45]³.

В зависимости от известности в определенных кругах прецедентные феномены могут быть социумно-, национально- и универсально-прецедентными, т. е. они распространены в определенном социуме (выделяемом на основе одного дифференциального признака: возраста, религии и т. д.), национально-лингвокультурном сообществе или известны любому современному человеку [Там же, с. 50–51].

Н. В. Петрова в обзорной статье «Эволюция понятия “прецедентный текст”» отмечает, что существует несколько классификаций прецедентных феноменов, в том числе таких, где дополнительно выделяется индивидуальный уровень прецедентности, например, в исследовании Ю. Е. Прохорова, Г. В. Денисовой [Петрова, 2010, с. 179–181]. На наш взгляд, при таком подходе к прецедентным феноменам, границы понятия слишком размываются. Значимость феномена исключительно для одного индивидуума снимает базовый признак прецедентности: известность. Феномен актуален в когнитивном плане и может рекурсивно употребляться только одним носителем языка и культуры, что также ставит под вопрос действительную актуальность и частотность феномена в масштабах хотя бы одного лингвокультурного сообщества. Таким образом, представляется целесообразным использовать классификацию прецедентных феноменов В. В. Красных.

³ Данные параметры были отмечены Ю. Н. Карауловым [1987] в определении термина «прецедентный текст» и экстраполированы на все прецедентные феномены.

При переводе понимание оригинального сообщения часто затрудняется из-за незнания культурного КС, к которому отсылает текст ИЯ. Предположим, что присутствие КС, уникального для носителей культуры ИЯ, в анализируемых текстах обуславливается именно наличием национально-прецедентных феноменов. При принятии этого допущения, необходимо, чтобы все уникальные культурные феномены, описываемые в текстах ИЯ, соответствовали выделенным характеристикам: были бы широко известны, когнитивно актуальны, т. е. актуализировали бы некий постоянный набор ассоциаций, связанный со знаком-стимулом, и были бы (потенциально) частотны.

Относительно первого параметра, приходится констатировать, что далеко не все проанализированные тексты, отсылающие к уникальному культурному контексту, были понятны всем опрошенным респондентам.⁴ Иногда текст требовал наличия достаточно глубоких знаний культурного КС, например, спортивного дискурса, как в следующем примере:

On Sports, Records:

Young Frank Pastore may have pitched the biggest victory of the year!
(Jerry Coleman, San Diego broadcast announcer) [Petras, 1996, Feb. 27].

Один из опрошенных респондентов пояснил, что высказывание имеет несколько насмешливо-ироничный характер, потому что Фрэнк Пастор не всегда мог похвастать хорошей игрой. Помимо прямого значения, словосочетание *the biggest victory of the year*, с учетом «неровной» игры бейсболиста, актуализирует в когнитивной базе реципиентов, знакомых с КС, отрицательную аксиологическую оценку (термин «когнитивная база» В. В. Красных).

Перевод:

О спорте, рекорды:

Должно быть, с подачи юного Фрэнка Пастора была одержана самая большая победа года! (Джерри Колеман, телекомментатор из Сан-Диего) (переведено мной. – Е. К.).

В то же самое время среди текстов с уникальным культурным контекстом встречались такие, которые отсылали к событиям, получившим большой общественный резонанс:

⁴ Опрос респондентов проводился в течение трех лет (2009–2011 гг.). Участвовали преимущественно граждане США. Всего было опрошено около 80 человек. Особо необходимо отметить неоценимую помощь Дж. Стасинополоса, профессора лингвистики колледжа г. Глен Эллин, шт. Иллинойс, и Р. Кохена, профессора, лектора по творческой письменной речи университета г. Кингстон-он-Темс.

On Watergate, Future Presidents and:

I applaud President Nixon's comprehensive statement which clearly demonstrates again and again that the President was not involved with the Watergate matter. (George Bush, prior to President Nixon's realization that maybe he was involved after all) [Ibid, May 8].

Об Уотергейте, будущих президентах и:

Я аплодировал исчерпывающему заявлению президента Никсона, снова и снова ясно демонстрирующему непричастность президента к Уотергейтскому делу. (Высказывание Джорджа Буша, сделанное до того, как Р. Никсон осознал возможную причастность к незаконным прослушиваниям в штаб-квартире демократической партии США.) (переведено мной. – Е. К.)

В данном тексте упоминается Уотергейт, что можно отнести к прецедентным ситуациям. Данное событие известно любому среднестатистическому американцу, англичанину и даже некоторым представителям других культурно-языковых сообществ. Вполне естественно, что скандал, в котором оказался замешанным бывший президент США Р. Никсон, не мог оказаться незамеченным как для самих американцев, так и для мировой общественности. Показательно, что при номинации более поздних скандалов название данного громкого дела используется как деривационная модель, например: «Ирангейт», «Клинтонгейт», «Фостергейт» и т. д. Это говорит о том, что произошедшее событие приобрело статус эталона, очередного показателя прецедентности [Красных, 2002, с. 61].

Учитывая известность Уотергейтского дела, перевод лишен избыточных пояснений. Читатель текста ПЯ легко восстанавливает из непосредственного контекста информацию о том, что дело Уотергейт – это громкий политический скандал. Детали дела, при необходимости, читатели могут самостоятельно узнать из прессы, Интернета, и т. д.

Приведем еще один пример высказывания на политическую тему, в котором автор обращает внимание на то, что удачно сформулированные лозунги влияют на популярность и успешность двух основных политических партий США:

And in any case, what matters is whether the language they come up with is effective, not whether there's any real science behind it. After all, the Republicans didn't need focus groups to come up with "a chicken in every pot, a car in every garage" back in 1928 – or for that matter, with the less successful "Prosperity is just around the corner" in 1932 [Nunberg, 2007, p. 10].

Как бы то ни было, важно лишь то, насколько эффективен используемый язык, а не то, что за ним стоит. В конце концов, республиканцам не понадобилось собирать фокус-группы, чтобы предложить лозунг вроде «каждому – курицу на обед и машину» в далеком 1928 г. или придумать менее популярное «благополучие ждет за углом» в 1932 (переведено мной. – Е. К.).

Здесь приводятся известные любому американцу высказывания президента Герберта Гувера. Первое из них было озвучено во время предвыборной кампании будущего президента США и представляет собой популистское обещание сделать жизнь американцев лучше. В следующем году в Америке разразился финансовый кризис, так называемая Великая депрессия, и часть запомнившегося слогана приобрела вторую жизнь: похлебкой Гувера (*Hoover stew*) начали называть суп, который бесплатно раздавали внезапно обнищавшим американцам. В данном словосочетании очевидна апелляция к словам президента, что является показателем закрепления высказывания в сознании национально-лингво-культурного сообщества, формирования определенного инварианта его восприятия в когнитивной базе. Второе заявление президента, сделанное в 1932 г., было адресовано бизнесменам и так же, как и первое, обернулось еще большими финансовыми потерями и запомнилось американцам как очередное пустое обещание.

В следующем примере обнаруживается еще одно прецедентное высказывание:

In fact, the word (fascist – Е. К.) is no more precise for them than it was for the 1960s radicals who used it as a one-size-fits-all epithet for the Nixon administration, American capitalism, the police, reserved concert seating, and all other varieties of social control that disinclined them to work on Maggie's farm no more [Nunberg, 2009, p. 83] (выделено мной. – Е. К.).

Понимание переводчиком данного высказывания может быть затруднено заключительным высказыванием *to work on Maggie's farm no more*. Что может означать это сочетание слов? Является ли оно устойчивым идиоматическим выражением или авторским высказыванием? В любом случае, контекст подсказывает, что это цельная единица, поиск которой необходимо осуществлять в той форме, в которой она приводится в тексте ИЯ. Реконструирование необходимого КС показывает, что это строка из песни Боба Дилана 60-х гг., смысл которой заключается в нежелании работать на систему, что было в духе времени хиппи. Каждый куплет песни в сти-

ле блюз завершает эта строка, и ее появление в анализируемом отрывке оказывается вполне объяснимым. Она отсылает к тексту песни (прецедентному тексту) и может быть названа прецедентным высказыванием с той оговоркой, что, в отличие от двух предыдущих примеров, ярких представителей прецедентных феноменов, является, скорее, периферийным элементом когнитивной базы, поскольку имеет меньшую известность.

При переводе найти аналогичное прецедентное высказывание в русском языке достаточно сложно, но, воспользовавшись приемом компенсации, можно передать прагматику текста ИЯ с помощью следующих идиоматических выражений:

На самом деле, это слово для них так же абстрактно, как и для радикалов 1960-х гг., которые использовали его в качестве эпитета повсеместно: по отношению к администрации Р. Никсона, американскому капитализму, полиции, резервированию билетов на концерт и всем возможным видам общественного контроля. Всего того, что вынуждало их «работать на дядю» и быть «винтиками системы» (переведено мной. – Е. К.).

Устойчивое выражение «работать на дядю» обозначает «работать, делать что-либо без выгоды для себя» [БТС, 1998, с. 293] или «для кого-то постороннего, неизвестно для кого» [ТСРЯ, 1997, с. 185]. Использование данного выражения актуализирует релевантный для передачи в переводе признак «работа без выгоды на неизвестное лицо». В то же время, подчиненное положение человека, вынужденного существовать в рамках общества, передает выражение «винтик системы». Сравните: «винтик – о том, кто не может оказать заметного влияния на ход событий, играет незначительную роль в каком-либо деле» [БТС, 1998, с. 132], «тот, кто вынужден действовать механически и безынициативно» [ТСРЯ, 1997, с. 83].

Данный пример показателен тем, что РД в условиях прецедентности не дает симметричных решений по условиям времени культуры. Время культуры текста ИЯ «протест против традиционных ценностей» (США, 1960-е гг.). Поиски подобного времени культуры в российской истории выводят либо в период революционных изменений начала XX в., либо к концу 80-х. Поскольку ни в первом, ни во втором случае не удастся обнаружить песенных произведений, аналогичных процитированному в оригинале, предлагаются номинации, лишённые какого-либо времени культуры.

Последний параметр, которому должны соответствовать прецедентные феномены, – регулярность использования – тесно связан

с наличием у феномена когнитивной актуальности. Востребованность прецедентных феноменов объясняется тем, что они известны широкому кругу представителей определенного сообщества, воспринимаются примерно одинаково, при наличии инварианта представления о каком-либо событии, тексте, высказывании или имени, и, следовательно, могут использоваться в целях коммуникации. Адресант, использующий в речи или письме прецедентный феномен, может быть уверен (с большой долей вероятности), что адресат поймет его сообщение без лишних объяснений. По этой причине прецедентные феномены лаконичны. Для их понимания достаточно одного-двух знаков-стимулов, например самого прецедентного имени или названия прецедентной ситуации, чтобы актуализировать в сознании коммуникантов основные детали феномена или тот самый когнитивный инвариант, к которому производится апелляция.

В проанализированных текстах с уникальным для носителей культуры ИЯ КС подобная лаконичность наблюдалась не всегда. Как правило, в самом тексте находились «подсказки» в виде упоминания главных участников каких-либо культурно-специфичных событий, указания хронотопа. Для переводчика, несмотря на это, расширение КС оказывается необходимым, потому что он может быть незнаком с культурными фактами, к которым отсылает текст ИЯ, и одного упоминания о них оказывается недостаточно. Подобная экспликация – показатель того, что описываемые феномены не являются прецедентными. Необходимо, тем не менее, признать, что большинство текстов, попавших в наше поле зрения, описывают факты, произошедшие относительно недавно. Поэтому, возможно, со временем некоторые из них закрепятся в когнитивной базе лингвокультурного сообщества в качестве эталонных представителей той или иной ситуации и приобретут статус прецедентных феноменов. Действительно, как отмечает И. С. Кон, объем актуальной культуры меняется, поскольку на смену старым знаниям приходят новые, и в настоящее время этот процесс идет еще быстрее [Кон, 1967, с. 355].

Причины частотности обращения к прецедентным феноменам можно также увидеть в выполняемых ими функциях. Так, Г. Г. Слышкин выделяет номинативную, персуазивную, юридическую и парольную функцию ПТ [Слышкин, 1999, с. 15]. Несмотря на то что эти функции были выделены для прецедентных текстов, считаем, что они также выполняются другими прецедентными феноменами.

Переводчику не так часто встречаются тексты с единицами, выполняющими вышеназванные функции. Гораздо чаще в тексте

ИЯ описываются фрагменты (культурной) действительности, отличные от тех, что хорошо знакомы представителям другого лингвокультурного сообщества. Приведем пример:

Behind Astor were two small windows looking into a tree, and between them a poster of Carl Yastrzemski waiting for a pitch. I was glad to recognize Yastrzemski even I despised the Red Sox. I looked closer. The background was out of focus but a left-hander in a blue cap was on the mound: it might have been Sam McDowell. The Indians had no doubt lost that day [Canin, 2008, p. 144].

Герой романа *America America* описывает постер на стене у одноклассника, с которым ему предстоит делить комнату, обучаясь в одном заведении. Множество имен собственных и определенная лексика делают описываемую ситуацию достаточно прозрачной, но для переводчика также важно уметь объяснить реципиенту текста ПЯ ситуацию игры в бейсбол. Для этого, в целях более глубокого понимания текста ИЯ, переводчик сначала реконструирует соответствующий спортивный дискурс и далее вносит в текст ПЯ необходимые пояснения и комментарии для русскоязычного реципиента. Текст отсылает к культурному фрагменту действительности, с которым необходимо познакомить носителя другого языка и культуры. Предлагается следующий вариант перевода, выполняющий это задание:

Позади Астора было два небольших окна, перед которыми росло дерево. Между окнами висел плакат бейсболиста Карла Ястремски, застывшего с битой в руках в ожидании подачи. Я обрадовался, узнав Ястремски, хотя терпеть не мог команду Рэд Сокс. Фон был размыт, но, приглядевшись, я увидел на возвышении фигуру левого подающего в голубой кепке. Возможно, это был Сэм Макдуэлл. «Индианс» тогда, конечно, проиграли (переведено мной. – Е. К.).*

* *Прямоугольная белая плита из резины, на которой стоит подающий в бейсболе.*

Ситуация ожидания подачи (waiting for a pitch) игроком в бейсбол получает более подробное, эксплицитное описание в тексте ПЯ. Поскольку подача мяча в бейсболе должна отбиваться битой, представляется уместным при переводе использовать прием конкретизации. Использование дополнительных лексем «бейсболист» и «команда» также помогает реципиенту текста ПЯ лучше ориентироваться в понимании значений имен собственных. В переводимом отрывке также встречается безэквивалентная лексема *mound* или *the small hill on which the pitcher in the game of baseball stands* [LDELC, 1988, p. 888], *the slightly elevated pitcher's area in the center of the di-*

amond [АНДЕЛ, 1998, р. 857]. Было принято решение в самом тексте ПЯ использовать лаконичное генерализирующее слово «возвышение» и привести к нему культурологическое пояснение [Лингвострановедческий словарь США, 2001, с. 329] в виде сноски. В результате восстановления релевантного КС, реципиент текста ПЯ должен представить себе примерно такой же плакат, что и реципиент текста ИЯ.

Итак, несмотря на то что в текстах с уникальным для носителей культуры ИЯ КС могут присутствовать прецедентные феномены, реминисценции к известным событиям, именам и т. д., значимым в познавательном и эмоциональном отношении [Караулов, 1987, с. 216], уникальность КС не связана с обязательным присутствием в оригинале национально-прецедентных феноменов, из-за которых осложняется понимание текста ИЯ. Тексты с уникальным КС часто описывают события, которые произошли в мире деятельности (МД), и могут не относиться к миру ценности (МЦ), которому принадлежат прецедентные феномены⁵. Таким образом, в дальнейшем целесообразно оперировать словосочетанием «текст с уникальным для носителей культуры ИЯ КС», имея в виду такое сообщение на ИЯ, для понимания которого необходимо знание дискурса, незнакомого представителям другого лингвокультурного сообщества.

Определив в первом приближении понятие РД и тесно связанное с ним понятие КС, перейдем ко второму разделу первой главы, чтобы определить наше видение природы переводческого процесса, без которого объяснение необходимости РД будет неполным.

⁵ Термины Мир Деятельности и Мир Ценности принадлежат философу А. Уайтхеду. *Мир Деятельности* – это мир порождения и творения «здесь и сейчас», который увеличивает разнообразие смертных вещей. Определенные вещи могут принадлежать *Миру Ценности*, миру, который увеличивает продолжительность существования вещей. Мир Деятельности и Мир Ценности соединены во вселенной и не могут существовать друг без друга как две самостоятельные абстракции [Уайтхед, 1990, с. 306–309].

1.2. К ОНТОЛОГИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ ПЕРЕВОДА

What translators do is finding matches, not equivalences, for the units of which a work is made, in the hope and expectation that their sum will produce a new work that can serve overall as a substitute for the source.

D. Bellos

It's far more difficult to murder a phantom than a reality.

V. Wolf

1.2.1. Природа ограничений автономного поиска эквивалентных соответствий

В теорию перевода понятие эквивалента вводится Я. И. Рецкером. Впервые в книге «Теория перевода и переводческая практика» была предложена классификация переводных соответствий, согласно которой выделяются соответствия эквивалентные, вариантные и контекстуальные. Эквивалент определяется как «постоянное равнозначное соответствие, как правило, не зависящее от контекста» [Рецкер, 1974, с. 11]. Именно эквиваленты, согласно Я. И. Рецкеру, служат «катализаторами в процессе перевода», опорой, которая помогает переводчику далее прояснить значение контекста и всего высказывания, содержащего непонятные слова [Там же]. Следующий тип соответствий называется вариантным, потому что «в языке перевода существует несколько слов для передачи одного и того же значения исходного слова» [Там же, с. 14]. Наконец, соответствия последней группы подбираются переводчиком исходя из реализации значения слова в определенном контексте.

Несмотря на указание ограничительной функции эквивалентов (способствовать формированию базового представления текста ПЯ) и многочисленные оговорки о том, что не следует полностью полагаться на словарные соответствия, что эквиваленты могут быть частичными и относительными и, помимо эквивалентов с одним вариантом переводного соответствия, существуют также соответствия вариантные и контекстуальные, идея представления перевода в качестве процесса нахождения эквивалентных друг другу единиц в двух языках получила широкое распространение.

Идея существования межъязыковых соответствий была в духе времени, так как появилась в русле структурализма, в частности положений Ф. де Соссюра о том, что язык – это закрытая имманентная структура, в которой важны отношения между ее конечными единицами. Неслучайно именно в это время, в конце

50–60-х гг., начинают активно создаваться программы машинного перевода, принцип работы которых был основан на нахождении эквивалентных соответствий. Однако надежды, возлагавшиеся на машинный перевод, не оправдались. Очень скоро стало понятно, что такие «переводы», часто напоминая набор бессвязных слов, никогда не смогут заменить труд человека. Так, достаточно вспомнить хрестоматийный пример перевода двух пословиц, выполненный в 1958 г. при демонстрации машинного перевода американскому президенту Д. Эйзенхауэру. Машина перевела *out of sight, out of mind* (с глаз долой – из сердца вон) как «слепой идиот», а фразу из Библии *the spirit is willing but the flesh is weak* (дух силен, а плоть слаба) – как «спирт хорош, а мясо протухло» [Прошина, 2008, с. 16–17, 226].

Как видно из данных примеров, наличие полисемии и омонимии в естественном языке представляет серьезную проблему для машинного перевода. Для того чтобы выбрать среди «эквивалентов» нужное соответствие, необходимо подняться с уровня отдельных слов и словосочетаний на уровень предложения и связанных между собой предложений, т. е. текста, что предполагает аналитическую работу по ознакомлению со всей ситуацией, описываемой в тексте и за текстом, на которую машина не способна. Здесь уместно будет вспомнить примеры У. Эко, который предложил системе автоматического перевода «Альтависте» английские выражения для перевода на итальянский язык, с итальянского – на немецкий и обратно – на английский. Вот что получилось в результате: “Studies in the logic of Charles Sanders Peirce («Исследования по логике Чарльза Сандерса Пирса») = Studi nella logica delle sabbiatrici Peirce del Charles («Исследования по логике шлифовальных машин Пейрче Карлеса») = Studien in der Logik der Charless and papierscleifmaschinen Peirce («Исследования по логике карлесопескобумагошлифовальных машин Пайрсе») = Studies in the logic of the Charles of sanders paper grinding machines Peirce (Исследования по логике Чарльза шлифовальных бумагополировальных машин Пирса)” [Эко, 2006b, с. 31].

Невозможность проанализировать контекст приводит машинный перевод к подобным курьезным результатам. И, как заключает сам У. Эко, перевод имеет отношение не только к словам и языку в целом, но и к миру или, по крайней мере, воображаемому миру, который описывается в данном тексте: “...translation does not only concern words and language in general but also the world, or at least the possible world described by a given text” [Есо, 2004, р. 16]. Знать словарные значения слов, составляющих текст, недостаточно. Как бы-

ло отмечено ранее, семантика тесно связана с прагматикой. Знания о мире, энциклопедические данные интерпретатора не менее важны для понимания текста ИЯ, тем более, если в нем описывается уникальная для исходной культуры ситуация. При переводе наблюдается переход с одного языка на другой, а также переход из одной «энциклопедии» в другую (термины У. Эко).

Согласимся с утверждением итальянского ученого, что, если сравнивать две семантические модели, словарную и энциклопедическую (*dictionary model vs. encyclopedia model*), то общение на естественном языке и успешный перевод возможны только при наличии энциклопедической компетенции (*encyclopedic competence*). Словарная модель, где единицам языка приписываются конечные дефиниции, весьма искусственна. Поэтому машинный перевод, основывающийся на этой модели, дает скромные результаты. С другой стороны, в основе энциклопедической модели лежит неограниченный семиозис (см. раздел 3.2.5) (*unlimited semiosis*) с сетью интерпретант (*web of interpretants*), что гораздо лучше отражает ситуацию использования и понимания языка [Есо, 1990, р. 143–145].

В этой связи необходимо отметить, что Ю. Н. Марчук, активно занимавшийся проблемами машинного перевода в нашей стране с 70-х гг., подчеркивал отличие обычного словаря от машинного. Учитывая тот факт, что словарь должен предоставлять информацию, дополнительную к той, что уже известна пользователю, обычный словарь комлементарен. Машинный словарь при отсутствии фоновых знаний автономен, поэтому к словам прилагается максимально полный комментарий [Марчук, 1983, с. 129–132]. В терминологии У. Эко, обычный словарь строится с учетом энциклопедической компетенции носителей языка, а в основе машинного словаря лежит словарная модель.

Отечественные исследователи И. И. Ревзин и В. Ю. Розенцвейг считают, что подобная особенность машинного словаря не представляет собой существенной проблемы. К такому выводу позволяет прийти перевод словосочетания «сын царя Федора» [Ревзин, Розенцвейг, 1964, с. 63]. Выбор артикля перед данным словосочетанием зависит от знания того, сколько у царя Федора было сыновей. Если устройство, выполняющее перевод, – пишут авторы, – будет подключено к информационной машине с соответствующими историческими данными, и машина будет способна отвечать на точно сформулированные вопросы, то машинный перевод не будет отличаться от перевода, выполняемого человеком [Там же].

Тем не менее, создание базы данных, в которой бы хранились ответы на все возможные запросы относительно описания окружающего мира, представляется сомнительным⁶. Далее, как отмечают сами авторы работы, в формальной теории машинного перевода не может учитываться макроконтекст [Ревзин, 1964, с. 119]. Что касается учета микроконтекста, сводимого к лингвистическому окружению слова, его оказывается недостаточно для получения адекватного перевода.

Другое уязвимое место программ машинного перевода, на наш взгляд, в том, что в них заложена изначально неверная предпосылка инвариантности смысла языковых выражений. В основе машинных программ лежит принцип использования универсального языка-посредника для осуществления перевода с одного языка на другой. Таким языком выступает смысл. Он подвергается формализации в том виде, который необходим для данной программы.

Одной из таких программ, получивших широкую известность в России, стала программа, построенная по модели Смысл \Leftrightarrow Текст. Ее разрабатывал в Лаборатории машинного перевода при МГПИИЯ имени М. Тореза И. А. Мельчук совместно с А. К. Жолковским и Ю. Д. Апресяном. Соблюдение принципа эквивалентности в данной модели прослеживается на основе сохранения смысла. Последний понимается как «инвариант всех синонимических преобразований, т. е. то общее, что имеется в равнозначных текстах» [Мельчук, 1999, с. 10], а «владение смыслом... проявляется у говорящего в способности по-разному выразить одну и ту же мысль, а у слушающего – в понимании смыслового тождества или сходства внешне различных высказываний» [Жолковский, 1964, с. 4]. Соответствие между смыслами и текстами представляется в виде особой записи, где элементарными единицами выступают семы. Семантические графы далее объединяются и оформляются за счет последующих уровней: синтаксического, морфологического, фонологического и фонетического. Ключевым компонентом описания смысла является толково-комбинаторный словарь (ТКС), где ключевым словам дается подробное описание возможных значений, словоизменительные и образовательные, сочетаемостные, синтаксические и стилистические свойства, возможные корреляты, обозначаемые специально разработанной записью – лексическими функциями, приводятся примеры и учитывается фразеология, т. е. учитываются

⁶ Один из авторов известного переводческого журнала «Мосты» Н. Г. Шахова видит в этом основную проблему программ машинного перевода [Шахова, 2004, с. 53].

синтагматические и парадигматические отношения вокабул, что выгодно отличает данную модель от предыдущих. Тем не менее, принцип работы программы остался прежним: ТКС повторяет словарную модель. Единица в тексте считается эквивалентной другой единице, если она является ее синонимическим перефразированием. Приравнивание высказываний на основе единого смысла, который понимается таким образом, легко поддается критике.

Наиболее последовательно критика модели Смысл \Leftrightarrow Текст представлена в работе В. А. Звегинцева «Предложение и его отношение к языку и речи» [Звегинцев, 1976]. Главное возражение автора, и с ним сложно не согласиться, в том, что смысл предложения, взятого из определенного дискурса, невозможно трансформировать. Такую операцию можно производить только с псевдопредложениями, взятыми в произвольном порядке, в результате чего получается не смысл, а псевдосмысл. В качестве примера было рассмотрено следующее предложение из рассказа о лосе Мишке, спасшем теленка от волка: «Он бросился на волка и изо всех сил ударил его ногой». Если следовать модели, рассуждает автор, данное предложение можно преобразовать в «эквивалентные» ему варианты: А. *Он нанес ему удар ногой с напряжением всех сил, после того как совершил бросок на волка*; Б. *Совершилось нападение на волка, которое завершилось нанесением им ему сильного удара*. В. *Волку было нанесено увечье выскочившим существом мужского рода, которое использовало для этого всю свою силу* [Там же, с. 196–197]. Как можно видеть, возможные трансформы исходного предложения выглядят искусственно, поскольку лишены ситуативной ориентированности. Внимание уделяется значениям отдельных словосочетаний, грамматической правильности предложения, но не соотносённости с ситуацией, основного показателя наличия смысла, по В. А. Звегинцеву.

Таким образом, работа программ машинного перевода, основанная на соблюдении принципа нахождения эквивалентных соответствий, как правило, в отрыве от КС, наглядно показывает недостатки такого подхода.

Необходимо сделать уточнение, что умение быстро найти эквивалентное соответствие, безусловно, важно для переводчика, особенно при устном переводе. Именно об этом пишет переводчик-синхронист М. Я. Цвиллинг: «...в **практической деятельности переводчика** преобладает использование готовых эквивалентов... В силу этого в ходе обучения переводу... очень большое место занимает усвоение постоянных эквивалентов... без которых немислимо

доведение перевода до уровня автоматизированной деятельности, т. е. полное овладение переводческими навыками» (выделено мной. – *Е. К.*). Вместе с тем, замечает автор, запоминание эквивалентов приводит к построению в сознании переводчика обычного двуязычного словаря [Цвиллинг, 2009, с. 140–141], о недостатках которого уже говорилось выше.

Профессиональный переводчик должен не только полагаться на процедурную память (*procedural memory*), где хранятся уже готовые заученные эквивалентные соотношения, но и тренировать память репрезентативную (*representational memory*), осознанно анализируя определенный фрагмент текста ИЯ: “professional translators need to be able to slow down to examine a problematic word or phrase or syntactic structure or cultural assumption painstakingly, with full analytical awareness of the problem and its possible solutions” [Robinson, 1997, p. 2]. Главное отличие переводчика от машины состоит в том, что наряду с готовностью предложить эквивалент, специалист в состоянии выйти за пределы непосредственного контекста для того, чтобы разрешить нестандартную переводческую проблему.

Кроме того, абсолютных эквивалентов (как и абсолютных синонимов) не так много. Термины и прецедентные имена имеют устойчивые эквиваленты, но они редко встречаются, и их перевод не представляет сложностей. Если некоторые виды текстов, принадлежащие научному и техническому стилю, можно охарактеризовать наличием эквивалентных соответствий, то тексты художественной литературы такой характеристике поддаются с трудом. По этой причине наряду с термином «эквивалентность» используется термин «адекватность», и, соответственно, речь может идти о достижении позитивистского и феноменологического тождества в переводе [Воскобойник, 2007] (см. раздел 2.2).

1.2.2. О взаимосвязи эквивалентности и адекватности в переводе

Если исходить из того, что перевод – это нахождение эквивалентов словам и словосочетаниям, пусть частичных и относительных, то необходимо будет признать тот факт, что за единицу перевода будет приниматься, прежде всего, слово и значения предложений будут складываться из значений составляющих его слов, что, как было указано выше, не согласуется с действительностью.

Со временем подобное «узкое» понимание эквивалентных отношений сменилось более «широким», не связанным исключительно

но с языковыми уровнями. В целом, проблеме эквивалентности, как центральному понятию в переводоведении, посвящены многочисленные обзорные изложения [Швейцер, 1988, с. 76–98; Ермолович, 2010; Минченков, 2007, с. 26–34; Дашинамаева, 2010b, с. 288–296; Воскобойник, 2007, с. 70–79; и др.], где прослеживается путь развития термина с момента введения его Я. И. Рецкером в значении нахождения межъязыковых соответствий до этапа оперирования им на прагматическом уровне, в значении единства коммуникативной цели, реакции реципиента и т. д. [см.: Nida, 1982; Koller, 1989; Швейцер, 1988; Комиссаров, 1990; Катфорд, 2009; и др.]. Поскольку подробные сравнительные анализы существующих точек зрения на понимание эквивалентности были успешно проведены другими исследователями, и их обзор не играет решающей роли для настоящей работы, позволим себе опустить данную процедуру.

Наиболее известное отечественное учение об уровнях эквивалентности принадлежит В. Н. Комиссарову. В зависимости от степени близости к тексту ИЯ выделяются пять уровней эквивалентности, где инвариантом выступает: 1) единство цели коммуникации; 2) единство цели коммуникации и указания на определенную ситуацию; 3) единство цели, ситуации и способа ее описания; 4) единство цели, ситуации, способа ее описания и части значений синтаксических структур; 5) единство на уровне семантики отдельных слов [Комиссаров, 2002, с. 116–134].

Эквивалентность, таким образом, – это наличие некоторого соответствия между текстами ИЯ и ПЯ, не обязательно межъязыковое. Последний тип отношений характеризует пятый, четвертый и третий уровни эквивалентности, где при переводе сохраняется ориентация на языковые структуры. Что касается первого и второго уровней эквивалентности, на наш взгляд, их лучше характеризует понятие адекватного перевода, так как здесь в наибольшей степени учитывается цель перевода. На тесную связь эквивалентности и адекватности указывает сам автор в определении адекватного перевода: «...перевод, обеспечивающий прагматические задачи переводческого акта на максимально возможном для достижения этой цели уровне эквивалентности, не допуская нарушения норм и узуса ПЯ, соблюдая жанрово-стилистические требования к текстам данного типа и соответствия конвенциональной норме перевода. В нестрогом употреблении А. п. – это “правильный” перевод» [Комиссаров, 2002, с. 407].

Несмотря на смешение категорий эквивалентности и адекватности в современных уровневых моделях эквивалентности, данные

понятия продолжают рассматриваться отдельно. Действительно, как отмечает А. Д. Швейцер, эквивалентный перевод может быть неадекватным, и наоборот, адекватный перевод часто неэквивалентен. Перевод адекватен, если удается соблюсти соответствие коммуникативной интенции отправителя коммуникативному эффекту текста ПЯ. Соблюдение этого принципа является «наиболее общим, существенным для всех уровней и видов эквивалентности инвариантным признаком» [Швейцер, 1988, с. 94]. Таким образом, вполне логичным представляется вывод П. П. Дашинимаевой о том, что адекватность и эквивалентность находятся в гиперо-гипонимических отношениях [Дашинимаева, 2010а, с. 35].

Так называемая коммуникативная, динамическая, прагматическая или функциональная эквивалентность – это соблюдение переводческой адекватности. Если рассматривать термины «эквивалентный перевод» и «адекватный перевод», то последний лучше отражает природу переводческого процесса. Слово «эквивалент», произошедшее от латинского *equivalent* – равнозначный, равноценный, имея значение «равные, количественно одинаковые значения, могущие взаимно замещать друг друга» [МАЭСБЕ, 1997, с. 2122], вводит в заблуждение, представляя перевод как процесс нахождения в языках ИЯ и ПЯ единиц с равными значениями. На данный феномен обращает внимание А. Г. Минченков, добавляя также, что само понятие эквивалентности пресуппозитивно указывает на то, что эквивалент уже найден и «перевод фактически предполагает использование ранее найденных эквивалентов» [Минченков, 2007, с. 36].

Практика показывает, что перевод текстов, особенно с уникальным для носителей культуры ИЯ КС, выходит за пределы понятия об эквивалентных единицах. Ценность переводчика в отличие от машины заключается в том, что он может, проанализировав КС высказывания, предложить такой вариант перевода, который восполнит недостающие знания реципиента, необходимые для понимания текста другого языка и культуры. Естественные языки слишком сложны и не похожи друг на друга, чтобы их можно было разложить на единицы, имеющие соответствующие эквиваленты в других языках. Любой текст требует осмысления, рассмотрения его в рамках уже существующих знаний о мире.

Термин «адекватность» показывает, что предложенный вариант перевода подходит для выполнения конкретной коммуникативной цели, которую преследует оригинал. Перевод оказывается адекватен коммуникативной цели текста ИЯ и порождает у своих

реципиентов схожий с оригиналом коммуникативный эффект. Хороший перевод, на что указывают как зарубежные, так и отечественные переводоведы, должен приближаться к естественной коммуникации и восприниматься как оригинал. Вместе с тем, по признанию тех же ученых, «речь идет лишь о возможности приближения коммуникации с переводом к естественной, одноязычной коммуникации, а не о том, чтобы они сравнялись» [Латышев, 2003, с. 8] (разрядка авт. – Л. Л.), а достижение одинакового воздействия на получателей текстов ИЯ и ПЯ заведомо невозможно, но переводчик, по мере возможности, должен стараться к этому приблизиться [Robinson, 1991, p. 61]. Здесь важно осознание того, что перевод – это постоянное стремление к ускользающей цели, требующее от переводчика напряженной работы, в частности РД текста ИЯ (см. главу 3).

Понятие эквивалентности, таким образом, воспринимается весьма неоднозначно. В энциклопедии по переводу под редакцией М. Бейкер и Г. Салданы в самом начале словарной статьи, посвященной эквивалентности (авторство – Д. Кенни), отмечается, что это очень противоречивое понятие (*controversial concept*), которое, с одной стороны, рассматривается как ключевое в переводоведении, с другой – как абсолютно бесполезное и даже вредное для развития науки о переводе [Kennу, 2009, p. 96]. С нашей стороны, считаем необходимым отметить, что, несмотря на все недостатки понятия эквивалентности, оно послужило отправной точкой эволюции взглядов на переводческий процесс. Так, в рамках статической парадигмы в переводоведении, на фоне структурализма, представление перевода в качестве процесса нахождения тождественных единиц было вполне оправдано. Понимание того, что перевод не исчерпывается языковыми соответствиями, приходит на следующем этапе – динамической парадигмы. Эквивалентность начинают рассматривать на уровне текстов, что также было характерно для своего времени: расцвета лингвистики текста. Наконец, современная деятельностная парадигма, органично существующая в рамках антропоцентрической парадигмы в лингвистике, внесла свои коррективы в видение процесса перевода, и, следовательно, понимание эквивалентности⁷.

Необходимо также признать, что использование термина «адекватность» вместо «эквивалентность» не решает проблемы

⁷ Данные парадигмы выделяются И. С. Алексеевой на основе анализа направлений теории перевода XIX – XXI вв. в монографии «Текст и перевод» [Алексеева, 2008, с. 31–43].

четкого представления переводческого процесса. На практике сложно определить и измерить коммуникативную цель текста и производимый им эффект, таким образом, эти сущности представляются крайне субъективными [Дашинимаева, 2010b, с. 294] и малоприменимыми в практической переводческой деятельности [Минченков, 2007, с. 39]. Рассмотрение эквивалентных отношений на уровне сохранения коммуникативных параметров в очередной раз оказалось неэффективным.

Как уже было отмечено выше, антропоцентрический принцип в лингвистике начал применяться и в переводческих теориях. Интерес к личности человека, развитие психолингвистики способствовали новому восприятию перевода через когнитивные процессы, протекающие в самом человеке. Альтернативой традиционной теории перевода с эквивалентностью в качестве центрального понятия могут служить современные когнитивные переводческие модели, анализу которых будет посвящена глава 2. Прежде чем непосредственно перейти к их обзору с целью дальнейшего использования в качестве основной теоретической базы исследования, сделаем небольшое отступление: поясним, что принимается за предпосылку успешного перевода и как понимается важное в рамках нашей работы понятие *смысла*.

1.2.3. К диалектике соотношения смысла и значения

Теме *смысла* и *значения*, так же, как рассмотренным выше понятиям адекватности и эквивалентности, посвящены многие работы логиков, лингвистов, психолингвистов, литературоведов [см., например: Бахтин, 1986; Выготский, 1999; Кобозева, 2009; Новиков, 1999; Павилёнис, 1983; Рассел, 1999; Фреге, 2004; Эко, 2006а; и др.], что одновременно указывает на неоднозначность толкования данных понятий и их сложную взаимосвязь.

Г. Ф. Фреге и его последователи-логики (Р. Монтегю, М. Кресвелл, Д. Льюис) были сторонниками *референциальной теории*, согласно которой язык отсылает к объектам мира. По замечанию Р. И. Павилёниса, подобная «абсолютизация» языка наблюдалась еще в философии Б. Рассела и Л. Витгенштейна. Считалось, что логическая структура естественного языка должна отражать устройство мира. На практике становилось очевидным, что естественный язык отличается от идеального искусственного языка, так как не может адекватно отражать устройство мира в терминах истинных и

ложных предложений. Философские проблемы и несоответствия объяснялись несовершенством формулировок о мире средствами естественного языка [Павилёнис, 1983].

Смысл Г. Ф. Фреге одновременно связан с обозначаемым или значением знака. Смысл также рассматривается как некая универсальная, глубинная структура, которая не дана непосредственному восприятию, но которая, тем не менее, принадлежит самому языку. Этот принцип был положен в основу многих систем машинного перевода, о чем речь шла выше (модель Смысл \Leftrightarrow Текст И. А. Мельчука, модели машинного перевода И. И. Ревзина, В. Ю. Розенцвейга, Ю. Н. Марчука и др.). Такому пониманию смысла соответствовала *интерпретативная концепция семантики* или «алгебра смысла» [Павилёнис, 1983, с. 37]. Согласно этой теории, глубинная структура строится по определенному конечному количеству правил, и ее составляющими являются так называемые «атомы смысла» [Там же] – семантические и синтаксические маркеры. Понимание языка обеспечивается пониманием его глубинной структуры. Для этого носители языка должны иметь соответствующую языковую компетенцию. Таким образом, только знание связей в системе языка служит пониманию его выражений⁸. Знания о внешнем мире, вся совокупность «экстралингвистических факторов» не имеет отношения к интерпретационным усилиям носителя языка.

Современное понимание смысла и значения, безусловно, претерпело изменения. На современном этапе признается, что значение знака включает в себя множество аспектов. И. М. Кобозева выделяет среди них мыслительные категории и категории действительного мира, прагматические факторы, т. е. то, что связано с целенаправленным использованием языка в деятельности человека, и отношения между самими знаками [Кобозева, 2009, с. 43]. Представляется, что появление дополнительных терминов (в том числе смысла), дробящих многоаспектность значения, было продиктовано стремлением выявить определенные особенности того, что стоит за содержанием языкового знака.

В рамках структуралистской парадигмы разделение значения и смысла проходило достаточно однозначно: значение приписывалось языку, смысл – речи. Когнитивно-дискурсивная парадигма вернула значение в сферу ментального, где также формируется смысл. В связи с этим возникает вопрос, есть ли необходимость

⁸ Точка зрения, которую разделяли Л. Витгенштейн [1985] и У. Куайн [2000] в ее синтаксическом аспекте.

разделять то, что находится в одном месте – сознании пользователя языка? Чтобы ответить на этот вопрос необходимо специальное исследование. Что касается данной работы, то разделение смысла и значения в переводе представляется продуктивным, поэтому мы будем придерживаться его в дальнейшем.

Значение, как правило, определяется как относительно универсальное, стабильное во времени знание, помогающее пользователям языка общаться и понимать друг друга, знание, на базе которого формируется смысл. Для доказательства приведем характерные высказывания о смысле и значении психолога Л. С. Выготского, лингвиста и философа М. М. Бахтина и лингвиста И. М. Кобозевой:

- «...значение есть не более как потенция, реализующаяся в живой речи, в которой это значение является только камнем в здании смысла» [Выготский, 1999, с. 323].

- «Слова языка ничьи, но в то же время мы слышим их только в определенных индивидуальных высказываниях, читаем в определенных индивидуальных произведениях, и здесь слова имеют уже не только типическую, но и более или менее ярко выраженную (в зависимости от жанра) индивидуальную экспрессию, определяемую неповторимо индивидуальным контекстом высказывания. Нейтральные словарные значения слов обеспечивают его общность и взаимопонимание всех говорящих на данном языке, но использование слов в живом речевом общении всегда носит индивидуально-контекстуальный характер» [Бахтин, 1986, с. 282–283].

- «*Значение X-a* – это информация, связываемая с X-ом конвенционально, т. е. согласно общепринятым правилам использования X-a в качестве передачи информации. *Смысл X-a для Y-a в T* – это информация, связываемая с X-ом в сознании Y-a в период времени T, когда Y производит или воспринимает X в качестве средства передачи информации» [Кобозева, 2009, с. 13] (курсив авт. – И. К.).

В цитате, принадлежащей М. М. Бахтину, нет прямого упоминания смысла, тем не менее, из более широкого контекста его работы становится понятно, что интериоризация значений слов языка и есть формирование смысла [Бахтин, 1986].

Для иллюстративной цели, на наш взгляд, достаточно представленных трех пониманий значения и смысла. Данную точку зрения разделяют многие исследователи. О. А. Алимуратов посвятил обзор схожих мнений по рассматриваемой проблеме раздел монографии, озаглавленный «Характеристика смысла как феномена, производного от значения» [Алимуратов, 2003, с. 27]. Помимо

упомянутых ученых, Р. Барт, А. А. Потебня, А. Р. Лурия, А. В. Бондарко, Г. П. Мельников, Н. Ф. Алефиренко, Т. Бодрова-Гоженмос, А. А. Масленникова, М. В. Никитин, Т. В. Шмелева, А. И. Новиков, В. Ю. Новикова, Л. А. Черняховская, И. П. Тарасова, Л. В. Кушни-на, Ю. А. Ладыгин, Н. М. Нестерова и другие выделяют схожие ха-рактеристики смысла и значения.

В рамках данного исследования значение будет пониматься достаточно традиционно: отраженная в словарях, конвенционально закрепленная за означающим информация. Смысл – формируемая на основе значения информация, реализуемая в конкретном КС и связанная с индивидуальным пониманием означающего. И смысл, и значение принадлежат сознанию человека, но, если значение означающего разделяется большинством носителей языка и часто актуализируется автоматически (у взрослого человека, освоившего язык), то смысл связан с реализацией значения в определенном контексте и пониманием определенной области значения, исходя из личного опыта, фоновых знаний интерпретатора и т. д. Таким образом, наша точка зрения в целом совпадает с мнением И. М. Кобозевой относительно характеристики значения и смысла: «Информация, называемая *значением*, хотя и представляет собой сущность идеальную, а значит ненаблюдаемую, никогда не рассматривается как скрытая. Это объясняется конвенциональностью связи между формой ЯВ (языкового высказывания. – *Е. К.*) и его *значением*: форма ЯВ автоматически вызывает в сознании информацию, составляющую его значение. В отличие от этого информация, называемая *смыслом*, требует для ее достижения активной работы сознания...» [Кобозева, 2000, с. 343] (курсив авт. – *И. К.*).

То, что чистое значение высказывания (не определенное контекстом) есть результат абстрагирования, отмечает сама И. М. Кобозева, напоминая при этом, что В. А. Звегинцев называл такое значение «псевдосмыслом» [Там же, с. 323]. В предыдущем разделе шла речь о таком «наивном» понимании смысла как некотором инвариантном, оторванном от КС содержании, которое было справедливо подвергнуто критике на примере модели Смысл <=> Текст И. А. Мельчука. На искусственность прямой связи между означающим и означаемым, традиции, идущей от Ф. де Соссюра, также указывает П. П. Дашинаева [2010а, с. 18].

Принимая первичность значения по отношению к смыслу, необходимо, однако, отметить, что исторически значение формируется на основе смыслов. Человек, сталкиваясь с незнакомым ему предметом или явлением, пытается каким-то образом обозначить

его с целью познания. Как отмечает А. М. Каплуненко, начальному этапу познания соответствует формирование концепта, и поскольку концепты достаточно индивидуальны, они существуют в дискурсе различий (ДР). Далее, в ходе эволюции познания, происходит уточнение содержания концепта и сужение его объема, что характерно для дискурса согласования (ДС), так как означающее воспринимается однозначно и позволяет участникам коммуникации понимать друг друга. Так возникают понятия [Каплуненко, 2007, с. 5–6]. Переводчик, конечно, прежде всего, имеет дело с давно закрепившимися в результате долгого использования значениями слов.

Что касается скрытости смысла от непосредственного восприятия, эта особенность была показана И. М. Кобозевой на основе анализа сочетаемостных свойств слова *смысл* с прилагательными *сокровенный, затаенный, внутренний...* и т. д.; предикатами *понимать, объяснять, раскрывать, искать, вникать...* и т. д. Так, смыслом является информация, косвенно указанная в высказывании, например, при намеке, и тогда ее необходимо реконструировать [Кобозева, 2000]. В случае с текстами с уникальным КС оперирование термином *смысл* оправдано тем, что переводчик также должен извлечь недоступную поверхностному восприятию информацию, но связано это, как правило, не с замыслом автора, желающего что-то скрыть в тексте ИЯ, а с тем, что оригинал отсылает к малознакомым для русского реципиента явлениям. Действительно, «фоновые смыслы тесно связаны с культурой народа-носителя языка. Они могут существенным образом различаться в различных языках» [Тарасова, 1992, с. 34].

Относительно зависимости смысла от культуры народа-носителя, отметим, что в некоторых современных работах, например А. В. Колмогоровой, доказывается положение о том, что значение также может быть субъективным. Так, в исследовании показывается, что структуры знаний, активизируемые прилагательными *темный* и *светлый*, для русского и французского реципиента отличны друг от друга. Делается вывод о том, что «значение есть структура знаний, складывающаяся в национально-специфическом опыте взаимодействия некоторого сообщества людей, объединенных единством культуры и языка, со средой» [Колмогорова, 2006, с. 360]. Данный вывод напоминает размышления В. фон Гумбольдта и его последователей об уникальности категоризации мира, его восприятия носителем определенного культурно-языкового сообщества. Сложно не согласиться с тем, что «значение антропо-

цетрично» и «этноцетрично», поскольку, по замечанию Е. В. Падучевой, мир не описывается таким, какой он есть на самом деле, но так, как он представляется носителям определенного языка, который задает собственное видение мира [Падучева, 1996, с. 5–6]. Необходимо одновременно отметить, что, как язык имеет влияние на восприятие и мышление, так и способ мышления находит выражение в языке. Эта мысль получила выражение в известном высказывании К. Маркса о том, что язык есть «непосредственная действительность мысли» [Маркс, 1985].

Субъективность значения, понимаемая как специфическое для определенного культурно-языкового сообщества восприятие фрагментов мира, не противоречит утверждению о субъективности смысла. Субъективность смысла объясняется тем, что понимание текста, сопряженное со знанием языковых значений слов, далее требует активной работы сознания интерпретатора по актуализации определенного фрагмента значения, адекватного для данного контекста, задействованию релевантных фоновых знаний, которые не ограничиваются знанием особенностей восприятия значений слов у представителей определенного культурно-языкового сообщества. Наконец, субъективность смысла продиктована феноменологичностью восприятия. Как отмечает М. В. Малинович, смысл «есть результат познавательной, творческой деятельности активно действующего гносеологического Я-субъекта с его индивидуальным и социальным опытом. Воспринимая объекты, явления, события мира и другие его факты, он пропускает их через свое **феноменологическое** и причинное мышление – сознательный процесс рефлексии объективной реальности и сознание – бессознательный процесс ее отражения, ибо в него включаются эмоции и чувства человека» [Малинович, 2011, с. 15] (выделено мной. – Е. К.).

Далее, нельзя не согласиться с тем, что при разделении значения и смысла показывается отличие «поверхностного» понимания высказывания, основанного всецело на языковых знаниях, от его действительной интерпретации [Кобозева, 2000, с. 323]. Выделение значения и смысла в рамках настоящей работы служит цели экспликации природы переводческого процесса. При этом необходимо подчеркнуть, что значение и смысл не противопоставляются друг другу, но представляют единство. Так, при понимании сообщения интерпретатор, прежде всего, исходит из значения составляющих текст слов. Как писал У. Эко, “...the interpreter must first of all take for granted a zero-degree meaning” [Eco, 1990, p. 36]. Первым делом

берутся прототипические значения слов, и на них базируется дальнейшая интерпретация. Контекст редуцирует количество интерпретаций, указывая, в каком именно значении употреблены слова и какой КС, имплицитно присутствующий в тексте, может прояснить эти значения. Для понимания текстов с уникальным КС необходима РД с соблюдением смысловой связности текста и всей затекстовой ситуации, но отправным шагом является понимание базовых, словарных значений слов, составляющих текст.

Неслучайно, что в вышеприведенных высказываниях трех исследователей, представителей разных, хотя родственных отраслей знаний, смысл определяется как нечто более сложное и объемное по содержанию, чем значение. Это тот случай, когда часть (формируемый на базе значения смысл) оказывается больше целого. Основная причина этого в том, что в смысле неизбежно присутствует мощный феноменологический слой, который отсутствует в значении как конвенциональной сущности.

Таким образом, соотношение смысла и значения носит диалектический характер, смысл оказывается частью, производной от значения, но превосходящей последнее по объему содержания.

1.2.4. Феномен смысла как «части, которая больше целого»

Понятие смысла чрезвычайно важно для перевода, поскольку оно лежит в основе понимания текста ИЯ. Единство мнений по поводу необходимости *понимания* оригинала при переводе объединяет многих ученых, занимавшихся широким спектром переводческих проблем [см.: Гадамер, 1988; Крюков, 1988; Миньяр-Белоручев, 1999; Брандес, Провоторов, 2001; Эко, 2006b; Гавриленко, 2009; Куницына, 2010; Горшкова, 2006, Алексеева, 2010; и др.]. Профессиональный переводчик – это действительно самый внимательный, проницательный и искушенный читатель [Куницына, 2009, с. 240], поскольку без понимания текста ИЯ перевод на другой язык вряд ли осуществим, или это будет уже не перевод, а пересказ, создание нового самостоятельного произведения.

Так, возможно ли правильно перевести предложение *In 1995 Prince William was going to Eton*, если исходить исключительно из словарных соответствий? Анализируя перевод этого предложения, А. Г. Минченков показывает, что перевод глагола *go* в данном контексте глаголом *учился*, возможен благодаря ряду факторов. К ним относятся учет актуального для данного контекста определенного

компонента значения глагола *go* (направленное движение), знание значений близлежащих слов и наличие фоновых знаний [Минченков, 2007, с. 40–41]. Переводчик вынужден самостоятельно принимать решения, *осмысливать* значения слов оригинала, исходя из КС.

Тот факт, что смысл устанавливается в результате интерпретации значения и контекста единичным интерпретатором с особой очевидностью проявляется при переводе художественной литературы. Позволим себе в качестве примера привести отрывок из пьесы У. Шекспира «Ромео и Джульетта», внимание которому было уделено на одном из семинаров профессором Н. П. Антипьевым.⁹ Как отмечает Н. П. Антипьев, перевод данного отрывка Б. Л. Пастернаком сильно отличается от перевода, выполненного Т. Л. Щепкиной-Куперник. Речь идет о третьей сцене второго акта, где брат Лоренцо, собирая травы, рассуждает о свойствах даров природы:

W. Shakespeare	Перевод Б. Л. Пастернака	Перевод Т. Л. Щепкиной-Куперник
<p>O mickle is the powerful grace that lies In plants, herbs, stones, and their true qualities: For nought so vile, that on the earth doth live, But to the earth some special good doth give: Nor aught so good but strain'd from that fair use, Revolts from true birth, stumbling on abuse. Virtue itself turns vice being misapplied, And vice sometimes by action dignified. [Shakespeare, 1994]</p>	<p>Какие поразительные силы Земля в камень и цветы вложила! На свете нет такого волокна, Которым не гордилась бы она, Как не отыщешь и такой основы, Где не было бы ничего дурного. Полезно всё, что кста- ти, а не в срок – Все блага превращают- ся в порок. [Шекспир, 2001, с. 72]</p>	<p>Великие в себе благословенья Таят цветы, и травы, и каменья. Нет в мире самой гнусной из вещей, Чтоб не могли найти мы пользы в ней. Но лучшее возьмем мы вещество, И, если только отвратим его От верного его предназначенья, – В нем будут лишь обман и обольщенья: И добродетель стать пороком может, Когда ее неправильно при- ложат. [Шекспир, 1958, с. 11]</p>

Интерес представляет перевод последней строки *Virtue itself turns vice, being misapplied; And vice sometimes by action dignified* [Shakespeare, 1994, p. 124]. По сюжету пьесы брат Лоренцо, поверенный влюбленных, тайно обвенчал Ромео и Джульетту. Впослед-

⁹ Семинары проводились профессором Н. П. Антипьевым в рамках курса для аспирантов «Литература как материал лингвистического исследования» в 2010 г., ИГЛУ.

ствии Ромео пришлось скрываться, а Джульетту хотели выдать замуж за графа Париса. Лоренцо решает помочь влюбленным. Он предлагает выпить Джульетте сонное зелье, чтобы ее сочли мертвой и перенесли в фамильный склеп, откуда она бы могла бежать с Ромео. Священник не успевает предупредить Ромео об этом замысле, и он принимает яд. Джульетта минутой позже просыпается и, видя мертвого Ромео, целует его и также умирает.

Переводчики по-разному осмысливают данные строки оригинала, исходя из контекста произведения и своего личного восприятия. Б. Пастернак делает упор на временное стечение обстоятельств («полезно всё, что кстати, а не в срок – все блага превращаются в порок»), которое помешало влюбленным, а в переводе Т. Л. Щепкиной-Куперник подчеркивается опасность благих намерений, если человек наделяет себя правом выбирать обходные пути, использовать в данном случае зелье не по назначению («и добродетель стать пороком может, когда ее неправильно приложат»).

Существование подобных отличных друг от друга интерпретаций текста ИЯ демонстрирует феноменологичность осмысления оригинала. Сколько интерпретаторов, столько смыслов, несмотря на то, что базируются они на значении одинаковых слов и предложений. Достаточно вспомнить работу Е. Ю. Куницыной, в которой также на примере шекспировского переводческого дискурса показывается все разнообразие переводов великого драматурга. Как доказал исследователь, переводчики соревнуются друг с другом, с самими собой (если перевод выполнялся одним и тем же автором в разное время жизни) и даже с самим автором, пытаясь «разгадать его загадки» [Куницына, 2010, с. 51–73].

Пример множественности осмысления произведения одним и тем же автором в разные года его жизни приводит Н. М. Нестерова [2009, с. 88] (выделено авт. – *Н. Н.*):

An Elegy Written in a Country Churchyard, by T. Grey	Перевод В. А. Жуковского (1802)	Перевод В. А. Жуковского (1839)
The curfew tolls the knell of parting day; The lowing herd wind slowly o'er the lea; The ploughman homeward plods his weary way, And leaves the world to darkness and to me	Уже бледнеет день, скрыва- ваясь за горою; Шумящие стада толпят- ся над рекой; Усталый селянин медли- тельной стопою Идет, задумавшись, в ша- лаш спокойный свой	Колокол поздний кончину отшедшего дня возвещает; С тихим бляньем бредет через поле уставшее стадо; Медленным шагом домой возвращается пахарь, уснувший Мир, уступая молчанью и мне

Как можно видеть из переводов, возраст и жизненный опыт переводчика, откладывает отпечаток на восприятие текста ИЯ. Формируемый смысл оказывается сугубо феноменологичным, что находит выражение в переводе юного и уже зрелого поэта.

Наряду с художественными текстами, субъективность осмысления оригинала возможно проследить на примере публицистического текста. Для иллюстрации обратимся к фрагменту, взятому из книги Дж. Нунберга *The Years of Talking Dangerously*:

...And by the end of the Bush presidency, the administration's language lay in tatters, emblematic of its substantive failures. Bush himself conceded as much in an interview just after the 2008 election, when he said he regretted having said things like "wanted dead or alive" and "bring' em on" and appearing beneath the "Mission Accomplished" banner on the USS Abraham Lincoln in May 2003 [Nunberg, 2009, с. 14, introd.] (выделено мной. – Е. К.).

*К концу президентского срока **язык, который использовала администрация Буша, уже никуда не годился**. Сам Буш признался в этом в интервью, которое он дал сразу после выборов 2008 г. Он сказал, что сожалеет о таких высказываниях, как «нужен живым или мертвым» и «**мы им покажем**», о том, что в мае 2003 г. появился на авианосце «Авраам Линкольн» под плакатом «Миссия закончена» (переведено мной. – Е. К.).*

*К концу президентского срока Буша **бесконечные неудачные высказывания правящего аппарата разбили все надежды на улучшение его языка в прах**. Сам Буш признал ошибки в интервью, состоявшемся сразу же после президентских выборов 2008 г., когда он сказал, что сожалеет о произнесенных им фразах «поймать живым или убить» и «**замочим их**», равно как и о том факте, что он появился под надписью «Миссия Выполнена» на растяжке, помещенной на военном корабле США «Авраам Линкольн» в мае 2003 (переведено О. Коробейниковой) (выделено мной. – Е. К.).*

*К концу президентского срока Буша **заявления его администрации стали совершенно невразумительными, отражая общее провальное положение дел**. Буш и сам это признавал, так, например, в интервью после выборов 2008 г. он заявил, что сожалеет об использовании выражений типа «найти живым или мертвым», «**пусть попробуют, если осмелятся**» или выступлении на фоне баннера «Миссия выполнена» на американском военном ко-*

рабле «Абрам Линкольн» в Мае 2003 (переведено Н. Корнауховой) (выделено мной. – Е. К.)¹⁰.

Перевод выделенных фрагментов текста ИЯ демонстрирует феноменологичность восприятия оригинала разными переводчиками. Так, высказывание *the administration's language lay in tatters, emblematic of its substantive failures* было переведено последним переводчиком с использованием приема смыслового развития. Неумение правящего аппарата использовать те языковые средства, которые бы выгодно представляли проводимую политику, привели к разоблачению несостоятельности администрации, т. е. «отразили общее провальное положение дел».

Далее в тексте ИЯ затрагивается болезненная для американцев тема войны в Ираке. В этом контексте *wanted dead or alive* относится к призыву поймать Усаму Бен Ладена. Согласно заявлению администрации, Саддам Хусейн намеревался передать лидеру Аль-Каиды оружие массового поражения, из-за которого официально началась война. Однако позже выяснилось, что Саддам Хусейн враждебно относился к Усаме Бен Ладену, что не могло не сказаться на доверии к утверждениям администрации президента. *Bring them on* – неудачное, по признанию самого Дж. Буша, обращение к иракцам-партизанам показать, на что они способны, в то время как американские солдаты продолжали гибнуть в Ираке. Предложенные варианты переводов данного высказывания («мы им покажем»; «замочим их»; «пусть попробуют, если осмелятся»), не имеющего готового эквивалентного соответствия, также свидетельствуют в пользу индивидуальности 1) понимания текста ИЯ; 2) выбора средств ПЯ для выражения смысла оригинала.

Феноменологичность восприятия далее обнаруживает себя при интерпретации текста ПЯ его получателем. Читатели/слушатели переводов, в свою очередь, занимаются собственным смыслообразованием.

Помимо индивидуальных психофизических особенностей интерпретирующего и непосредственного КС, прочтение текста зависит от сопутствующих политических или социальных настроений в обществе. М. Л. Гаспаров приводит пример того, как «Георгики» Вергилия воспринимались современниками поэта как поэма, в которой пропагандировался подъем римского сельского хозяйства [Гаспаров, 2001, с. 88]. Сейчас читатели этого произведения находят в нем другие смыслы.

¹⁰ Перевод выполнен дипломированными переводчиками, преподавателями ИГЛУ О. В. Коробейниковой и Н. Г. Корнауховой.

В истории существует достаточно примеров того, как единичные отношения между конкретными коммуникантами влияли на осмысление оригинальных сообщений. Так, в советские времена большинство западной литературы капиталистических стран было под запретом, поскольку в ней находились смыслы, подрывающие авторитет действующего политического строя, моральных устоев общества, религиозных верований и т. д. и т. п.

В результате приходим к выводу, что феноменология смысла оказывается принципиально единичной. Это позволяет говорить о соотношении смысла и значения в терминах части, превышающей целое. При понимании оригинала переводчик занимается смыслообразованием, полагая в его основу свое понимание текста ИЯ, свою интерпретацию. В результате читатель/слушатель текста ПЯ каждый раз имеет дело с той частью смысла, которую переводчик посчитал устойчивой характеристикой КС, представив ее в виде значения, константы.

1.2.5. Переводчик: транслятор или создатель собственного смысла?

В научной лингвистической литературе последних десятилетий активно обсуждается тема «передачи» смысла при переводе и коммуникации в целом. Слово *передача* здесь намеренно взято в кавычки, поскольку ввиду феноменологичности смыслообразования прямой передачи смысла от адресанта к адресату не существует (см. также раздел 3.1.3). Смысл при этом признается «ключевой категорией, вокруг которой сконцентрированы все усилия переводчика», а процесс перевода выступает «смыслотранспонированием» [Кушникова, 2004, с. 3]. О. А. Леонтович пишет о «ретрансляции культурных смыслов» при переводе, подчеркивая при этом, что смыслы не столько передаются, сколько творятся [Леонтович, 2008]. Л. А. Черняховская, подразделяя три уровня смысла (порождаемого, уже созданного и воспринимаемого текста), также уделяет внимание процессу «передачи» смысла в знание получателя (переводчика) и далее – в текст ПЯ [Черняховская, 1983, с. 9–10]. Изучением смысла предложения-высказывания в коммуникации занималась И. П. Тарасова [1992] и т. д.

Широко известно определение перевода В. Н. Комиссарова, который еще в 1975 г. писал о том, что при переводе важна коммуникативная равноценность текстов, заключающаяся в «функцио-

нальном, формальном и *смысловом* отождествлении» текстов ИЯ и ПЯ [Комиссаров, 1975, с. 8] (выделено мной. – *Е. К.*).

По замечанию И. М. Кобозевой, «*смыслом* текста называют как бы “квинтэссенцию” его содержания» [Кобозева, 2000, с. 329] (курсив авт. – *И. К.*). Не случайно, что при переводе «передаче» смысла отводится центральная роль.

Признавая важность понятия смысла в переводе, необходимо, вместе с тем, указать на некорректность представления перевода в качестве процесса *передачи* смысла. Смысл не передается, но *создается*.

В качестве иллюстрации обратимся к результатам одного лингвистического эксперимента [Церковер, 1976], где одна и та же фраза по цепочке переводится на множество других языков. Исходное предложение было взято из повести Н. В. Гоголя «Нос»:

Он хотел взглянуть на прыщик, который вскочил у него на носу; но, к величайшему изумлению, увидел, что у него вместо носа совершенно гладкое место!

Отрывок переводился на испанский язык, затем с испанского на фарси, далее на японский, голландский и т. д. Всего в эксперименте участвовало около тридцати языков. В результате изменений и улучшений, которые предпринимались практически каждым переводчиком, финальный перевод отрывка изменил оригинал до неузнаваемости:

Вглядываясь с маяка вдаль, она выронила трубу, узнав останки его фрегата...

Отметим, что оригинальный отрывок произведения претерпевал изменения при каждой последующей стадии перевода не столько из-за структурной разницы языков, сколько из-за феноменологичности восприятия текста ИЯ. Каждый переводчик находил свою интерпретанту текста ИЯ и преподносил ее в переводе в качестве характеристики самого оригинального сообщения.

В случае возможности передачи смысла результаты подобных лингвистических экспериментов не были бы настолько курьезными.

Как отмечает А. М. Каплуненко, идея передачи смысла настолько прочно закрепилась в переводоведении при отсутствии доказательств данного феномена, что может рассчитывать на статус научной мифологемы [Каплуненко, 2012, с. 194–198]. Так, номинация «передача смысла» обладает основными характеристиками научного мифа по А. Ф. Лосеву: обладает не-идеальным статусом (отсутствует аналитическое представление сущности), является той составляющей, которая делает науку мифологичной (наука не существует без мифа) и уподобляется действующей личности (самоочевидность, отсутствие авторизации) [Каплуненко, 2012, с. 194–198].

Таким образом перевод – это не передача смысла. **Перевод – это процесс, который основывается на реконструкции смысла текста ИЯ, в основе которого заложена индивидуальная интерпретанта и онтологизация данного смысла средствами ПЯ.**

Далее в исследовании перевод будет рассматриваться как двухступенчатый семаономасиологический процесс, т. е. движение от текста к смыслу и затем от смысла к тексту. На преимущества разделения сема- и ономасеологического подхода в изучении языковых явлений указывает В. П. Даниленко. Этот принцип лежит в основе изложения языковедческого материала ряда работ ученого, что позволило объединить концепции отечественных и зарубежных лингвистов различных времен по данным магистральным направлениям [Даниленко, 1988, 2003а, 2003b, 2005, 2007].

Подобно тому, как своеобразие языковых структур, используемых говорящим и слушающим, требует отдельного сема- и ономасиологического подхода [Даниленко, 1988], анализ переводческого процесса, состоящего из различных стадий осмысления и онтологизации смысла оригинала, также должен проходить в два этапа.

Следует отметить, что идея перевода как перехода от текста ИЯ к его осмыслению и далее передача этого смысла в тексте ПЯ не нова. Так, в вышеупомянутой работе В. Н. Комиссарова прямо говорится о двух этапах перевода: «к первому этапу будут относиться действия переводчика, связанные с извлечением информации из оригинала, ко второму – вся процедура выбора необходимых средств в языке перевода» [Комиссаров, 1975, с. 18]. Сравните взгляд на перевод М. Ледерер: «По определению, **перевод распадается на две части**: восприятие смысла и его выражение» [Lederer, 1997, цит. по: [Гарбовский, 2004, с. 7]] (переведено и выделено авт. – Н. Г.). А. Д. Швейцер [1988, с. 75] также определяет перевод как двухфазный процесс, И. И. Ревзин и В. Ю. Розенцвейг [1964], Ю. Н. Марчук [1983] положили принцип разделения перевода на два этапа в основу работы программ машинного перевода.

Такое разбиение переводческого процесса представляется продуктивным, так как отражает сложную процедуру перевода, связанную с необходимостью понимания исходного сообщения перед осуществлением перевода *per se*. В настоящий момент данный принцип разбиения перевода на два этапа лежит в основе некоторых методик обучения переводу¹¹.

¹¹ Иллюстрацией может служить интегративная модель обучения переводу в сфере профессиональной коммуникации Н. Н. Гавриленко [2009; 2010].

Итак, в дальнейшем при описании переводческого процесса целесообразно использовать термин «смысл», поскольку характеристики этого понятия (представление основного содержания оригинала при скрытости от непосредственного восприятия, достаточная степень феноменологичности, связанная с активной работой сознания конкретного человека, не ограничивающейся знанием языковых значений) помогают эксплицировать сущность перевода. Сам перевод будет рассматриваться как семаономасиологический процесс.

Следующий этап исследования – обзор современных когнитивных переводческих моделей, демонстрирующих, каким образом происходит осмысление текстов с уникальным для носителей культуры ИЯ КС.

Выводы

1. При интерпретации текста происходит изменение его сущностных характеристик: нарушается линейность следования знаков, которая не может далее существовать безотносительно к мысли. Это позволяет говорить о переходе текста в дискурс.

2. Перевод от момента понимания текста ИЯ до выражения смысла оригинала средствами ПЯ сопровождается следующими диалектическими превращениями: Текст ИЯ → восстановление Дискурса → воссоздание Дискурса средствами ПЯ → Текст ПЯ.

3. Понимание текстов с уникальным для носителей культуры ИЯ КС осуществляется с помощью процедуры РД. *РД – это лингвистический процесс восстановления КС, сопровождающийся движением по герменевтическому кругу, результатом чего является дискурс, образующий адекватный контекст интерпретации текста ИЯ.* Под КС понимается не та ситуация, в которой был порожден текст (Б. Малиновский, М. А. К. Хэллидей), но ситуация к которой в тексте ИЯ дается реминисценция.

4. РД проводится при рассмотрении оригинала в контексте определенных событий, его главных участников и хронотопа: РД = ((((Т) КС события) КС участников) КС времени, места).

5. Тексты с уникальным для носителей культуры ИЯ КС не являются в обязательном порядке текстами, содержащими национально-прецедентные феномены. Так, не все тексты содержат упоминание феноменов, которые 1) известны и понятны носителям того лингвокультурного сообщества, для которого они создавались; 2) обладают актуальностью в когнитивном плане (познавательном и

эмоциональном); 3) частотны в употреблении. В отличие от прецедентных феноменов, эти элементы, в виде упоминаний имен собственных, определенных фактов и явлений, отсылающие к уникальному КС, не характеризуются выполнением характерных для прецедентных феноменов функций: номинативной, людической и парольной. Тексты ИЯ, как правило, описывают Мир Деятельности и могут не относиться к Миру Ценности, к которому относятся прецедентные феномены, находясь в когнитивной базе, разделяемой представителями одного культурного сообщества и имеющие определенный инвариант восприятия.

6. Поиск эквивалентных соответствий в переводе имеет ограничения, что наглядно демонстрируют результаты машинного перевода. Основная причина – в отсутствии у машины энциклопедической компетенции, возможности соотнести единицы текста ИЯ с дискурсом, релевантным для адекватной интерпретации оригинала.

7. Термин «адекватность» точнее характеризует принцип перевода текстов с уникальным КС, чем термин «эквивалентность». Это обуславливается отличием подходов, лежащих в их основе. Соблюдение эквивалентности текстов ИЯ и ПЯ предполагает наличие соответствий между некими составляющими оригинала и его перевода. При адекватном переводе должна достигаться коммуникативная цель оригинала, текст ПЯ должен оказывать на реципиентов перевода соответствующий коммуникативный эффект.

8. Смысл текста ИЯ – формируемая на основе значения информация, реализуемая в конкретном контексте и связанная с индивидуальным пониманием означаемого, что позволяет говорить о смысле как «части, которая больше целого».

9. Перевод – это процесс, который опирается на реконструкцию смысла текста ИЯ, в основе которого заложена индивидуальная интерпретанта и онтологизация данного смысла средствами ПЯ. Другими словами, перевод представляет собой семаономасиологический процесс.

ГЛАВА 2

РЕКОНСТРУКЦИЯ ДИСКУРСА В СВЕТЕ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА К ЯЗЫКУ

2.1. КОГНИТИВНО-ЭВРИСТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПЕРЕВОДА

*...текст представляет собой частицу непрерывно
движущегося потока человеческой мысли.*

Б. М. Гаспаров

В переводе я передаю не слово в слово, а мысль в мысль.

Св. Иероним Стридонский

2.1. Дискурсивная природа смысла как связующая категория переводческого процесса

Определив общетеоретическое содержание термина «смысл», необходимое для целей исследования, мы обязаны рассмотреть области применения данного термина в современном переводоведении.

Впервые понятие смысла в качестве ключевого в переводческом процессе рассматривается Д. Селескович в конце 60-х гг. [Seleskovitch, 1968]. Впоследствии основы интерпретативной теории перевода наиболее полно находят изложение в книгах *Interpréter pour Traduire* и *Pédagogie Raisonnée de L'interprétation*, написанных в соавторстве с М. Ледерер [Seleskovitch, Lederer, 1984; 1989].

Предложенная теория перевода, как отметил В. Н. Комиссаров, объединила лингвистические и психологические факторы [Комиссаров, 2002, с. 210], что определило ее новаторский характер. Как любая новая работа, опередившая свое время, интерпретативная теория перевода послужила толчком к развитию современных когнитивных переводческих концепций, но, в то же время, вызвала ряд обоснованных критических замечаний.

Название работ ясно дает понять то, что авторы отказываются от традиционного понятия эквивалентности и считают, что перевод подразумевает интерпретацию оригинала в условиях понимания его смысла. В философии данная мысль была ранее высказана Х.-Г. Гадамером в труде «Истина и метод» (1960): «...всякий перевод уже

является истолкованием, можно даже сказать, что он является завершением этого истолкования», и далее «...понимание – это уже истолкование, поскольку оно образует герменевтический горизонт, в границах которого мнение текста обретает свою значимость» [Гадамер, 1988, с. 447, 460].

Главная задача переводчика, согласно интерпретативной теории Д. Селескович и М. Ледерер заключается в схватывании смысла (*saisir le sens*) текста ИЯ. Смысл в значительной степени определяется ситуацией и контекстом, в то время как значениями единиц оригинала можно пренебречь. Объяснение такой позиции имеет психологическую основу: запоминается смысл, а не форма языкового выражения. Тот факт, что нейроанатомически форма и содержание языковых единиц хранятся и актуализируются отдельно, был проверен и доказан на примере регрессирования одного из языков билингва в работе П. П. Дашинимаевой. Так, у бурят при сохранении концептуально-семантической системы родной культуры можно наблюдать креолизацию языка с активным включением в него русской лексики [Дашинимаева, 2010а; 2010б].

В рамках высказываний о сиюминутности смысла, который может быть схвачен «здесь и сейчас», Д. Селескович и М. Ледерер рассуждают о важности имплицитной составляющей текста ИЯ. Французские исследователи считают, что переводчик должен передавать смысл оригинального сообщения. Для того чтобы это стало возможным, необходимо также транслировать имплицитную информацию: “the interpreter’s job is to convey sense, and to do so, he must also communicate anything that is implicit” [Seleskovitch, Lederer, 1995, p. 79]. Другими словами переводчик должен излагать то, что хотел сказать говорящий. Задача, на наш взгляд, трудновыполнимая.

Смысл не схватывается, но понимается. На основе понятого можно лишь построить собственный смысл (см. разделы 1.2.4 и 1.2.5). Далее, понимание может быть полным или частичным. Понимание градуируется и в этом его преимущество перед схватыванием смысла. Кроме того, быстрое интуитивное понимание смысла оригинала возможно лишь в случае с простыми текстами [Комиссаров, 2002, с. 215]. При переводе текстов, осложненных уникальным для исходной культуры КС, моментального схватывания смысла не происходит, требуется восстановление всего КС, выходящего за рамки того, что непосредственно сказано в оригинале, и не ограниченного знанием контекста устного высказывания.

Соглашаясь с тем, что при переводе необходимо руководствоваться смыслом оригинала, нельзя не отметить, что смысл базируется на знании значений составляющих текст ИЯ единиц, поэтому утверждение о бесполезности языкового содержания неправомерно. В этом заключается обоснованная критика теории, которая была сформулирована В. Н. Комиссаровым следующим образом: «смысл высказывания в конкретном контексте может не сводиться к его языковому содержанию, но он всегда интерпретируется через это содержание и на его основе. Участники коммуникации извлекают смысл высказывания, применяя всю совокупность своего предыдущего опыта и знание обстановки общения именно к данному языковому содержанию, которое определяется набором языковых единиц и способом их организации в высказывании» [Комиссаров, 2002, с. 216].

Л. А. Черняховская также однозначно указывает на то, что смысл текста складывается, во-первых, благодаря знанию значений составляющих его языковых единиц, и, во-вторых, наличию у интерпретатора необходимых фоновых знаний [Черняховская, 1983, с. 1].

С другой стороны, представляет интерес концепция «синекдохи» М. Ледерер, суть которой заключается в том, что переводчик, имея даже самый общий смысл высказывания (часть), может его расширить за счет своих фоновых знаний (целое). Принцип «целое из частей» распространяется на образование смысла высказывания. Языковое выражение указывает на наличие некоторой мысли, не описывая ее явным образом. Данная мысль соотносится с нашим пониманием смысла высказывания, которое не передается пассивным образом от адресанта к адресату (ср. принцип «единице текста ИЯ эквивалентная ей единица текста ПЯ»), а формируется непосредственно интерпретатором по принципу Стимул → Реакция. Как образно заметила П. П. Дашинимаева, исходное выражение «обеспечивает основу для формирования рецептивной версии исходного переживания или значимости подобно осколкам, которые обеспечивают строительный материал для создания мозаики» [Дашинимаева, 2010b, с. 333].

Несмотря на многочисленные критические замечания (выше были упомянуты лишь некоторые из них), интерпретативная теория перевода имеет, по крайней мере, два достоинства.

Во-первых, наблюдение за работой синхронного переводчика, часто вынужденного полагаться на фоновые знания, позволило исследователям прийти к выводу, что секрет успешного устного пере-

вода заключается в умелом и тщательном анализе дискурса: “the real key to good interpretation is skilful and thorough discourse analysis” [Seleskovitch, Lederer, 1995, p. 41]. Перевод, таким образом, начал рассматриваться не на уровне языковых структур, а на уровне дискурса.

Во-вторых, указав на необходимость понимания смысла оригинала, Д. Селескович и М. Ледерер заставили переводоведов обратить внимание на то, что в переводческом труде присутствует творческая и созидательная составляющая. Фигура переводчика как деятеля (ранее – невидимый транслятор) была возвращена в переводческий процесс.

Такой дискурсивно-антропоцентрический подход позволил по-новому взглянуть на переводческую деятельность, послужил толчком к развитию когнитивных теорий в переводоведении.

2.2. ПРОБЛЕМА СМЫСЛОВОГО ТОЖДЕСТВА В СВЕТЕ КОГНИТИВНОЙ ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

Диалектика двух форм тождества, как доказано в когнитивной теории перевода Г. Д. Воскобойника, определяет характер переводческой эпистемы. Тождество текстов ИЯ и ПЯ может быть либо позитивистским, либо феноменологическим, при соответствующих интенциях переводчика «соответствовать действию» и «соответствовать переживанию». Данным видам тождества также соответствуют понятия эквивалентного и адекватного перевода. По утверждению автора, технические и научные тексты чаще переводятся с опорой на стандартные правила, с соблюдением позитивистского тождества, в то время как художественная литература требует нахождения феноменологического тождества [Воскобойник, 2004а; 2004б; 2007].

Эта тема также поднимается в работах московской школы перевода. Аналогичная мысль – стремление переводчика достичь тождества, руководствуясь противоположными интенциями – прослеживается в концепции конвенциональности языковых средств [Ланчиков, Берди, 2006; Бузаджи, 2008]. Д. М. Бузаджи считает, что определение «места, занимаемого текстом на шкале «авторское-общезыковое», позволяет переводчику выработать стратегию передачи языковых явлений, которые так или иначе не совпадают с неким ожидаемым стандартом» [Бузаджи, 2008, с. 48]. Если текст

договора и научной статьи требует перевода, нивелирующего авторские черты, то перевод художественного текста должен воспроизводить максимум черт, характеризующих идиостиль писателя [Бузаджи, 2008, с. 48].

Различный характер перевода в зависимости от типа текстов также отмечают М. П. Брандес и В. И. Провоторов. Так, они выделяют «несамостоятельную переводческую деятельность, близкую к тиражированию», характерную для переводов официально-деловой документации и научной литературы, и «относительно самостоятельную переводческую деятельность», проявляемую при переводе публицистических и художественных произведений [Брандес, Провоторов, 2001, с. 8]. Показательно, на наш взгляд, название перевода, который выполняется преимущественно за счет нахождения эквивалентных соответствий. «Человеческий фактор» в данном случае играет незначительную роль в успешности перевода. Не случайно машинный перевод лучше всего показывает себя при переводе инструкций по использованию технических приборов.

С другой стороны, как можно судить по названию, перевод действительно является переводом, если для его выполнения необходимо осмысление оригинала для дальнейшей онтологизации смысла средствами ПЯ, что неразрывно связано с интерпретацией, а «...факт интерпретации по определению дает феноменологическое тождество» [Воскобойник, 2007, с. 58].

Применительно к материалам данного исследования, англоязычным текстам с уникальным для носителей культуры ИЯ КС, можно с уверенностью сказать, что принципы позитивистского тождества к ним не применимы. Для понимания текста ИЯ, отсылающего к незнакомой для носителя другой культуры ситуации, необходимо проводить РД. Переводчик не может воспользоваться готовыми эквивалентными соответствиями. Ему приходится принимать решения, соотносясь с особенностями КС, что является обязательным условием понимания смысла текста.

Что касается стилистической принадлежности текстов с уникальным КС, перевод которых характеризуется нахождением феноменологического тождества, то анализ корпуса текстов (более 5000 страниц) показал, что частотность присутствия в тексте ИЯ уникального для исходной культуры КС действительно зависит от принадлежности оригинала к определенному функциональному стилю. Если основываться на традиционной классификации функциональных стилей И. Р. Гальперина [1958], частота отсылок к

уникальному для носителей культуры КС будет прямо пропорционально возрастать от 1 к 4 в текстах следующих стилей:

- 1) научной прозы;
- 2) официальных документов;
- 3) художественной речи;
- 4) газетно-публицистического стиля.

Вполне объясним тот факт, что официально-деловые и научные тексты в гораздо меньшей степени описывают уникальные для носителей исходной культуры явления. Такие тексты характеризуются известной степенью универсальности и нормативности. Наука, выработав в течение времени строгий и универсальный язык, объединяет людей в стремлении достичь объективного описания действительности. В художественных произведениях и текстах газетно-публицистического стиля отсутствуют очевидные эквивалентные отношения между текстами ИЯ и ПЯ, и именно тексты данных стилей послужили материалом исследования в настоящей работе.

Важным также представляется вывод Г. Д. Воскобойника о том, что при позитивистском тождестве в процессе нахождения эквивалентов действует принцип «часть ПЯ вместо части ИЯ, единица ПЯ вместо единицы ИЯ, текст ПЯ или его часть вместо текста ИЯ или его части», в то время как адекватность, соответствующая феноменологическому тождеству, предполагает стратегию «от целого к части» [Воскобойник, 2007, с. 84]. При переводе текстов с уникальным КС переводчик руководствуется последней стратегией, так как прояснение смысла «частей» текста ИЯ невозможно без знакомства с «целым» – необходимым КС, часто выходящим за рамки оригинала. По этой причине перевод текстов такого рода проходит при соблюдении правила герменевтического круга, сформулированного Ф. Шлейермахером [Шлейермахер, 1987].

В подтверждение сказанному приведем очередной пример из книги Дж. Нунберга *The Years of Talking Dangerously*. Это отрывок из эссе *Indecent Exposure*, где речь идет о существующей практике использования ненормативной лексики в СМИ и обсуждается вопрос, в каких случаях определенные обороты речи являются ругательствами, оскорбляющими достоинство слушателей. Проводится небольшой исторический экскурс:

Trace those expletives back to their source, the story goes, and they'll take you to Oh! Calcutta! and Fear of Flying, Jerry Rubin and Lenny Bruce, and further still to Lady Chatterley's Lover, Ulysses and the avant-garde assaults on the traditional standards of propriety and decency [Nunberg, 2009, p. 26] (выделено мной. – Е. К.).

В рамках заданной темы о причинах словесной вседозволенности автор текста ИЯ апеллирует к культурозначимым в американском социуме произведениям и личностям. Первой в списке упоминается нашумевшая эротическая пьеса, которая продолжительное время шла в театрах Нью-Йорка. Дальнейшее расширение культурозначимого КС ставит переводчика перед выбором нескольких интерпретаций номинации *Fear of Flying*. Во-первых, так называется эпизод шестого сезона популярного в Америке мультипликационного сериала «Симпсоны», сюжет которого строится вокруг аэрофобии одного из персонажей. Во-вторых, существует не менее популярная песня, исполняемая американской группой *Bowery Electric*. В-третьих, вышел роман под одноименным названием американской писательницы Эрики Джонг. Тот факт, что в книге присутствует откровенное описание любовных сцен, определяет выбор переводчика в пользу последней интерпретации. Другими словами, восстановление КС требует от переводчика соблюдения стратегии «от целого к части». Аналогичным образом из многочисленных данных о Джерри Рубине и Ленни Брюсе переводчик должен актуализировать ту информацию (здесь – в виде комментария), которая является релевантной для данного контекста. Кроме того, в тексте ИЯ упоминается произведение *Ulysses*, что можно перевести как «Одиссея». Поэма Гомера, однако, не обладает необходимой эпатажностью, поэтому совершается набрасывание очередного круга смысла, приближающего интерпретатора к целостности восприятия оригинала. *Ulysses* в данном случае – роман модерниста Дж. Джойса, повествующий о жизни обычного человека в менее эпическом ключе. После соотнесения частей с целым КС и целого КС с частями читателям текста ПЯ предлагается перевод:

Попытка найти первоисточник тех бранных слов приведет к эпатажной нудистской театральной постановке Oh! Calcutta!, откровенной книге об искательнице приключений «Боязнь летать», бунтарству активиста Джерри Рубина, выступлениям сатирика-вольнодумца Ленни Брюса; да что там! заведет еще дальше – к романам «Любовник леди Чаттерлей», «Улисс» и тому подобным авангардистским атакам на нормы поведения и морали (выделено и переведено мной. – Е. К.).

При переводе текстов с уникальным КС стратегия от «целого к части» позволяет восстановить недостающие знания, ассоциативные связи, которые возникают в сознании носителя исходного языка и культуры по умолчанию. В связи с этим замечанием, представляют

интерес следующие схемы, предложенные Г. Д. Воскобойником [Воскобойник, 2004а, с. 31] для описания процесса перевода научно-технических текстов, выполненных специалистом и неспециалистом в данной сфере (OX – ось сознания, OY – ось действительности ИЯ, O_1Y_1 – ось действительности ПЯ, OZ – ось ИЯ, O_1Z_1 – ось ПЯ):

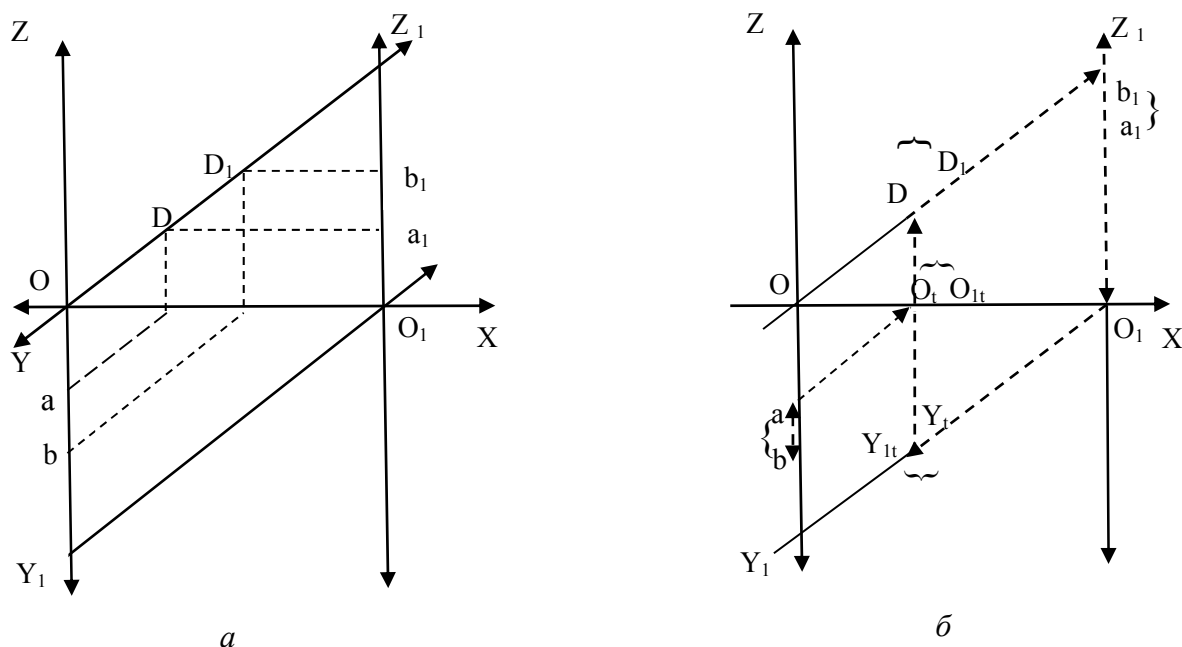

Рис. 3. Процесс перевода научно-технических текстов:
a – неспециалист, *б* – специалист

Схемы иллюстрируют выводы Г. Э. Мирама, сделанные на основе перевода медико-технического текста: перевод специалиста представляет собой интерпретацию, где избыточные детали опускаются, в результате чего перевод оказывается предельно сжатым. Перевод неспециалиста (переводчика-филолога) получается более дословным и информативно избыточным, потому что переводчик боится опустить важную информацию и переводит текст практически пословно [Мирам, 2001, с. 169–170]. «Неспециалист, – комментирует схемы Г. Д. Воскобойник, – ...работает в режиме строгих изоморфизмов: знаки А и В оригинала соотносятся с объектами D и D₁ и **обязательно** отображаются в знаках А и В перевода» (выделено авт. – Г. В.). Что касается специалиста, то «ему достаточно одного знака ‘а’, чтобы соотнести с ним не только объект D, но и D₁, находящийся с первым в ассоциативной связи» [Там же].

Таким же образом реципиент текста ИЯ, принадлежащий той же культуре (в данном случае американец), выступает в роли специалиста. Ему понятен текст ИЯ, так как различные культурные си-

туации, к которым он отсылает, для него знакомы. Ему не составит труда продолжить ассоциативный ряд, который автоматически активируется словами текста ИЯ. Это тот случай, когда «...смысл слова включает в свой состав фоновые смыслы, отражающие знания народа-носителя языка о предмете обозначения, не входящие в фиксируемое словарями лексическое значение» [Тарасова, 1992, с. 7]. Для носителя другой культуры понимание текста ИЯ будет сопряжено с приложением дополнительных усилий для его интерпретации. Согласимся с мнением В. И. Хайруллина, что представитель русской культуры не знаком со многими явлениями английской (или американской.– *Е. К.*) культуры. В связи с этим русскому читателю необходимо в большей степени детализировать признаки незнакомой ситуации [Хайруллин, 1995, с. 35].

Имея на начальной стадии текст с неэксплицированными ассоциативными связями объекта D с D_1, D_2 , и т. д., очевидными для носителя культуры ИЯ, переводчик должен эксплицировать эти связи при помощи РД (рис. 4).

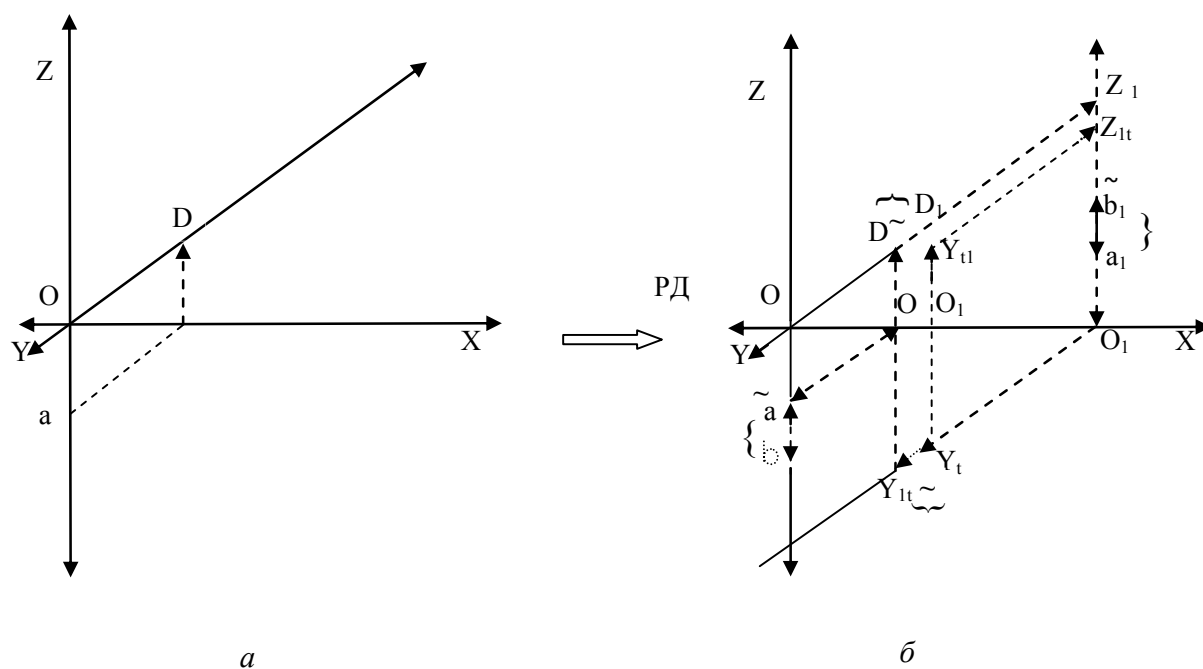

Рис. 4. Перевод текста с уникальным КС:
a – знак ИЯ на момент начала его интерпретации переводчиком,
б – законченный перевод текста ИЯ с эксплицированным КС

При первом рассмотрении текста ИЯ, при котором учитываются, прежде всего, значения единиц текста, переводчик имеет знаки, такие как знак 'а', соотносимый с объектом D действительности ИЯ (рис. 4, *a*). Объект, на который непосредственно указывает знак 'а',

требует рассмотрения во взаимосвязи с другими объектами (D_1 , D_2 , и т. д.), находящимися с ним в ассоциативных отношениях. Другими словами, необходимо расширение КС, в рамках которого объект D приобретает определенный смысл, для чего проводится РД (рис. 4, б). Идеальную ситуацию перевода можно представить движением по векторам $DZ_1O_1Y_{1t}$ (см. схему когнитивного представления «идеального перевода» Г. Д. Воскобойника [2004а, с. 22]). Фактически, перевод текста с уникальным КС складывается следующим образом: $Y_{t1}Z_{1t}O_1Y_t$. Происходит это из-за того, что знаки ПЯ не полностью отображают действительность ИЯ, представленную в исходном тексте. Любой перевод – это попытка сделать невозможное, приблизиться к представлению текста ИЯ, каким задумывал его адресант, одновременно сохраняя ориентированность на адресата, который принадлежит другому лингвокультурному сообществу. Невозможность этого достичь является причиной возникновения когнитивного диссонанса (КД) – понятия, которому также уделяется много внимания в исследованиях Г. Д. Воскобойника [2004а; 2004б; 2007] и которое будет рассматриваться ниже при анализе ономаσιологической стадии перевода (см. раздел 3.4.2).

На данном этапе достаточно будет отметить, что переводчик, реконструируя дискурс, налаживая ассоциативные связи, которые вызывает знак ‘а’, стремится сделать свой перевод идеальным, обеспечив встречу знаков ПЯ с объектами действительности ИЯ. Однако, как видно по зазору OO_1 , сделать это полностью не удается. Обратим внимание также на то, что знак ‘а’ в тексте ИЯ предстает без эксплицированной связи со знаком ‘b’. Эту связь в ПЯ должен эксплицировать переводчик, чтобы исходный знак оказался вписанным в тот КС, который необходим для его осмысления.

Как правило, переводчик идет по пути доместикации, что также отражено на схеме за счет смещения фигуры $Y_{t1}Z_{1t}O_1Y_t$ в сторону ПЯ и действительности ПЯ (см. схемы, характеризующие стратегии форенизации и доместикации Г. Д. Воскобойника [2004а, с. 23])¹².

¹² Термины «форенизация» и «доместикация» были введены в теорию перевода Л. Венути под влиянием идей немецких философов XIX в., обобщенных Ф. Шлейермахером. Данные понятия обозначают противоположные стратегии перевода. Форенизация – сохранение этнокультурных особенностей текста ИЯ в тексте ПЯ в неизменном виде для того, чтобы читатель мог самостоятельно приблизиться к автору оригинала. Доместикация – изменение этноцентрической информации текста ИЯ за счет помещения ее в контекст принимающей культуры; автор, таким образом, «переносится» к читателям текста ПЯ [Venuti, 2009, p. 284–285].

В вышеприведенном примере в тексте ПЯ была использована стратегия доместикации. С помощью описательного и конкретизирующего перевода (эпатажная нудистская театральная постановка, откровенная книга об искательнице приключений, бунтарство активиста, выступления сатирика-вольнодумца), в тексте ПЯ были эксплицированы релевантные для понимания оригинала ассоциативные связи культурнозначимых номинаций.

Итак, в терминах теории Г. Д. Воскобойника, вывод об особенностях перевода текстов с уникальным КС следующий. Такой перевод характеризуется нахождением феноменологического тождества при соблюдении стратегии «от целого к части», которая помогает восстановить необходимые ассоциативные связи, проясняющие ситуацию, в рамках которой текст ИЯ становится осмысленным для реципиента другой культуры. Для введения КС, необходимого для успешной интерпретации текста ПЯ адресатом, переводчик эксплицирует релевантные ассоциативные связи знаков ИЯ, присутствующих в оригинальном тексте имплицитно. Переводчик, в таком случае, часто вынужден прибегать к стратегии доместикации.

Для анализа процессов, происходящих на начальном семасиологическом этапе перевода текста ИЯ, обратимся к современным когнитивным теориям, которые могут послужить теоретической базой для представления перевода текстов с уникальным КС.

2.3. ОСМЫСЛЕНИЕ ТЕКСТА ИСХОДНОГО ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ КОГНИТИВНОГО ПОДХОДА К ЯЗЫКУ

*«В начале было Слово». С первых строк
Загадка. Так ли понял я намек?
Ведь я так высоко не ставлю слова,
Чтоб думать, что оно всему основа.
«В начале мысль была». Вот перевод.
Он ближе этот стих передает.
Подумаю, однако, чтобы сразу
Не погубить работы первой фразой.
Могла ли мысль в создание жизнь вдохнуть?
«Была в начале сила». Вот в чем суть.
Но после небольшого колебанья
Я отклоняю это толкованье.
Я был опять, как вижу, с толку сбит:
«В начале было дело», – стих гласит.*

И. В. Гёте, «Фауст» (перевод Б. Л. Пастернака)

Для настоящего исследования особый интерес представляет работа Р. И. Павилёниса «Проблема смысла», где в результате критического обзора семантических теорий высказывается мысль о том, что познание окружающего мира сопровождается постепенным построением концептуальной системы. Согласимся с автором в том, что проблема понимания языковых выражений должна рассматриваться с точки зрения знаний носителей языка, их способности формировать определенные смыслы относительно конкретного предложения. Первоначально, пишет автор, концептуальная система строится на доязыковом этапе развития индивида, а затем и на этапе овладения вербальной деятельностью, что также способствует усложнению и развитию данной системы.

Принципиально важно, что концептуальная система, как подчеркивает на протяжении всей книги Р. И. Павилёнис, принадлежит не языку, а носителям языка. Для того чтобы ориентироваться в мире, именно носители языка формируют и хранят информацию о нем в виде смыслов или концептов. Новые смыслы встраиваются в уже существующую систему, процесс ее расширения и обогащения идет непрерывно. Таким образом, замечает Р. И. Павилёнис, «...язык не является априорным условием познания мира, а интерпретация его выражений осуществляется лишь в концептуальных системах носителей языка, являющихся *необходимым условием* усвоения и осмысленного употребления вербальной символики и

вместе с тем объектом дальнейшего построения средствами естественного языка» [Павилёнис, 1983, с. 184] (курсив авт. – *Р. П.*).

Далее, нельзя не согласиться также с тем, что концептуальная система – это «...постоянно присутствующий контекст употребления и понимания языковых выражений...» [Там же, с. 120]. Заметим, что контексты употребления у разных носителей языка могут отличаться даже в рамках одной и той же культуры, на что указывает Ю. Н. Караулов [Караулов, 1987]. Тем более они будут отличаться у носителей разных языков и культур. Качественная разница концептуальных систем носителей культуры ИЯ и носителей культуры ПЯ является причиной, по которой в процессе перевода необходима РД. РД позволяет сделать понятным тот контекст употребления рассматриваемого текста, который релевантен для носителей исходной культуры. В более строгом смысле переводчик приближается к возможному пониманию текста ИЯ, так как смысл в известной мере феноменологичен, не дан в языке и формируется в индивидуальном сознании интерпретатора.

О применении терминологии и концепции смысла, используемой Р. И. Павилёнисом, в настоящем исследовании можно сказать следующее. Понимание текста ИЯ обусловлено выделением определенных концептов, возникающих под воздействием текста ИЯ в концептуальной системе переводчика, и попыткой связать их, объяснить с позиции уже существующих в этой системе концептов. Если возникающий новый концепт не конгруэнтен этой системе, то понимание текста идет по двум возможным путям. Интерпретатор может исходить из предположения о том, что объяснение нового концепта невозможно по той причине, что у него отсутствует та часть концептуальной системы, в которую он может быть встроен. Следовательно, необходимо эту часть создать посредством ознакомления с соответствующими текстами, к которым отсылает данный концепт. Если обращение к другим текстам в ходе РД не дает результатов, выбирается второй путь – отказ от данного концепта и поиск нового, который мог бы быть встроен в концептуальную систему интерпретатора. Вторую процедуру можно назвать набрасыванием смысла, по М. Хайдеггеру, или абдукцией (ретродукцией), по Ч. С. Пирсу [Хайдеггер, 1997, с. 187; Peirce, 1955, p. 151].

Рассматривая вопрос об отношениях взаимосвязи в концептуальной системе, уместно обратиться к представлению иерархических отношений в когнитивных системах репрезентации американского исследователя Т. Гивона. Признавая важность функции языка

представлять и передавать опыт, он выделяет в развитой знаковой системе два компонента: когнитивные системы репрезентации и символические коммуникативные коды [Гивон, 2004, с. 11]. Система репрезентаций Т. Гивона состоит из нескольких восходящих уровней. Во-первых, это понятийный лексикон, структурированный в виде сети с концептами (смыслами) в узлах. Далее концепты складываются в суждения (пропозиции или клаузы) и затем в многопропозициональный дискурс, онтологизированный текстом. Обратим внимание на следующее замечание Т. Гивона: «можно понять значение слов, образующих пропозицию, не понимая смысла пропозиции, но понять смысл пропозиции, не поняв значения составляющих ее слов, невозможно» [Гивон, 2004, с. 123] и далее: «можно понять смысл отдельных клауз, не обращаясь к смыслу дискурса, в который они входят, но понять смысл дискурса, не поняв смысла образующих его пропозиций, невозможно» [Там же, с. 124]. Проверить правомерность такого утверждения можно на следующем примере:

On Footwear:

I have no weakness for shoes. I wear very simple shoes which are pump shoes. It is not one of my weaknesses. (Imelda Marcos, former First Lady of the Philippines and owner of 3,400 pairs of shoes) [Petras, 1996, Mar. 19].

Об обуви:

Я равнодушна к обуви. Я ношу очень простую обувь, туфли лодочки. Это не относится к моим слабостям. (Имельда Маркос, бывшая первая леди Филиппин и обладательница 3400 пар обуви) (переведено мной. – Е. К.).

Высказывание приведено из ранее упоминавшегося календаря, где собраны глупые и смешные изречения. Действительно, само по себе высказывание, взятое без дополнительной информации, заключенной в скобки, для большинства реципиентов останется непонятым, т. е. в данном случае не покажется смешным, несмотря на знание значений отдельных слов и смысла отдельных пропозиций (клауз). Таким образом, Т. Гивон прав относительно возможности понимания смысла пропозиций без понимания смысла многопропозиционального дискурса. С другой стороны, смысл пропозиции, будучи величиной зависимой от контекста употребления, претерпевает в рассматриваемом примере изменения. Смысл клаузы «я равнодушна к обуви» (как и двух других) до расширения КС не равен смыслу той же клаузы с учетом справки, приведенной редакторами

словаря. Таким образом, необходимо сделать поправку. Воспринимающий способен не *понимать смысл* отдельных клауз без понимания смысла дискурса, но в состоянии *сконструировать возможный смысл* клауз. В этом состоит суть повторного набрасывания смысла. Смысл₁ клаузы «я равнодушна к обуви» как констатация факта действительности отвергается в пользу смысла₂ – «субъект равнодушен к обуви, но опровергает это».

Что касается второй части утверждения, о том, что невозможно понять смысл клауз и многопропозиционального дискурса без понимания значений составляющих их слов и пропозиций, то это замечание полностью соответствует нашему положению о том, что смысл всегда основывается на значении (см. раздел 1.2.3). Если интерпретатор не знаком со значением слов текста ИЯ, осмысление оригинала невозможно.

Знание значений слов, будь то существительные, глаголы и т. д., связано с возможностью актуализации концептов данных слов. Обратим внимание на то, что концепт, как отмечает сам Т. Гивон, есть «ментальные репрезентации *типов* конвенционализированного опыта (а не экземпляров индивидуального опыта)», а понятийный лексикон «представляет собой хранилище *общекультурно* закреплённой (“generic conventionalized”) информации» [Гивон, 2004, с. 120] (курсив авт. – Т. Г.), что соотносится с нашим пониманием значения как информации, конвенционально закреплённой за означаемым.

Смысл слова, с другой стороны, предполагает его понимание, исходя из встроенности в контекст, т. е. его существование как минимум на уровне предикативной конструкции. На когнитивном уровне осмыслению сопутствует налаживание связей между отдельными концептами. Представления о предметах связываются с представлениями о действиях, возникают не отдельные концепты, а пропозиции, что является началом возникновения связных мыслей, то, что в работе называется связной системой концептов. Не удивительно, что на этом уровне – и с этим, как пишет Т. Гивон, согласны когнитивные психологи – хранятся экземпляры индивидуального опыта [Гивон, 2004, с. 120–121]. Вновь происходит возвращение к тому, что смысл – это информация, реализуемая в конкретном контексте, скрытая от непосредственного восприятия, связанная с феноменологичностью понимания.

Рассмотрим аналогичный пример:
Political Stances, Controversial:

I strongly support the feeding of children (President Gerald Ford, speaking about the School Lunch Bill) [Petras, 1996, p. Feb. 24].

Носителю русской культуры не будет понятно, почему вполне обычное, на первый взгляд, заявление президента Джеральда Форда было названо противоречивым. Реципиенту будет доступен смысл₁, основывающийся исключительно на понимании значений слов, составляющих высказывание, а именно, «президент Джеральд Форд выступает за питание детей в школах». Респонденты-американцы поясняют, что школьные завтраки, предложенные Дж. Фордом, не придутся по душе среднестатистическому американскому подростку, привыкшему к гамбургерам и чипсам, и не смогут хоть как-то улучшить питание школьников просто потому, что их никто не будет есть.

Прослеживание связей пропозиции главного предложения с другими пропозициями в составе многопропозиционального дискурса позволяет выйти на более глубокое осмысление оригинального сообщения. Смысл₂, сформированный в результате РД, находит выражение в следующем переводе:

О противоречивой политической позиции:

Я за то, чтобы давать на завтрак школьникам несладкую кашу (президент Джеральд Форд, комментируя законопроект школьных завтраков) (переведено мной. – Е. К.).

Сомнительно, что кто-то из школьников будет есть несладкую кашу, поэтому в результате предложенного перевода текст ПЯ будет оказывать необходимый прагматический эффект. Экспликация скрытого смысла оригинала достигается в переводе с помощью приема смыслового развития и компенсации.

2.3.1. Реконструкция дискурса как процесс создания когерентной концептуальной структуры

Носителей различных культур характеризует наличие отличных друг от друга концептуальных систем, представляющих в сознании человека определенные фрагменты действительности. Процедура РД призвана восполнять те недостающие концептуальные связи, с помощью которых пропозиция текста ИЯ вписывается в многопропозициональный дискурс, что делает исходное сообщение осмысленным для представителя иной культуры.

Необходимым условием правильности построения концептуальной структуры выступает признак когерентности, т. е. компоненты структуры не должны противоречить друг другу. Интерпре-

тируя текст ИЯ, переводчик должен формировать смысл относительно всего текста. В случае если смысл отдельного слова, отдельной пропозиции не соответствует более глобальному многопропозициональному дискурсу, идет новый поиск смысла, который бы соответствовал истинности целого дискурса. Идея включения концептов (слов) в пропозиции (клаузы) и далее в многопропозициональный дискурс (последовательность клауз) и невозможность понимания образования более высокого порядка без понимания составляющих его частей соотносима с идеей понимания целого из частей в герменевтике.

Существует мнение, что данное отношение включения более мелких когнитивных единиц в более крупные характеризуется «односторонней импликацией» [Гивон, 2004, с. 124]. Иными словами, понимание частей может проходить безотносительно к целому. Применительно к переводу, с этим не всегда можно согласиться. Переводчик переводит тексты, а не отдельные слова или предложения. Именно поэтому говорить о том, что смысл отдельных слов и даже клауз может быть понятен без учета многопропозиционального дискурса, выраженного текстом, ошибочно. Так, отдельное слово может получить несколько толкований, как в следующем примере:

Kent state was in the past. SDS had disappeared. Nixon was on the run then, but we were out of Vietnam and the feeling across the country on the day I stepped off the train and made my way across the street to find a taxi to take me to college was that the years of unrest were over [Canin, 2008, p. 161] (выделено мной. – Е. К.).

В случае с аббревиатурами часто существует несколько вариантов их возможных значений. Вся пропозиция, выраженная выделенным предложением, в которой аббревиатура может получить несколько толкований, остается неясной. Только после ее соотнесения с многопропозициональным дискурсом, повествующем о прошедших студенческих волнениях, сопровождавших войну во Вьетнаме, становится очевидно, что SDS означает студенческую организацию, выступавшую за демократическое общество (электронный англо-русский словарь Multitran предлагает более 30 расшифровок аббревиатуры SDS, в том числе на военную тему).

Проведенная РД позволяет сделать следующий перевод:

События, связанные с расстрелом студенческой мирной демонстрации в городе Кент, остались в прошлом. Исчезла левая организация «Студенты за демократическое общество». Никсон пошел на попятную, но война во Вьетнаме осталась позади и тя-

гостное настроение беспокойных и мятежных лет в тот день, когда я сошел с поезда и пересек улицу, чтобы поймать такси до колледжа, уже рассеялось (переведено мной. – Е. К.).

Очевидно, что понимание смысла пропозиций действительно невозможно без понимания составляющих ее слов. Верно и обратное – понимание слов невозможно без понимания пропозиций, а понимание пропозиций связано с пониманием многопропозиционного дискурса. В случае если понимание составляющих текст слов происходит безотносительно к смыслу целого текста, переводчик испытывает, как было показано Г. Д. Воскобойником на примере конспекта делового доклада, когнитивный диссонанс [Воскобойник, 2007, с. 199–200].

Итак, правомерно сделать вывод о том, что *элементы концептуальной структуры, формируемой относительно текста ИЯ, должны характеризоваться отношениями двусторонней импликации, т. е. понимание дискурса определяется пониманием составляющих его пропозиций и концептов, а понимание концептов и пропозиций определяется целым дискурсом* («стратегия от целого к части», по Г. Д. Воскобойнику).

Помимо Р. И. Павилёниса, идея концептуальных систем в иной терминологии присутствует у А. В. Кравченко. Ученый обращает внимание на то, что адаптирование и взаимодействие человека со средой происходит с самого рождения. Так, при кормлении органы чувств ребенка заставляют его реагировать на определенное воздействие среды, нервная система ребенка активизируется, у него возникают отдельные репрезентации. Сначала реакция ребенка на внешние раздражители носит рефлекторный характер, но по мере повторения стимулов, в данном случае зрительных, тактильных, обонятельных, звуковых, возникают каузально связанные элементарные репрезентации или сложная репрезентация кормления. В дальнейшем одного стимула оказывается достаточно для того, чтобы у ребенка активировалась сложная репрезентация [Кравченко, 2008, с. 165–166].

Вернемся к рис. 3, б и 4, б для того, чтобы показать, что данный принцип также работает при переводе. Знак 'а' текста ИЯ активизирует в сознании реципиента-американца, помимо концепта самого знака, соответствующие взаимосвязанные с ним концепты, которым соответствуют объекты $D - D_n$ действительности ИЯ (см. рис. 3, б). Для того чтобы активация концептуальной системы произошла у носителя другой культуры, необходима РД для выявления связей знака 'а' со знаком 'b' (см. рис. 4, б).

Таким образом, по А. В. Кравченко, человек, постепенно ориентируясь в среде, накапливает систему сложных репрезентаций, которые одновременно являются единицами опыта, или концептами. По мере овладения языком концепты, как сложные репрезентации, структуры сознания, овнешняются за счет знаков, слов. Язык, тем самым, дает доступ к ментальным репрезентациям других людей, представляет собой консенсуальную область взаимодействия, где проходит когнитивная деятельность [Кравченко, 2008, с. 169].

Действительно, как отмечалось ранее, единицы, составляющие текст ИЯ с уникальным КС, служат базой для осмысления оригинального сообщения. Другими словами, они могут предоставить доступ к связной когнитивной системе, которая уже существует или могла бы возникнуть в сознании носителя исходной культуры с учетом уже сложившихся репрезентаций, под воздействием стимула – знака 'а' текста ИЯ. Оговоримся, что имеется в виду лишь возможность приближения к такому же пониманию текста ИЯ, приближения к воссозданию той концептуальной системы, которая возникает по отношению к этому тексту у носителей ИЯ и культуры.

2.3.2. Обоснование понятия «концептуальная структура»

Применительно к переводу когнитивный подход к языку использует А. Г. Минченков. Показательно название монографии автора – «Когниция и эвристика в процессе переводческой деятельности» [2007]. В данной работе ставится под сомнение положение традиционной лингвистической теории перевода о том, что перевод – это преобразование, трансформация текста ИЯ в текст ПЯ.

В качестве альтернативы традиционной теории перевода с эквивалентностью в качестве центрального понятия предлагается когнитивно-эвристическая модель, где связующим звеном двух языков выступает мысль, по-разному выражаемая в разных языковых системах. Единицами мысли являются концепты, они же выступают единицами перевода. О языке мысли еще в первой половине XX века писал Л. С. Выготский, об «универсальном предметном коде» (УПК), на котором протекает процесс мышления и единицей которого является концепт, – Н. И. Жинкин [1998]. Опираясь на ранее полученные данные знаменитых психолингвистов, автор предлагает поэтапную модель перевода. Кратко опишем эту модель.

Под влиянием текста ИЯ в сознании переводчика возникает прототипическое значение исходной языковой единицы, т. е. актуа-

лизируются соответствующие концепты-понятия; далее при взаимодействии с фоновыми знаниями и знанием контекста концепты-понятия переходят в субъективные концепты, на основе которых создается смысл; после этого переводчик создает из субъективных смыслов концептуальную структуру, определяющую план текста ПЯ; происходит объективация этой концептуальной структуры на язык ПЯ.

В фазе, предшествующей формированию смысла, происходит «когнитивный поиск», а на завершающем этапе перевода, когда предлагаются разные варианты объективации сложившейся концептуальной структуры для выбора наиболее точного, отвечающего нормам и правилам ПЯ, проводится автокоррекция [Минченков, 2007, с. 167].

При когнитивном поиске решающее значение для создания правильной концептуальной структуры играет знание КС, фоновые знания переводчика. Особенно это необходимо там, где слово употребляется не в своем прототипическом значении. Вот почему двуязычные словари, отмечает А. Г. Минченков, построенные по принципу нахождения эквивалентов, часто не могут помочь переводчику, иногда даже сбивают его с правильного поиска нужного концепта, поскольку предлагают прототипическое значение слова.

Данное замечание можно отнести в пользу необходимости проведения РД и использования всех фоновых знаний интерпретатора для адекватного понимания смысла исходного сообщения и, следовательно, успешного перевода.

Как и Р. И. Павилёнис, Т. Гивон, А. В. Кравченко, в своей концепции А. Г. Минченков отталкивается от точки зрения, что при восприятии новой информации ее реципиент выстраивает когнитивную структуру и стремится, чтобы ее элементы согласовывались друг с другом. У каждого взрослого носителя языка существует сформированная концептуальная структура. Слово родного языка вызывает в сознании тот концепт, который релевантен для данной коммуникативной ситуации. Слово неродного языка аналогичным образом должно актуализировать концепт при условии, что у его интерпретатора существует некий опыт взаимодействия с данной языковой средой и культурой, т. е. у него также сформирована концептуальная структура относительно другого языка. Если речь идет не о билингвизме, необходимо признать, что во втором случае концептуальная структура будет уступать по своей развитости, наличию связей между ее составляющими от концептуальной структуры родного языка, что требует дополнительных усилий при интерпре-

тации текста ИЯ – проведения РД. Согласимся со словами Р. И. Павилёниса: «...каков “арсенал” содержащихся в системе концептов, таково и качество интерпретации» [Павилёнис, 1983, с. 207].

Когнитивный подход к переводу был также предложен В. И. Хайруллинским [1995, с. 2009]. Фреймовая методика была применена автором не только к отдельным словам, но и к высказываниям при переводе с английского на русский язык. Базовая гипотеза исследования состоит в том, что в основе представления информации в высказывании лежат определенные фреймы. Употребление какой-либо единицы влечет за собой активацию фрейма, частью которого она является. В любом высказывании активируется какой-либо фрейм. Особенности высказываний, используемых в тексте ИЯ и ПЯ, позволяют сопоставлять фреймы оригинала и перевода. На примере категорий материального объекта, пространства, времени, действия было показано, что им соответствуют фреймы, немного отличные по своим характеристикам в английском и русском языке. Другими словами, употребление определенных единиц в тексте ИЯ и ПЯ выявляет различия в способах представлений данных о действительности у представителей разных лингвокультурных сообществ.

Если сравнивать настоящее исследование с вышеупомянутым, то можно сказать, что, в отличие от активации фрейма при порождении высказывания, мы занимаемся изучением активации когнитивных структур при восприятии высказываний. Использование термина когнитивная структура не случайно. Фрейм подразумевает представление стереотипной ситуации (по М. Минскому), и поскольку речь идет о текстах с уникальным для носителя культуры ИЯ КС, утверждение, что восприятие текста ИЯ будет активировать фреймовые структуры, будет некорректным.

Если обратить внимание на виды фреймов, которые были активированы автором при создании текста ИЯ, то внимание переводчика будет, прежде всего, обращено на фреймы «культуральные», т. е. «активируемые при представлении информации об особых элементах культуры (реалиях)», а не на «когнитивно-семантические, отражающие специфические структуры мышления» [Хайруллин, 1995, с. 11].

Строго говоря, далеко не всю информацию, относящуюся к уникальным культурным явлениям, можно представить как хранящуюся в виде фреймов. Поэтому для описания когнитивного представления высказываний оригинала в дальнейшем используется более общий термин «концептуальная структура».

2.3.3. Концептуальная структура как способ представления смысла оригинала

Необходимо несколько подробнее изложить содержание термина «концептуальная структура», избранного в качестве ключевого для описания процесса и результата РД.

Ближайшим синонимом термина «концептуальная структура» является термин «концептосфера», впервые введенный академиком Д. С. Лихачёвым. Под «концептосферой» понимаются «...потенции, открываемые в словарном запасе отдельного человека, как и всего языка в целом»; связь концептов, где «концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [Лихачёв, с. 153, 151].

В настоящее время наряду с «концептосферой» используются такие термины, как «концептуальная система» (Р. И. Павилёнис, Дж. Лакофф и М. Джонсон), «концептуальный домен» (Р. Ленакер), «когнитивное пространство», подразделяемое на индивидуальное и коллективное (В. В. Красных), «ментальное пространство» (Ж. Фоконье), сеть из связанных между собой узлов-концептов (Т. Гивон), совокупность сложных репрезентаций (А. В. Кравченко), и т. д.

Несмотря на обилие синонимичных терминов, на наш взгляд целесообразно вслед за А. Г. Минченковым придерживаться термина «концептуальная структура». Когнитивно-эвристическая модель перевода А. Г. Минченкова близка нашему пониманию переводческого процесса и служит важной теоретической базой проводимого исследования. Так, автор считает, что перевод возможен благодаря языку мысли. Перевод осуществляется благодаря операциям с концептами, которые возникают на базе исходного текста. Формирование когерентной концептуальной структуры должно предшествовать следующей стадии перевода – объективации концептов на языке текста перевода (ср. перевод как семаономасиологический процесс). Концептам в модели отводится центральное место: они выступают в качестве единиц перевода. Успешность последнего определяется тем, насколько полно переводчику удалось объективировать концепты, с учетом реальной возможности это сделать в данном контексте [Минченков, 2007; 2008].

Отдельные слова, весь текст ИЯ, как отправная точка РД, выступают стимулом к образованию концептов, задействованы в формировании концептуальной структуры. В случае с текстами с уни-

кальным КС восприятие целого текста, а также затекстовой информации позволяет приблизиться к восприятию всей коммуникативной ситуации и воссозданию ее когерентной концептуальной структуры в сознании переводчика. Совет начинать перевод текста после предварительного ознакомления с целым текстом знаком всем переводчикам. В филологических науках о необходимости цельного осмысления текста писал Г. О. Винокур. Рассуждая о культуре чтения как акте понимания, он отмечал, что «...для надлежащего понимания смысла необходимо, чтобы сознание читателя (слушателя) охватывало речь в ее целом, как нечто единое, проникнутое цельным и единым смыслом», а для успешности истолкования текста порой приходится «...выходить уже за пределы того текста, который ограничен рамками прочитываемой книги, и обращаться в поисках нужной связи (за “справками” и т. п.) к другим печатным и культурным источникам» [Винокур, 2000, с. 85; 87].

В данном случае это тем более необходимо, поскольку анализируемые тексты ИЯ, как правило, описывают ситуации, уникальные для носителей культуры ИЯ, и их понимание требует контекстного подхода, не ограниченного лингвистическим окружением высказывания.

Проиллюстрируем это на следующем примере:

That Sunday morning, as I was washing the Massey-Ferguson in the big garage, a rusty yellow Corvair pulled in behind me and a man began to struggle out. He had to shove his cigarette into his mouth and lean both hands on the door to get his legs free from the driver's seat, but then without turning to look at me he tossed his keys backwards over the roof into my hands. I noticed they were on a Buffalo Bisons ring.

“Here you're an Indians man”, he said in a short-of-breath voice. When he finally stood, I saw how fat he was.

“Yes, sir.”

He stopped and looked behind himself theatrically, as though I'd been speaking to someone else.

“Bison's fan myself, kid”. He slapped his huge belly. “If that's not too ironic”. Then he limped around to my side of the car, tugging at his sweaty shirt. “Born and bred Buffalo”. He bend forward to draw on his cigarette. “You watch, though. Bisons'll be an Indians farm club before too long.”

I set my sponge down on the Ferguson's muddy engine case. “Not for a while, anyway.”

“*Johnny Bench was a Bison originally. Before the team went Canuck.*” [Canin, 2008, p. 56–57] (выделено мной. – Е. К.).

В тексте ИЯ упоминается команда (team) Buffalo Bisons, которая может быть и хоккейной и бейсбольной и футбольной (существуют спортивные команды под одноименным названием всех трех видов спорта). О том, что в тексте говорится о спортивной команде, можно также судить по ироничному замечанию о неспортивной фигуре одного из героев, который, тем не менее, является ее фанатом. В тексте дается название бейсбольной команды Indians или Cleveland Indians. С другой стороны, существовал профессиональный хоккейный клуб Canucks. Возникает вопрос, о чем идет речь в тексте – о бейсбольной или хоккейной команде? Для того чтобы это выяснить, необходима РД.

Целесообразным представляется начать реконструкцию с анализа жесткого дескриптора, присутствующего в оригинале – имени собственного Дж. Бенч. Дополнительные источники свидетельствуют о том, что, Дж. Бенч был выдающимся бейсбольным игроком, который до 1967 г. играл в Buffalo Bisons. В тексте ИЯ, таким образом, упоминается бейсбол.

Далее, для проверки выдвинутой гипотезы необходимо реконструировать время события. Контекст всей книги, из которой был взят данный отрывок поможет в этом. Действия в книге разворачиваются вокруг подготовки к выборам на пост президента во время окончания первого срока Никсона, упоминается также его визит в Китай 1972 г. Хоккейная команда Buffalo Bisons играла с 1940 по 1970 г., следовательно, ко времени, описываемому в книге, она уже распалась. Более того, дальше по тексту книги главный герой Корей, один из участников вышеприведенного диалога, оказывается фанатом бейсбола, что видно из его чтения спортивных сводок с приведением количества очков, набранных определенными командами, и имен других бейсболистов.

Наконец, следует интерпретировать фразу *Before the team went Canuck*. Возможные смысловые круги: 1) название решающей битвы; 2) место игры; 3) сленговое устойчивое выражение (to go Canuck). Расширение КС приводит к выводу, что более вероятен последний вариант. Словом Canuck неофициально называют канадцев. Зная это, необходимо найти информацию о Buffalo Bisons, связанную с Канадой. Выясняется, что команда перешла из высшей в низшую лигу и после 1970 г. из-за небольшой наполненности стадионов выступала в канадском городе Виннипег.

Выбор смыслового варианта из трех возможных завершает процедуру РД, необходимую для понимания оригинала, результатом чего является следующий перевод:

В то воскресное утро я мыл в гараже хозяйский трактор. Позади меня припарковался старый желтый Корвэйр, из которого начал с трудом выбираться мужчина. С сигаретой в зубах ему пришлось двумя руками открывать себе дверцу, чтобы потом перекинуть ноги. Не поворачиваясь ко мне, он бросил ключи через машину прямо мне в руки. Я заметил, что ключи были на брелке с Буффало Байсонс.

«Держи, Индианс», сказал он запыхавшись. Когда он, наконец, выпрямился в полный рост, я увидел, какой он толстый.

«Да, сэр».

Он остановился и театрально оглянулся, как будто я говорил не с ним, а еще с кем-то.

«Я-то, малыш, болею за Байсонс». Он похлопал свой огромный живот. «Смешно, должно быть». Потом он неуклюже обошел машину, чтобы поравняться со мной, поправляя при этом прилипшую к телу рубашку. «С пеленок их фанат». Он ссутулился и закурил. Но ты все равно смотри в оба. Индианс скоро сделают из Байсонс команду резерва.

Я положил губку на залитый грязью картер тракторного двигателя. «Ну, пока этого не произошло».

«Джони Бенч сначала играл за Байсонс. Еще до того как они стали выступать в Канаде» (переведено мной. – Е. К.).

Данный отрывок показателен в плане иллюстрирования стремления переводчика создать когерентную концептуальную структуру относительно текста ИЯ. Переводчик осуществлял, в терминах А. Г. Минченкова, когнитивный поиск, выясняя, идет ли речь в тексте о хоккее или бейсболе. В поисках ответа на этот вопрос он руководствовался как контекстом данного высказывания (если в одном предложении говорится о бейсбольной команде, в следующем не может идти речь о хоккее), контекстом всего произведения для верифицирования выдвинутых гипотез о смысле исходного текста, так и КС, полученным при РД. Формирование смысла происходит при соотнесении прототипического значения единиц текста с контекстуальной информацией, фоновыми знаниями переводчика. Нельзя не согласиться с Ю. Е. Прохоровым, что концепт действительно оказывается «...референцией, определяющей взаимосвязь, отношение между действительностью ситуации общения и теми

семиотическими и семантическими полями, которые на данном языке в данной культуре устойчиво с этой ситуацией соотносятся» [Прохоров, 2008, с. 143].

Схожую мысль также выражает И. П. Тарасова [1992, с. 32], говоря о «смысловом конденсате», который имплицитно присутствует в тексте и который при желании может быть выведен в поверхностную структуру носителями ИЯ. Данные фоновые знания могут быть представлены в виде когнитивных структур, фреймов [Там же, с. 26], что соотносится с нашим представлением о том, что понимание, или осмысление текста ИЯ – это способность «вписать» концепты, возникающие при поверхностном восприятии текста, в концептуальную структуру соответствующей ситуации.

На глубинном уровне понимания, отмечает Н. Н. Гавриленко, «...происходит соотнесение языковых знаний со знаниями о мире, со структурами представления и хранения знаний, с предшествующим опытом человека» [Гавриленко, 2009, с. 66]. Осмысление текстов с уникальным КС невозможно без такого соотнесения, выполнить которое помогает РД. Сравните также: «высказывание, содержащее новую информацию, – это надстройка над фоновыми знаниями, поскольку понимать сообщение означает интерпретировать его на основе необходимых фоновых знаний...» [Хайруллин, 1995, с. 10].

Напомним, что идея необходимости учета КС при переводе четко прослеживается у авторов интерпретативной теории перевода, рассмотренной в начале главы. Таким образом, данная мысль оказалась плодотворной, и значимость фоновых знаний при переводе признается современными исследователями.

Итак, выше представлено понимание того, что происходит при восприятии текста ИЯ, осложненного уникальным КС, на когнитивном уровне. Следующая глава будет посвящена проблеме РД, процедуре, необходимой для осмысления оригинала на семасиологическом этапе перевода, а также рассмотрению основных характеристик перевода ономасиологического этапа.

Выводы

1. Интерпретативная теория перевода послужила основой развития когнитивных теорий в переводоведении: впервые фокус внимания был смещен с языковых структур на уровень когнитивный.

2. При переводе текстов с уникальным КС переводчик стремится достичь феноменологического тождества при соблюдении стратегии «от целого к части». Данная стратегия, позволяющая интерпретатору восстановить ассоциативные связи, которые возникают у носителей культуры ИЯ по умолчанию, лежит в основе процедуры РД. Для введения КС, необходимого для успешной интерпретации текста ПЯ адресатом, переводчик эксплицирует релевантные ассоциативные связи знаков ИЯ, присутствующие в оригинале имплицитно.

3. Частотность присутствия в тексте ИЯ уникального для исходной культуры КС зависит от принадлежности оригинала к определенному функциональному стилю. Тексты с уникальным КС принадлежат, как правило, к газетно-публицистическому стилю и стилю художественной речи.

4. Осмысление текста ИЯ на когнитивном уровне сопровождается формированием связной, когерентной концептуальной структуры относительно оригинала. Ее элементы характеризуются отношениями двусторонней импликации, т. е. понимание дискурса определяется пониманием составляющих его пропозиций и концептов, а понимание концептов и пропозиций определяется дискурсом, что соответствует соблюдению стратегии «от целого к части».

5. Понимание текста ИЯ проходит при неоднократном набрасывании смысла. Это объясняется тем, что предполагаемый смысл пропозиции может отличаться от смысла той же клаузы, рассмотренной в рамках дискурса, релевантного для интерпретации оригинала.

6. Для описания когнитивного процесса, сопровождающего осмысление текста ИЯ, представляется целесообразным использовать термин «концептуальная структура». В отличие от термина «фрейм» («сценарий») он адекватно описывает представление нестереотипной ситуации, к которой отсылает текст с уникальным для носителей ИЯ КС. Кроме того, существуют прецеденты использования термина в когнитивно-эвристических моделях применительно к переводческому процессу.

ГЛАВА 3

ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕКОНСТРУКЦИИ ДИСКУРСА В ПРОЦЕССЕ ПЕРЕВОДА

Перевод иностранного текста требует соблюдения не одного, а двух условий. Оба они существенны, и оба сами по себе недостаточны: это знание языка и знание цивилизации, с которой связан язык.
Ж. Мунен

Процесс РД в переводе достаточно сложное явление и требует подробного теоретического обоснования. Большая часть заключительной главы будет посвящена именно этой теме. Цель работы в дальнейшем: установить научный статус РД на основе лингвофилологических предпосылок этого понятия и анализа соответствующего эмпирического материала.

Начнем с обоснования релевантности понятия РД в переводе.

3.1. МЕСТО РЕКОНСТРУКЦИИ ДИСКУРСА В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

3.1.1 Реконструкция дискурса vs предпереводческий анализ текста: основные различия

Употребляя новый термин, необходимо, прежде всего, ответить на вопрос, есть ли необходимость в его использовании. В настоящее время в переводоведении достаточно широко используется термин «предпереводческий анализ текста» (М. П. Брандес, В. И. Провоторов, И. С. Алексеева). Как термин «предпереводческий анализ текста» соотносится с термином РД? Целесообразно уточнить содержание понятия «предпереводческий анализ текста».

Основные составляющие предпереводческого анализа текста описаны в докторской диссертации В. Н. Комиссарова, хотя сам термин автором не использовался. «При лингвистическом исследо-

вании процесса перевода, – пишет исследователь, – необходимо учитывать воздействие на этот процесс прагматических факторов» [Комиссаров, 1975, с. 21]. Как справедливо замечает исследователь, при переводе необходимо быть не только верным оригиналу, но и признавать за результатом перевода права самостоятельного акта речи. Ценность перевода может обуславливаться различными факторами, например «...решением особой сверхзадачи, литературными достоинствами текста перевода, ясностью изложения, простотой и точностью технического описания (даже если это не достигнуто в оригинале), отношением реципиентов перевода (ПР) к содержащимся в тексте идеям или творческой манере автора оригинала, и т. п.» [Там же, с. 22]. Среди составляющих предпереводческого анализа текста, выделяемых в переводоведении в настоящее время, В. Н. Комиссаровым были выделены ориентация на реципиента, определение функционально-жанровой направленности оригинала, учет времени и места создания оригинала.

Насколько идеи выдающегося исследователя опередили время, можно судить по тому перечню параметров, которые входят в понятие «предпереводческий анализ текста», активно используемое в работах современных ученых.

В настоящее время в предпереводческий анализ текста включаются следующие этапы: 1) сбор внешних данных о тексте (автор, время создания текста, из какого более крупного текста был взят данный текст); 2) определение источника текста и его реципиента; 3) определение плотности и типа информации (когнитивная, эмоциональная или эстетическая); 4) определение коммуникативного задания (информирование, оказание влияния, налаживание контакта и т. д.); 5) определение речевого жанра [Алексеева, 2003, с. 150–157].

В монографии «Текст и перевод» предлагается классификация типов текста, в основе которой наряду с мерой переводимости (3 группы) учитываются составляющие предпереводческого анализа текста. Полученная транслатологическая классификация текстов призвана помочь переводчику в выборе стратегии перевода конкретного текста [Алексеева, 2008].

М. П. Брандес и В. И. Провоторов в книге, посвященной предпереводческому анализу, рассматривают анализ художественных и нехудожественных текстов отдельно. В художественном тексте, отмечают авторы, важно определить образ (эпичность, драматичность, лиричность) и роль (повествователь, рассказчик, наблюдатель, аналитик) говорящего субъекта. Определение других пара-

метров – способа коммуникации, специфики повествования, синтаксического и лексического оформления речи – важно для всех видов текста и зависит от их жанрово-стилистической направленности [Брандес, 2001, с. 5].

Таким образом, несмотря на то что проблеме функционально-стилистической дифференциации текстов М. П. Брандес и В. И. Провоторов уделяют больше внимания, объем содержания понятия «предпереводческий анализ» оказывается уже, чем по версии, предлагаемой И. С. Алексеевой.

Предпереводческий анализ, как можно судить по вкладываемому в это понятие содержанию, призван помочь переводчику в выборе языковых средств и структур для перевыражения смысла текста ИЯ. На этом этапе переводчик формирует тезаурус, знакомясь с теми лексическими средствами, которые характерны для текста данного стиля, жанра, идиостиля писателя, если это художественное произведение. Подготовка к переводу может оказаться достаточно серьезной, если текст ИЯ значительно отстоит от переводчика по времени. Для выяснения характерных особенностей синтаксиса и лексики переводчик обращается к материалам, посвященным определенному историческому периоду.

При подготовке к устному переводу важность сбора данных о предполагаемом тексте ИЯ трудно переоценить, что отмечают ведущие синхронные переводчики. Первое правило устного переводчика гласит: «хорошо подготовьтесь: изучите материалы и документы, литературу и источники (газетные статьи, документы и т. д.) по теме беседы, лекции, конференции» [Чужакин, 1999, с. 28]. В целях успешности вероятностного прогнозирования синхронист должен изучить не только терминологию, но и разобраться в содержании области перевода [Там же, с. 41].

Итак, предпереводческий анализ предстает необходимой процедурой, с которой *начинает* работу квалифицированный проводчик. Название термина ориентирует на левую границу текста ИЯ. В терминах герменевтики предпереводческий анализ текста ИЯ – это анализ его предпонимания, или установление особенностей интенционального порядка [Гадамер, 1988].

Что касается процедуры РД, она осуществляется по ходу перевода текста при обнаружении в оригинале дескрипторов, отсылающих переводчика к уникальному КС, знание которого необходимо для понимания смысла текста ИЯ. Восстановление КС, как было показано выше, сопровождается набрасыванием кругов интерпре-

тации. РД требует отклонения от вектора текста (см. раздел 1.1.1). Переводчик совершает линейное отклонение (термин Г. Д. Воскобойника), совершая поиск новых текстов, образующих с текстом ИЯ его адекватный контекст интерпретации. Образно говоря, линейный вектор текста ИЯ окружен диалектической спиралью, отображающей, по мнению Г. В. Ф. Гегеля [1977], восхождение знания.

В отличие от предпереводческого анализа, нацеленного на выработку общей стратегии перевода, ознакомление с тематикой, тезаурусом и композиционной структурой оригинала, РД проводится при возникновении определенной переводческой проблемы, связанной с незнанием той культурной ситуации, к которой отсылает текст ИЯ.

РД также применима к устному переводу, но возможности ее проведения ограничены. Переводчик также набрасывает круги интерпретации, руководствуясь стремлением породить логически связанный текст ПЯ. Случается, что в процессе профессиональной деятельности переводчик понимает, что озвученный ранее перевод искажает или противоречит последующей информации. В таком случае, советуют А. П. Чужакин и П. Р. Палажченко, он может, извинившись, поправить себя, компенсировать недостающую информацию в дальнейшем [Чужакин, 1999, с. 56–57].

Поскольку предпереводческий анализ текста ИЯ определяет общий способ перевода, результат РД может быть подчинен выбранной переводческой стратегии. Поясним, что имеется в виду, на примере перевода отрывка романа Л. Кэрролла *Alice's Adventures in Wonderland*:

Please would you tell me," said Alice, a little timidly, for she was not quite sure whether it was good manners for her to speak first, "why your cat grins like that?

"It's a Cheshire cat," said the Duchess, "and that's why. Pig!" [Carroll, 1963, p. 83] (выделено мной. – Е. К.).

Скажите, пожалуйста, – начала Алиса нерешительно (она была воспитанная девочка и потому не совсем уверена, прилично ли ей первой заговаривать со старшими), – почему ваш кот так улыбается?

*– Это Чеширский Кот, – сказала Герцогиня, – вот почему. Поросенок! * А ВЫ ЗНАЕТЕ, кто такой Чеширский Кот? Одни ученые говорят, что на самом деле чеширский кот - это просто... сыр! В старину в Англии был такой сорт сыра – в виде улыбающейся кошачьей головы. А другие уверяют, что это – леопард, который был нарисован на вывеске трактира в Чешире (есть такое*

место в Англии). По-моему. Кот все-таки больше похож на леопарда, чем на сыр. Хотя я могу и ошибиться [Кэрролл, 2012] (переведено Б. Заходером).

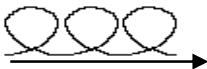
Отметим, что «Алиса в стране чудес» по общепризнанному мнению является одним из сложнейших материалов для перевода, поскольку сказка изобилует каламбурами, лингвистическими загадками, видоизмененными стишками из английского фольклора того времени. Многие детали удивительного рассказа Л. Кэрролла были понятны исключительно людям викторианской эпохи или даже жителям графства Оксфордшир. Доказательством тому служат издания «Алисы в стране чудес» с комментариями, призванными помочь читателю понять глубинный смысл произведения (см., например, *The Annotated Alice* с комментариями М. Гарднера).

В настоящем отрывке понимание ответной реплики персонажа *It's a Cheshire cat, and that's why* требует знания соответствующего КС. Дело в том, что когда-то головкам сыра, продававшегося в графстве Чешир, придавалась форма улыбающейся кошки, отсюда высказывание *grin like a Cheshire cat*. Согласно другой версии, на вывесках гостиниц того же графства изображались оскаленные львиные головы.

Необходимо отметить, что переводческий комментарий Б. Заходера выполнен в соответствии с данными предпереводческого анализа текста. Переводчик восстанавливает релевантный КС в соответствии с общей интенцией создания на ПЯ литературной сказки, адресуемой, главным образом, детям. Для этого комментарий оформляется в виде диалогической речи с юными читателями – «А вы знаете, кто такой Чеширский Кот?». Получив отрицательный ответ, говорящий субъект, выступающий в роли рассказчика, начинает объяснение. Непринужденность разговорной речи достигается благодаря использованию эллиптических синтаксических конструкций, фрагментации предложений, употребления литературно-разговорной, оценочной и эмоциональной лексики («на самом деле», «уверяют», «по-моему», «все-таки»).

Итак, предпереводческий анализ и РД текста ИЯ представляют собой две отдельные процедуры, проведение которых необходимо для осуществления адекватного перевода. Их основные отличия представлены ниже в таблице.

Основные отличия ПА от РД текста ИЯ

ПА	РД
Хронология	
Совершается до перевода	<ul style="list-style-type: none"> ● Совершается во время перевода ● Хронология нарушается из-за возвратно-поступательного движения в ходе движения по вектору текста
Действие	
Движения для набора энциклопедических знаний, тезауруса, определения стереотипной структуры текста ИЯ линейны →	Движение по вектору текста ИЯ сопровождается линейными отклонениями:
Цель	
Выработка общей стратегии перевода текста ИЯ	Выяснение смысла фрагментов текста ИЯ, адекватная интерпретация которых невозможна без знания уникального КС

3.1.2. Соотношение точного и вольного переводов при реконструкции дискурса

Во многих книгах по теории и практике перевода затрагивается вопрос переводческой компетенции. Перечисляя все навыки и умения, которыми должен обладать профессиональный переводчик, исследователи единодушны во мнении, что языковой и речевой компетенции переводчику недостаточно [Миньяр-Белоручев, 1999; Мирам, 2001; Комиссаров, 2002; Гавриленко, 2009; Слепович, 2004; Алексеева, 2003; и др.].

Классик отечественного переводоведения В. Н. Комиссаров включает в переводческую компетенцию наряду с языковой компетенцией коммуникативную, текстообразующую и техническую (относится к технике перевода *per se*) [Комиссаров, 2002, с. 326–339].

Коммуникативная компетенция напрямую связана со способностью человека к инференции. Инференция – «...одна из важнейших когнитивных операций человеческого мышления, в ходе которой, опираясь на непосредственно содержащиеся в тексте сведения, человек выходит за пределы данного и получает новую информацию» [Кубрякова, 1996, с. 33–34]. Для «достраивания» ситуации, о

чем пишет в вышеупомянутой словарной статье Е. С. Кубрякова, предлагается процедура РД. Инференция может быть формально-логического плана, что делает ее универсальной. Для ее осуществления реципиенту достаточно информации, непосредственно содержащейся в оригинальном сообщении. В случае с текстами с уникальным для носителей культуры ИЯ КС для успешной инференции необходимо будет обратиться к дополнительным источникам знаний в виде других текстов (за основу при этом берется сам оригинал). Следующий шаг переводчика – внести коррективы и пояснения в текст ИЯ, ориентируясь на реципиента перевода.

Процедура РД также важна для текстообразующей компетенции, так как входящая в нее способность воспринимать текст целостно немислима без дискурсивного подхода к тексту ИЯ. Восприятие текста в качестве связного речевого целого (цель переводчика, по В. Н. Комиссарову) – это и есть «анализ дискурса», которому необходимо, считает Н. Н. Гавриленко [2009, с. 16], обучать будущих переводчиков.

Наконец, техническая компетенция предполагает наличие у переводчика специальных знаний, умений и навыков, необходимых для качественного выполнения работы [Комиссаров, 2002, с. 336]. РД представляет именно ту процедуру, которая позволяет переводчику найти ответы на вопросы, возникающие при недостатке культурологических знаний. Знакомство с разнообразными уникальными КС, характерными для исходной культуры, пополняет лингвокогнитивный багаж переводчика, благотворно влияет на его профессиональную деятельность в целом.

Процедура РД, таким образом, лежит в русле основных требований, предъявляемых к профессиональному переводчику.

В этом пункте исследования необходимо определить, каковы общие требования к переводу в наше время. Представляется, что можно пойти на некоторое обобщение в виде пренебрежения случаями, когда характер перевода зависит от специфики издания, в котором публикуется выполненный перевод, пожеланий заказчика и прочих дополнительных условий. Проанализируем, какая общая тенденция существует в переводе.

Несмотря на общие требования современных теоретиков перевода сохранять целостность и точность содержания подлинника [Рецкер, 1974; Федоров, 1983] подобная переводческая практика существовала не всегда. В каждой эпохе был свой взгляд на «правильный» перевод.

XVIII в. особо известен прекрасными, но очень вольными переводами, которые могли функционировать как самостоятельные произведения, настолько далеки они были от оригинала. Традиция вольного перевода была связана с возрастанием роли художественных текстов, пришедших на смену переводам религиозных трактатов, где отступление от буквы оригинала было равносильно религиозному кощунству. Эпоха Петра I с характерными для нее реформами уклада всей жизни Руси, включая образование, открытие границ и привлечение в страну иностранных специалистов, не могла не сказаться на характере и качестве переводов. Переводы выполняли просветительскую функцию, статус переводчика заметно вырос в глазах соотечественников. В это же время начинает формироваться русская литература. Ее становлению непосредственно способствовали переводчики, чья деятельность воспринималась как творчество, не уступавшее мастерству автора подлинника.

Далее, вольный перевод сменился точным в эпоху романтизма, «приучающего читателя к новым, дотоле непривычным образам и формам» [Гаспаров, 1988].

Во времена пришедшего на его смену реализма второй половины XIX века снова стали делаться вольные переводы, целью которых была пропаганда демократических идей. Согласно замечанию В. Н. Комиссарова, перевод использовался «в качестве орудия диссидентства» [Комиссаров, 2002, с. 103].

Модернизм начала XX в. характеризовался точным переводом. М. Л. Гаспаров [1988] в статье «Брюсов и буквализм» уделяет особое внимание этому яркому представителю той эпохи.

В той же статье автор отмечает, что в результате реакции на буквализм в советское время программа перевода в очередной раз меняется. Ясность и легкость изложения сменяют перевод дословный.

В результате в ходе истории наблюдается смена тенденций переводить художественные тексты точно в одно время и вольно – в другое. Интерес представляет точка зрения М. Л. Гаспарова на причину подобной очередности. Исследователь считает, что эти эпохи соотносятся с периодами распространения образованности в обществе. При массовом распространении культуры, поверхностном ознакомлении с ней, читатель может воспринять только «облегченный» вариант перевода со стилистикой, близкой к традиционной. Это приводит к вольному обращению с подлинником, как было в XVIII в., эпоху реализма и социализма. Эти периоды сменялись «распространением вглубь», когда предшествующим этапом читатели были подготовлены к восприятию оригинала в виде, близком к

первозданному. Начало XIX и XX вв. характеризуются таким глубинным знакомством с подлинниками.

Правомерным также представляется мнение автора относительно необходимости существования как точных, даже буквальных, так и вольных переводов. М. Л. Гаспаров протестует против нахождения золотой середины и создания переводов, которые могли бы удовлетворить всех читателей. Объяснение состоит в том, что произведения мировой литературы заслуживают того, чтобы их перевели как для более узкого круга искушенных читателей (и читателю надо подняться до уровня оригинала), так и для широких масс, более доступным способом [Гаспаров, 1988].

Принимая факт смены переводческих тенденций и права на существование разных видов перевода, необходимо сделать одно важное замечание: речь идет о художественных переводах. Перевод художественного произведения значительно отличается от переводов иных разновидностей вербальной коммуникации, и связано это со спецификой выполняемой им функции. Согласно И. Р. Гальперину, «...функция стиля художественной речи – средствами образно-эстетической трансформации языка создать чувственное восприятие действительности» [Гальперин, 1958, с. 349]. Художественный текст имеет эстетическую, нравственную, наконец, культурную ценность. Литературные произведения принадлежат Миру Ценности [Уайтхед, 1990]. При этом форма художественного произведения важна так же, как и содержание (или даже важнее): своеобразие стилистики, ритма и т. д. является отражением культурных особенностей, к которым необходимо привыкнуть.

Но то, что применимо к одним текстам, может не играть никакой роли для других. Действительно, сложно себе представить явление тенденции вольно переводить тексты научного или официально-делового стиля. Информативная функция, выполняемая подобного рода текстами, требует соблюдения «позитивистского тождества» [Воскобойник, 2004а, 2004b, 2007].

Что можно сказать, в этой связи, о точности/вольности перевода текстов с уникальным для носителей культуры ИЯ КС? Большинство анализируемых текстов принадлежат газетно-публицистическому стилю и отчасти стилю художественной речи (см. раздел 2.2). Более значимо, однако, не то, в текстах каких стилей встречаются представляющие сложность для перевода элементы, описывающие уникальный КС, а то, почему они там присутствуют. Ответ прост: включение этих элементов происходит естественным образом. Автор, как правило, не преследует цель повышения информативности

текста (об информативности текста [см.: Гальперин, 1974]). Он упоминает хорошо знакомые в соответствующем культурноязыковом сообществе факты повседневной действительности, которые для другого сообщества оказываются незнакомыми. Поэтому переводчик обязан восстанавливать средствами ПЯ тот контекст, в котором оригинальное сообщение становится осмысленным для реципиента другой культуры.

Что касается стратегии перевода текстов с уникальным КС, ее можно охарактеризовать как нахождение «золотой середины», против которой в художественном переводе выступает М. Л. Гаспаров. Связано это с тем, что дословный перевод оставит для реципиентов текста ПЯ культурную ситуацию, описываемую в оригинале, непонятной. Перевод вольный, с другой стороны, удовлетворив, возможно, какую-то часть читателей, другую оставит в недоумении. Современный читатель достаточно образован для того, чтобы почувствовать искусственность перевода, выполненного исключительно при помощи стратегии доместикации (если такое возможно, учитывая уникальность КС текста ИЯ) при прочтении текста, под которым стоит имя зарубежного автора. В качестве иллюстрации возможного перевода фрагмента текста, отсылающего к уникальному КС, обратимся к роману Х. Филдинг *Bridget Jones's Diary*. Книга, написанная в виде дневника, начинается с перечисления того, что главная героиня обещает себе не делать в новом году. Один из пунктов гласит:

Obsess about Daniel Cleaver as pathetic to have a crush on boss in manner of Miss Money Penny or similar [Fielding, 2001, p. 3] (выделено мной. – Е. К.).

Ключевым дескриптором уникального контекста здесь является выделенное имя собственное Miss Money Penny. Оно отсылает к персонажу Бондианы. По сюжету книги и фильма секретарь секретной службы мисс Манипени безуспешно пыталась привлечь внимание суперагента. Данное имя собственное правомерно отнести к прецедентным именам, поскольку оно активизирует в сознании носителей англо-американской культуры устойчивый набор ассоциаций (о прецедентных феноменах см. раздел 1.1.4). В то же время для русского реципиента имя Манипени не является когнитивно актуальным. Полагаем, что именно это обстоятельство определило следующий перевод, нивелирующий отсылку оригинала к прецедентному имени:

«Вздыхать по Даниелу Кливеру, т.к. позор, что умудрилась втюриться в собственного шефа» [http://lib.ru/INPROZ/FILDING_H/bridgite_diary.txt] (переведено Г. Богдасарян), (выделено мной. – Е. К.).

С другой стороны, прямой перенос имени собственного в текст ПЯ может оставить реципиентов перевода в недоумении относительно личности персонажа:

«Мучиться из-за Даниела Кливера, поскольку это выглядит жалко – втрескалась в босса, как будто я мисс Манипенни или что-то в этом роде» [http://www.modernlib.ru/books/filding_helen/dnevnik_bridzhit_dzhons/read] (переводчик не указан), (выделено мной. – Е. К.).

Знание дискурса, образующего адекватный контекст интерпретации имени мисс Манипенни позволяет переводчику найти компромисс. Сохранить образность оригинала можно благодаря комментарию, в котором менее известное имя характеризуется через более известное имя Дж. Бонда:

(я не буду) заикливаться на Дэниеле Кливере, не то стану как та секретарша Бонда, мисс Манипенни, на которую босс не обращает внимания (переведено мной. – Е. К.).

Результат РД позволяет переводчику быть более свободным в выборе средств выражения смысла оригинала. Понимание дискурса позволяет отойти от буквального и вольного перевода в тех случаях, когда выбор переводчика в пользу одного из этих двух полярных видов перевода продиктован нехваткой информации об уникальном КС.

3.1.3. Перевод как коммуникативный процесс

Ранее уже было заявлено о том, что необходимость РД продиктована особенностями процесса коммуникации. Изучением того, как протекает коммуникация, занимались многие ученые, в том числе культурологи и психолингвисты. В самом общем виде Ю. М. Лотман сравнил коммуникацию с переводом «некоторого текста с языка моего “я” на язык твоего “ты”», отрицая тем самым пассивное перемещение сообщения из сознания отправителя сообщения в сознание его получателя [Лотман, 2005, с. 653].

Мысль о сложности коммуникативного процесса (позволим себе такую общую формулировку) находит выражение в работах А. А. Потебни: «говорить значит не передавать свою мысль другому, а только возбуждать в другом его собственные мысли» [Потебня, 1990, с. 132], В. В. Красных: «нельзя “увидеть” смысл в тексте, цель – в действии, структуру – в предмете; их можно построить, установить, создать» [Красных, 2001, с. 228], М. Мамардашвили: «понимание нельзя передать, если вы не понимаете до того, как вам что-то говорится» (Мамардашвили), Л. С. Выготского: «мысль не

совпадает непосредственно с речевым выражением» [Выготский, 1999, с. 331], и т. д.

Результатом обобщения ранее сделанных исследований в этой области (по признанию самого автора) стала докторская диссертация П. П. Дашинимаевой «Теория значимости как основа психолингвистической концепции непереводаемости» [Дашинимаева, 2010b]. Модель коммуникации, предложенная исследователем, хорошо иллюстрирует особенности данного процесса, сопряженного с поэтапными потерями, неизбежными в системе, принцип которой напоминает «испорченный телефон».

В диссертации доказываемая, что формальное тело языкового знака и семантическая сущность нейрофизиологически автономны. Из этого делается вывод, что для понимания формальных знаков сообщения адресанта необходимо наличие сформированной концептуально-семантической системы у адресата, так как означаемое и означающее не связаны неразрывной связью, реципиент должен пропустить сообщение «через себя», свою собственную концептуальную структуру, чтобы понять или хотя бы приблизиться к пониманию того, что хотел сказать говорящий. «В телах языкового знака овнешняется не референт и не мыслительный процесс, а часть переживаемой значимости» [Дашинимаева, 2010а, с. 40]. Это значит, что в сообщении, адресованном реципиенту, нельзя прочесть мысли адресанта и непосредственно выйти на референт. Оказывается, что между мыслями адресанта, предшествующими порождению сообщения, и мыслями, вызванными этим сообщением в сознании адресата, лежит долгий путь, что объясняет трудность понимания мыслей другого. Во-первых, на этапе онтологизации мысли происходят потери: значимость А, то, что помыслено «здесь и сейчас», не может быть эксплицирована полностью, лишь часть ее в виде означиваемого Аа проходит «психологический фильтр и овнешняется в виде Аа^{1*} (Аа^{1**} и т. д.) [Там же, с. 18]. Далее, при восприятии овнешненной таким образом мысли адресат формирует значимость для себя, для чего необходима когнитивная адаптация и реконструкция интенциональной значимости. Если восприятие сообщения делается в целях дальнейшего перевода, необходимо также сформировать значимость для адресата (что соотносимо с коммуникативной переводческой компетенцией) и представить значимость в знаках ПЯ [Там же, с. 37].

Приходится признать, что, несмотря на труды ученых, доказывающих невозможность прямой трансляции сообщений при комму-

никации, именно такое ошибочное мнение получило широкое распространение.

Глубинная причина ложного представления о коммуникации вскрывается в статье М. Редди «Неверное представление о языке как результат метафоры канала связи» (*The Conduit Metaphor – A Case of Frame Conflict in Our Language about Language*) [Reddy, 1979, p. 284–324].

Автор обращает внимание на то, что в языке существует огромное количество выражений, которые вынуждают категоризовать действительность определенным образом, а именно представлять коммуникацию как процесс отправления адресантом идей, содержащихся в словах, адресату, который далее извлекает их из этих слов: *You still haven't given me any idea of what you mean.*¹³

Более того, идеи и мысли, согласно этой теории, выбрасываются говорящим или слушающим во внешнюю среду и далее овеществляются и могут существовать независимо от людей, не будучи ими воспринятыми: *Mary poured out all of the sorrow she had been holding in for so long; her delicate emotions went right over his head.*

При такой модели коммуникации главным лицом, несущим основную ответственность за успешную коммуникацию, является адресант сообщения, так как именно он вкладывает содержание в слова. Адресат играет пассивную роль в обнаружении этих смыслов, поэтому в случае неудачи он вправе винить отправителя сообщения. Примерами такого отношения к разным участникам коммуникации могут послужить такие устоявшиеся выражения, как *That remark is completely impenetrable.*

Противоположностью метафоры канала связи является инструментальная модель (“the toolmakers paradigm”). Для того чтобы пояснить, как именно она работает, М. Редди предлагает представить, что каждый человек живет в среде, отличной от другого, и в целях коммуникации люди могут использовать лишь письменные инструкции. Предположим, один человек придумал такое полезное для своей среды приспособление, как грабли, и решил передать подробную инструкцию к ним другим людям. Грабли, в зависимости от особенностей среды, видоизменяются и могут превратиться в приспособление для удаления из почвы камней, если адресат живет в каменистой среде, тяпку для более мягкой и даже болотистой почвы, мотыгу и т. д. Иначе говоря, одна и та же инструкция, насколько бы подробной и понятной, с точки зрения одного адре-

¹³ Примеры из вышеупомянутой статьи М. Редди.

санта, она ни была, приводит к возможным отклонениям в понимании того, что он имел в виду, так как его адресаты мыслят в рамках той среды, которая им дана¹⁴. По мере тяжелой совместной работы, неоднократных уточнений и взаимообмена инструкциями, участникам коммуникации, тем не менее, удастся прийти к более полному взаимопониманию.

Как справедливо замечает М. Редди, необходимо отдавать себе отчет, чем может грозить доминирование метафоры канала связи на сознание современного человека.

Задача адресатов, равноправных участников коммуникации, состоит в том, чтобы реконструировать сообщение. В противном случае, пользователи языка будут продолжать считать, что мысли содержатся в словах, которые находятся в книгах и хранятся в библиотеках, на пленках и т. д., и, если имеется достаточное количество материальных носителей идей, то не о чем беспокоиться, поскольку у нас есть к ним прямой доступ. Главный недостаток такого подхода в том, что не учитывается фигура самого интерпретатора. Именно от его образованности, умения реконструировать сообщение будет зависеть коммуникативный успех и сохранение культурных традиций в целом. Вот что пишет М. Редди по этому поводу:

“Quite obviously, the toolmakers paradigm makes it plain that there is no culture in books or libraries, that, indeed, *there is no culture at all unless it is reconstructed carefully and painstakingly in the living brains of each new generation*” [Reddy, 1979, p. 309].

«Совершенно очевидно, инструментальная модель доказывает, что культура не хранится в книгах и библиотеках. *Не существует культуры как таковой. Культура воссоздается в результате напряженной работы сознания каждого нового поколения*» (выделено и переведено мной. – Е. К.).

Разумным представляется исходить из того, что сложности перевода как межъязыковой коммуникации должны решаться исходя из природы самой коммуникации. При условии, что коммуникация рассматривается как процесс, требующий совместных усилий адресанта и адресата сообщения, РД – неотъемлемая часть успешности этого процесса, позволяющая понять, что именно имел в виду адресант. Успех коммуникации, в данном случае опосредованной переводом, зависит от знаний человека, производящего реконструкцию, т. е. переводчика.

¹⁴ В подтверждение этой мысли необходимо вспомнить переводы отрывка повести Н. В. Гоголя «Нос» (см. раздел 1.2.5).

3.2. РЕКОНСТРУКЦИЯ ДИСКУРСА В СВЕТЕ ЛИНГВОФИЛОСОФСКИХ ТЕОРИЙ

*Слово в тексте всегда связано с другими словами и несет
в себе энергию ... целого.*

А. Ф. Лосев

3.2.1. Реконструкция дискурса в контексте археологии знания

Представление о РД будет неполным, если не проанализировать этот процесс через призму лингвистических и философских теорий. Рассмотрение лингвофилософских предпосылок РД поможет лучше понять как саму процедуру реконструкции, так и установить место данного явления в ряду смежных понятий и концепций.

Представляется, что природа РД коренится в процессах и сущностях, которые М. Фуко [1996] обозначил метафорой «археология знания».

М. Фуко занимался изучением условий возникновения тех или иных высказываний во французской культуре Нового времени конца XVIII – начала XIX в. Традиционно классический подход к проблеме языка сводился к тому, что слово соответствует вещи. Усматривался параллелизм между историей языка и историей материальной культуры.¹⁵ Большинство естествоиспытателей классического века занимались составлением классификационных таблиц, историей обозначений и значений слов, согласованием наименований предметов, будь то названия растений, животных или химических элементов.

Однако М. Фуко ставит в центр внимания не точность классификации, а проблемы выражения и противопоставляет привычному исследованию истории мысли свой «археологический анализ». Подобно археологу он исследует пласты человеческого знания, находя их в высказываниях, пытается увидеть связи, закономерности, отношения во всем их многообразии между рассеянными во времени единицами форм выражения. Философ анализирует средневековый классический дискурс грамматики, политэкономии и медицины, при этом неоднократно подчеркивая, что в отличие от традиционного исторического подхода с понятиями непрерывности и последовательности событий, стремления к интерпретации, поиску и

¹⁵ Типичный пример – школа «вещей и слов» Г. Шухардта [1950].

воспроизведению истоков, анализ дискурсивного поля должен проходить по совершенно другим принципам. Так, М. Фуко пишет: «анализ дискурсивного поля ориентирован иначе: как увидеть высказывание в узости и уникальности его употребления, как определить условия его существования, более или менее точно обозначить его границы, установить связи с другими высказываниями, которые могли быть с ним связаны, как показать механизм исключения других форм выражения [Фуко, 1996, с. 29].

Какого рода связи возможны между высказываниями, составляющими такие совокупности, как медицина, грамматика, политическая экономия? М. Фуко считает, что различные по форме и рассеянные во времени совокупности образуют те высказывания, которые 1) соотносятся с одним и тем же субъектом; 2) обладают одинаковыми формами и типами сцепления; 3) вовлечены в систему постоянных и устойчивых концептов; 4) тождественны по тематике [Там же, с. 33–37]. Высказывания, в свою очередь, объединяются в дискурсивные формации. Последние строятся по определенным правилам применения, существования и перераспределения своих элементов. Очень важно обратить внимание на то, что, согласно М. Фуко, высказывания *рассеяны* во времени. Это основа основ его теории, что можно рассматривать как продолжение метафоры археологии, где находки, интересующие специалистов, могут залегать в пространстве на любой глубине, а не в одной плоскости.

Задачу археологии автор видит в установлении регулярности и закономерности высказываний. Вводятся понятия «знание», «эпистема». Знание определяется как «...совокупность элементов, сформированных закономерным образом дискурсивной практикой и необходимых для образования науки, хотя их предназначение не сводится к созданию таковой», а эпистема, в свою очередь, – как «совокупность всех связей, которые можно раскрыть для каждой данной эпохи между науками, когда они анализируются на уровне дискурсивных закономерностей» [Там же, с. 181, 190].

М. Фуко выработал своеобразную археологию, указывающую на условия возникновения форм конкретного знания, высказываний, которые, при всей своей разнородности и рассеянности во времени, могут быть объединены в дискурсивные формации, так как между ними существуют закономерные отношения. Последние обуславливают существование дискурсивной практики, формирующей знание, в том числе и научное. Иначе говоря, слово «археология» у М. Фуко приобретает значение анализа вербальных пред-

ставлений в их прерывности и выяснения условий их происхождения и существования.

Возвращаясь к проблеме РД, целесообразно провести некоторые параллели между археологией знания по М. Фуко и той практикой, которую необходимо осуществлять для успешного перевода текстов с уникальным для носителей культуры ИЯ КС.

При РД необходимо обращаться ко всему объему фоновой информации, при котором данный текст обретал бы смысл. В терминах М. Фуко, это означает, что перед нами находится одно из высказываний дискурсивной формации, и его смысл не понятен без учета связей, отношений с другими высказываниями того же поля. Высказывание ИЯ в виде единичного элемента берется в отрыве от всей совокупности высказываний, составляющих определенное знание. Уподобляясь археологу, интерпретатор ведет раскопки для того, чтобы обнаружить если не причину, то хотя бы условия существования данного высказывания.

Приведем пример. В следующем тексте ИЯ упоминается высказывание *Two Americas* (Две Америки). Графическое выделение указывает на то, что это цитата. Другими словами, это высказывание из дискурса предвыборной кампании Дж. Эдвардса, в частности, его предвыборной речи. Смысл высказывания *Two Americas* проясняется, если рассматривать его в контексте всей речи политика [www.washingtonpost.com/wp-dyn/articles/A22230-2004Jul28.html].

Под «Двумя Америками» имеются в виду богатые люди с одной стороны и люди среднего достатка, бедные – с другой. Выяснение дискурсивных связей данного высказывания позволяет переводчику сделать перевод с соответствующим поясняющим комментарием для реципиентов текста ПЯ:

Of course the Democrats have had good story tellers too, like Bill Clinton and John Edwards. But the stories they told – Clinton’s populist appeals in 1992, Ewdards’s tale of two “Two Americas” in 2004 – were always seen as individual election pitches rather than as themes that defined the party’s point of view [Nunberg, 2007, p. 36].

У демократов, конечно, тоже были свои неплохие рассказчики, такие как Билл Клинтон и Джон Эдвардс. Но их истории – популистские обращения Клинтона в 1992 и рассказ Эдвардса о «двух Америках» в 2004 – всегда рассматривались как личные предвыборные послы, а не выступления, в которых отстаивалась позиция всей партии.*

** Две Америки – высказывание, ставшее крылатым, из речи кандидата на пост президента от демократической партии Дж. Эдварда. Обозначает социальное разделение американского общества на богатых и бедных (переведено мной. – Е. К.)*

Итак, при процедуре РД выявляются связи единичных элементов текста ИЯ с теми дискурсивными формациями, к которым они принадлежат. Анализ высказываний, отсылающих к уникальному КС, протекает при выяснении условий их происхождения и существования. Это позволяет сделать вывод о том, что РД является разновидностью археологического поиска знаний.

3.2.2. Герменевтические предпосылки реконструкции дискурса

Целесообразно рассмотреть понятие РД в рамках герменевтической теории и с учетом герменевтической методологии.

Важным с точки зрения представления процесса интерпретации текста является учение Х.-Г. Гадамера [1988] о горизонтах понимания. Согласно Х.-Г. Гадамеру, существует два горизонта – «...тот, в котором живет понимающий, и тот исторический горизонт, в который он переносится» [Там же, с. 359–360]. Понимание и истолкование есть процесс слияния этих горизонтов. Интерпретирующий текст ИЯ переносит себя в иной исторический горизонт, преодолевая при этом не только свою партикулярность, но и партикулярность оригинального текста. Результатом становится приобретение общего цельного горизонта, что можно представить в схематичном виде (рис. 5).

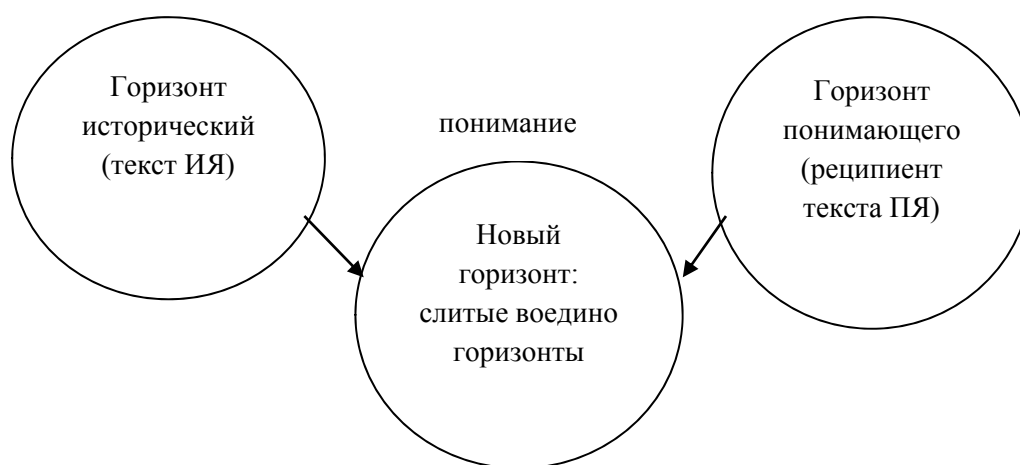

Рис. 5. Понимание как обретение интерпретатором общего горизонта (по Х.-Г. Гадамеру)

Наряду с выделением двух горизонтов, понимающего и исторического авторского, Х.-Г. Гадамер критически подходит к их независимому существованию и возможности полного перенесения интерпретатора в другой горизонт. На самом деле, наличие двух несвязанных, чуждых друг другу горизонтов, по признанию самого Х.-Г. Гадамера, – это всего лишь абстракция. Термин «горизонт» был выбран Х.-Г. Гадамером потому, что речь идет о дальновидности, которую удастся обрести при преодолении ограниченности двух рассматриваемых горизонтов.

Применительно к переводческой РД, данная модель может быть истолкована следующим образом: переводчик, как субъект понимающий, преодолевая ограниченность горизонта интерпретирующего и культурно-исторического, должен обрести третий, единый и всеобъемлющий горизонт. Он должен научиться видеть дальше, за пределы «ближнего» и «дальнего контекста» (термины М. М. Бахтина).

Относительно принципиальной возможности создания такого единого горизонта, на наш взгляд, не будет преувеличением сказать, что горизонты интерпретатора и исторический горизонт (в данном случае более правомерным будет говорить о горизонте другой культуры) не абсолютно чужды друг другу и не замкнуты сами на себе. Американский литературный критик, профессор Л. Трилинг замечал по этому поводу следующее: “to suppose that we can **think like men of another time** is as much of an illusion as to suppose that we can think in a wholly different way” (цит. по: [Gardner, 1959, p. 25], выделено мной. – Е. К.). Этот комментарий можно перефразировать в следующее утверждение: «Считать, что мы можем думать как **человек другой культуры**, – такое же заблуждение, как то, что мы можем думать абсолютно по-другому». Таким образом, создание переводчиком единого слиянного и более обширного горизонта возможно. Переводчик как носитель знаний о двух языках и культурах может подняться над двумя частично партикулярными горизонтами и получить более полную картину, более открытый и объемлющий горизонт.

Проиллюстрируем на примере текстового фрагмента переводческую работу по преодолению партикулярности горизонта своей культуры, ознакомлению с чуждым горизонтом культуры ИЯ и созданию общего горизонта, где для реципиентов текста ПЯ делаются соответствующие пояснения, исходя из их принадлежности к принимающей культуре.

In his 1995 book Values Matter Most, Ben J. Wattenberg lists forty-four items that have been described as “social/values/cultural issues” over recent years. Some of these are evanescent (“bra burning”, “Willie Horton”, “Murphy Brown”, “Troopergate”), some perennial (“infidelity”, “dependency”, “promiscuity”, “drugs”) [Nunberg, 2007, p. 106–107] (выделено мной. – Е. К.).

Поскольку выделенные культурные феномены именуют плотные контексты ситуаций, с которыми необходимо познакомить читателей текста ПЯ, при переводе неизбежны обширные комментарии в виде сносок:

В своей книге «Ценности превыше всего» Бен Ваттенберг приводит список из 44 пунктов, которые за последние несколько лет получили название «социальных/ценностных/культурных явлений». Некоторые из них преходящие («сожжение лифчиков», «Вилли Хортон»***, «Мёрфи Браун»***, «Трупергейт»****), некоторые – постоянные («неверность», «изживенчество», «неразборчивость», «наркотики») (переведено мной. – Е. К.)*

**фраза, ставшая крылатой после того, как феминистки устроили демонстрацию на конкурсе красоты в Нью-Джерси, Атлантик-Сити. В знак протеста коммерциализации определенных стандартов красоты, из-за которых, по их мнению, женщины вынуждены страдать, демонстрантки устроили свалку из предметов женского туалета; как сообщают некоторые источники, с последующим сожжением.*

*** уголовный преступник, волею судеб решивший исход президентских выборов в пользу Дж. Буша. За примерное поведение Вилли Хортон получил увольнительную и был на время выпущен из тюрьмы штата Массачусетс. Сразу после этого он совершает вооруженное нападение и изнасилование. Воспользовавшись ситуацией, Дж. Буш обвиняет М. Дукакиса, своего главного политического соперника, губернатора штата Массачусетс в том, что он поощряет действия преступников, работая при существующей системе уголовных наказаний. Имя Вилли Хортон часто упоминалось в предвыборной кампании Дж. Буша и стало именем нарицательным.*

**** известный американский комедийный сериал, удостоенный 17 премий «Эмми» и 3 премий «Золотой глобус». События, происходящие в ситкоме, получили общественный резонанс за счет привлечения к ним внимания политиков. В одной из серий главная героиня, Мёрфи Браун, узнает, что отец ее ребенка не желает брать на себя обязательства по его воспитанию и решает стать матерью-одиночкой. Комментируя социальную политику и инсти-*

тут брака, вице-президент Дэн Куэйл высказался против безответственного воспитания детей и существования неполных семей, сославшись на телевизионный образ Мёрфи Браун. Впоследствии имя Мёрфи Браун стало использоваться по отношению к современным женщинам, подчеркивающим свою независимость от мужчин.

*****журналистская «утка», запущенная Д. Брокком на волне судебных разбирательств, связанных с интимной связью Б. Клинтона и М. Левински. Д. Брокк организовал интервью с двумя полицейскими штата Арканзас, которые утверждали, что они способствовали проведению интимных встреч губернатора, будущего президента США, с другими пострадавшими.*

Для того чтобы перевести незначительный фрагмент текста ИЯ, в котором упоминаются культуртнозначимые имена и события, переводчик оставляет знакомый ему горизонт и начинает изучать горизонт иной культуры. После того, как произошло знакомство с дискурсом, предоставляющим адекватный контекст интерпретации культурнозначимых имен текста ИЯ, переводчик стремится к слиянию двух горизонтов в тексте ПЯ. Слияние, в свою очередь, подразумевает создание такого текста на ПЯ, который, несмотря на разницу языковых структур и культурных особенностей, будет отвечать требованиям переводческой адекватности.

Далее, круговая организация понимания, краеугольный камень герменевтического учения, характерна для РД. Понимание, предшествующее переводу *per se*, основывается на неоднократном движении по герменевтическому кругу. Смысл более или менее сложного текста не может открыться с первого прочтения. Только вдумчивое соотнесение частей и целого при неоднократном прочтении текста ИЯ позволяет вникнуть в его содержание.

При переводе вышерассмотренного высказывания движение по герменевтическому кругу было также необходимо. Дело в том, что лексема “troopergate” используется для номинации трех различных скандалов, произошедших в Америке в разное время культуры (см. <http://en.wikipedia.org/wiki/Troopergate>). Эти громкие дела объединяет то, что замешанные в них политики превышали должностные полномочия при помощи полицейских¹⁶. Поисковые системы сети Интернет предлагают наибольшее количество информации о скандале, в котором фигурировала губернатор Аляски и претендент на пост вице-президента от республиканской партии Сара Пейлин. Ключевым параметром отбора, однако, должен служить временной

¹⁶ «Trooper» - амер. разг. полицейский (Multilex 2.0).

показатель. Возвращаясь к тексту ИЯ, переводчик отмечает для себя тот факт, что этот инцидент упоминается в книге 1995 г. Соотношение частей с целым текста ИЯ, следовательно, возможно только в том случае, если имеется в виду самый ранний скандал, искусственно созданный журналистами вокруг имени Б. Клинтона.

Необходимо также отметить, что переводчик подходит к тексту с уже существующим предпониманием, или, как его еще называл Х.-Г. Гадамер, предрассудком [Гадамер, 1988], подчеркивая при этом его позитивную роль. Предпонимание – это исходное понимание текста, которое носит интуитивный характер и обусловлено культурной средой интерпретатора, общим багажом его знаний. Благодаря М. Хайдеггеру, этот термин прочно вошел в герменевтическую теорию [Хайдеггер, 1997]. Х.-Г. Гадамер сформулировал идеи М. Хайдеггера следующим образом: «Тот, кто хочет понять текст, постоянно осуществляет набрасывание смысла. Как только в тексте начинает проясняться какой-то смысл, он (толкователь. – Е. К.) делает предварительный набросок смысла всего текста в целом. Но этот первый смысл проясняется, в свою очередь, лишь потому, что мы с самого начала читаем текст, ожидая найти в нем тот или иной определенный смысл» [Гадамер, 1988, с. 318].

Предпонимание направляет переводчика в определенное русло истолкования текста ИЯ. Приведем пример:

There are people who move confidently within their own horizons of speech; whether it is Cockney, Estuary, RP or Valley Girl, they stride with the unselfconscious ease of a landowner on his own turf [McEwan, 2001] (выделено мной. – Е. К.).

Текст ИЯ, озаглавленный *Mother tongue*, а также словосочетание из приведенного фрагмента оригинала *horizons of speech* ориентирует переводчика на лингвистическую тему. Предпонимание значений выделенных лексем переводчиком также определяется благодаря названию лондонского диалекта кокни, ставшему известным русскому реципиенту благодаря роману Б. Шоу «Пигмалион» и мюзиклу «Моя прекрасная леди». Переводчик, таким образом, исходит из предположения, что *Estuary, RP or Valley Girl* именуют ряд других диалектов. Предпонимание возможного смысла лексем подтверждается при набрасывании последующих кругов интерпретации. При выяснении характерных особенностей разнообразных речевых систем переводчик восходит на новые витки интерпретации до тех пор, пока перед ним не предстанет весь текст с высоты «наброшенных» кругов. После этого сообщение текста ИЯ находит выражение в следующем варианте перевода:

Есть люди, которые уверенно возвращаются в своей языковой среде, будь то лондонский просторечный кокни, правильный оксфордский английский (арпи), язык жителей берегов Темзы (смесь кокни и арпи) или калифорнийский вариант английского со сленговыми выражениями серфингистов и скейтбордистов; они смело шагают вперед с уверенностью хозяев, ступающих по своей земле (переведено мной. – Е. К.).

Здесь необходимо уточнение. Несмотря на правильность большинства предрассудков, начальные предположения относительно смысла оригинальных высказываний могут оказаться ошибочными. В этом случае горизонт переводчика претерпевает изменения за счет корректировок ранее выдвинутых догадок.

Подведем итог. Основные идеи, рожденные в русле герменевтики, легко экстраполируются на процедуру РД. В этом нет ничего удивительного. Искусство интерпретации/толкования – это то, что демонстрирует переводчик, прибегая к РД. Несколько забега вперед, отметим, что в широком смысле перевод – это истолкование. Развить данное положение поможет теория М. М. Бахтина.

3.2.3. Переводчик как Другой в процессе реконструкции дискурса

Действия переводчика, который проводит РД и затем онтологизирует в тексте ПЯ понимание релевантного дискурса объяснимы с помощью теории М. М. Бахтина. Для того чтобы пояснить данную мысль, кратко изложим интересующие нас положения работы «Автор и герой в эстетической деятельности» [Бахтин, 1986].

М. М. Бахтин уделяет внимание организации художественного произведения. Философ считает, что внутри произведения герои проживают свою собственную жизнь. У них свои «ценностные контексты», свой собственный неповторимый ритм жизни, чувство времени и пространства, собственное видение окружающего мира внутри художественного произведения. Автор произведения, в свою очередь, эстетически объемлет со своей позиции целое героев, завершает и эстетизирует их мир. Герой и автор не тождественны друг другу, они не могут совпадать друг с другом. Если же это происходит, то это уже не художественное произведение. Автор занимает позицию вовне, его взгляд на мир героев гораздо шире. Исходя из внеположенности героя и автора, М. М. Бахтин против того, чтобы биографией автора объяснять то или иное произведение и проводить параллели между мировоззрением автора и героя. Прин-

ципиально важной здесь выступает категория «другости», положение вовне, «надбытийственность» автора (ту же роль может выполнять один человек по отношению к другому, наблюдаемому в реальной жизни), которая позволяет ввести завершающие, трансгredientные самой жизни героя эстетические определения [Бахтин, 1986].

Так обстоит дело с художественным произведением. В самоотчете-исповеди и в автобиографии герой и автор максимально приближаются друг к другу. В данном случае именно читатель будет занимать ценностную позицию Другого и стремиться к эстетизации произведения.

При переводе текстов (в случае с художественной литературой, эту функцию в большей степени выполняет автор произведения) про переводчика, в терминах М. М. Бахтина, можно сказать, что он занимает позицию Другого. Его вневнаходимость, точнее, двунаходимость одновременно в двух культурах помогает эстетически закончить высказывание ИЯ для ПЯ, так как при этом подводится фон КС (в этом состоит коммуникативная переводческая компетенция, см. раздел 3.1.2) и осуществляется определенная конкретизация текста оригинала. Завершение текста ИЯ переводчиком происходит в результате ориентирования на реципиента текста ПЯ. Такая «эстетизация» перекликается с требованием к переводчику иметь горизонт, объемлющий горизонт текста ИЯ и горизонт получателя текста ПЯ как специалиста по языкам и культурам, задействованным в переводе, а также уметь прийти к слиянности этих горизонтов. О трудностях лавирования между текстом ИЯ и ПЯ речь пойдет несколько позже.

В любом случае необходимо признать, что текст ИЯ, предлагаемый читателю другой культуры, требует определенной модификации. Это не значит, что переводчик должен менять оригинал соответственно привычкам и вкусам читающей перевод публики (такая практика существовала), но он должен учитывать инференциальные способности реципиента: незнание культурного контекста компенсировать за счет комментариев, описательного перевода, или, наоборот, идти на сознательную форенизацию, рассчитывая на искушенного читателя, и т. д.

В качестве иллюстрации, приведем отрывок аутентичного текста и прокомментируем работу переводчика.

The old vocabulary of social class was replaced by consumer classifications like empty nesters, Gen X, trendies, and yuppies, and the entry requirements for becoming a preppie were relaxed from four years at

Andover or Choate to an afternoon at Abercrombie and Fitch [Nunberg, 2009, p. 202] (выделено мной. – Е. К.).

Прежние слова, указывающие на принадлежность определенному социальному классу, уступили место маркетинговой стратификации населения на людей, чьи дети выросли и покинули родительский дом, поколение икс*, яппи**, знатоков тенденций и мод; если хочешь, чтобы тебя приняли в дорогую подготовительную школу, необязательно учиться четыре года в престижных заведениях типа Андовер или Чоате, достаточно посвятить один вечер покупке одежды популярной марки Аберкромби энд Фитч (переведено мной. – Е. К.).

* поколение, рожденное в 1961–1981 гг. в период демографического спада. Люди этого поколения выросли в условиях комфорта, для них было характерно безразличие к карьере и деньгам, многие из них не нашли себе применения в жизни.

** от англ. *young urban professional*, молодые люди, стремящиеся к признанию и карьерному росту.

При переводе этого отрывка переводчик занимает позицию Другого и принимает решение, какой КС подлежит экспликации в тексте ПЯ.

Во-первых, необходимо пояснить название социальных групп людей, которые выделяются в культуре ИЯ и не имеют специальных названий в ПЯ. Первая номинация передается с помощью описательного перевода, несмотря на то что *empty nest* имеет вариант перевода «опустевшее гнездо» [Томахин, 2001, с. 165]. Здесь, однако, имеется в виду не семья в целом, а ее члены. Перевести *empty nesters*, не нарушая норм ПЯ с применением кальки, затруднительно, поэтому данное словосочетание разъясняется в тексте ПЯ. Что касается *Gen X*, то уже сложилась переводческая традиция передавать данную лексему при помощи перевода первого элемента и транскрибирования второго. *Yuppies*, как и *hippie*, также транскрибируют с сохранением удвоенной согласной. Поскольку лексемы именуют уникальный КС, необходим комментарий их значений в виде сноски. Далее, приводится сопроводительный комментарий имен собственных *Andover* и *Choate*. В последнем предложении переводчик прибегает к смысловому развитию, поясняя внезапное появление имени торговой марки *Abercrombie and Fitch*.

3.2.4. Реконструкция дискурса с точки зрения концепции неограниченного семиозиса

Пониманию отдельных особенностей РД способствует также ее анализ с точки зрения теории знака Ч. С. Пирса. Основоположник семиотики определяет семиозис как взаимоотношение знака, объекта и интерпретанты. Интерпретанта, в свою очередь, – это “*equivalent sign, or perhaps a more developed sign*”¹⁷, возникающий в сознании человека под воздействием знака [Peirce, 1995, p. 99].

Элемент текста ИЯ, отсылающий к уникальному КС, это знак или репрезентантен. Он имеет несколько интерпретант, но стремится к конечной интерпретанте при достаточно размытом объекте – незнакомой для реципиента ПЯ (и самого переводчика) культурной ситуации.

Попробуем проследить процесс семиозиса на конкретном иллюстративном материале:

That psychological sense of ownership is always in the background when Bush and others talk about ownership as an abstract social good. “In a new term”, he says “we’ll continue to spread ownership to every corner of America”. On its face, that sounds a lot like Oprah’s “Everybody gets a car!” But Bush’s ownership is a lot broader and vaguer than that – it simultaneously promises an increase in wealth, individual responsibility, and personal control [Nunberg, 2009, p. 65] (выделено мной. – Е. К.).

Перед нами текст, в котором выделенное высказывание репрезентирует определенный фрагмент действительности. Представляется, что относительно данной номинации возможно построение, по крайней мере, четырех интерпретант:

1) речь идет о понятии собственности в Америке, величине достаточно абстрактной, особенно в том виде, в котором о ней заявляет президент Дж. Буш. Его обещание распространить это благо на каждый уголок страны похоже на слоган;

2) возможно, это слоган, ассоциируемый с определенной торговой маркой. Если в лозунге упоминается машина, то это автомобильная компания, стремящаяся к тому, чтобы у каждого была машина их бренда;

3) компания называется Oprah, заглавная буква говорит о том, что это имя собственное;

4) Oprah – это имя человека? Действительно, это имя телеведущей шоу, в котором участникам и гостям студии раздают автомобили, и ведущая повторяет фразу: «Всем по машине!» Обещание Дж. Буша идет еще дальше – увеличение благосостояния каждого человека, реализация возможности нести ответственность за свои поступки.

¹⁷ «Эквивалентный знак, или даже более совершенный знак» (переведено мной. – Е. К.).

Приближение к конечной интерпретанте позволяет выполнить перевод:

Это психологическое чувство обладания всегда где-то маячит на заднем плане, когда Дж. Буш и все остальные говорят о праве собственности как некоем социальном благе. «В новом триместре», заявляет он, «мы будем продолжать распространять право собственности во всех уголках Америки». На первый взгляд, это похоже на возглас ведущей ток-шоу Опры Уинфри: «Всем по машине!». На самом деле, право собственности Дж. Буша гораздо шире и абстрактней – оно одновременно подразумевает рост благосостояния, личной ответственности и контроля (переведено мной. – Е. К.).

Отметим, что выше был приведен далеко не полный список интерпретант, который может возникнуть в сознании интерпретатора. Данный поток мыслей очень похож на запись размышлений по принципу перевода «думай вслух». Следует отметить, что интерпретанты возникают в ментальном пространстве как реакция на стимул знака, их последовательность и связь может быть упорядочена не так, как это было представлено выше. Любая запись огрубляет действительную работу мысли по поиску смысла, пониманию объекта, который репрезентируется знаком, но это единственный способ продемонстрировать хотя бы в общих очертаниях, как работает переводческая мысль.

Очевидно, что перебор интерпретант сопоставим с процедурой набрасывания смысла по М. Хайдеггеру. На когнитивном уровне в процессе создания когерентной концептуальной структуры (см. раздел 2.3.1) ему соответствует когнитивный поиск в когнитивно-эвристической модели перевода [Минченков, 2007; 2008]. Согласно этой модели, переводчик формирует смысл текста в результате актуализации в сознании концептуальной структуры, основываясь на значениях отдельных слов текста, контекста и фоновых знаниях. Как показал эксперимент, проведенный исследователем, при переводе большинства текстов когнитивный поиск необходим, так как редко слова используются в своем прототипическом значении и актуализируют прототипические концепты. В эксперименте испытуемые, переводя текст, озвучивали возникающие у них мысли. Можно сказать, что часть этих протоколов «мышления вслух» содержала размышления о поиске конечной интерпретанты.

Проиллюстрируем это на следующем примере из монографии А. Г. Минченкова. Испытуемый переводил предложение «Столь поражающая наблюдателей манера поведения Петра (Петра I. – Е. К.) одним казалась капризом, причудой, другим – особенно в народной среде – верным признаком его “подменности”, ложно-

сти.» [Минченков, 2007, с. 252] (выделено мной. – Е. К.) на английский язык. Комментарии по осмыслению выделенных лексем и подбору соответствующих эквивалентов на ПЯ демонстрируют перебор интерпретант:

1) лексемы «подмененность» и «ложность» даны через запятую, следовательно они близки по значению. Ложность – это *false-ness*, «подмененность» – *treachery, betrayal*;

2) «подменить» в русско-английском словаре соответствует *substitute for*, следовательно, это иной концепт и необходимы другие выражающие его слова: *pretender, not a true tsar*;

3) актуализация фоновых знаний (приход к власти Петра, цари-самозванцы) подтверждают правомерность последнего найденного концепта. Вспоминание имени Лжедмитрий приводит к выбору концепта *inauthenticity*.

В результате когнитивного поиска переводчик останавливается на варианте *...indicator of his inauthenticity, of his status as a pretender* [Там же, с. 171].

Ч. У. Моррис отмечает, что «Ч. С. Пирс... пришел к выводу, что в конечном итоге интерпретанта знака коренится в привыке, а не в непосредственной физиологической реакции, которую вызывало знаковое средство, или в сопутствующих образах и чувствах» [Моррис, 1982]. Действительно, если интерпретатор не имеет фоновых знаний относительно связи данного знака с другими, не учитывает КС, не располагает соответствующей концептуальной структурой, знак не будет вызывать необходимую интерпретанту для понимания объекта. Важен навык связывать данный знак с определенным контекстом употребления, а не с абстрактными образами. Как отмечает У. Эко, «только в *контекстуальных* взаимоотношениях обретают означающие свои значения; ...отсылая к какому-то значению, которое – и так бывает сплошь и рядом – оказывается не последним, предполагая иной выбор» [Эко, 2006а, с. 100–101] (курсив авт. – У. Э.).

У. Эко часто обращается к идее неограниченного семиозиса Ч. С. Пирса: «я полагаю... что теория *интерпретантов* и *неограниченного семиозиса* – это вершина Пирсова реализма, отнюдь не наивного» [Эко, 2007а, с. 324] (курсив авт. – У. Э.). Развитие идей Ч. С. Пирса в работах У. Эко не может не привести к заключению о том, что соответствующая модель означивания может прояснить характер интерпретации текста ИЯ с уникальным КС в целях перевода. Сложный процесс осмысления элементов текста-источника, набрасывание смысла, толкование одних знаков через другие в рамках РД – все эти процедуры могут характеризоваться как поиск интерпретанты.

3.3. ПРАВИЛА ПРОВЕДЕНИЯ РЕКОНСТРУКЦИИ ДИСКУРСА

*Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
В работе, в поисках пути,
В сердечной смуте.
До сущности протекших дней,
До их причины,
До оснований, до корней,
До сердцевины.
Б. Л. Пастернак*

*Человек образованный – тот, который знает,
где найти то, чего он не знает.
Г. Зиммель*

3.3.1. Вопрошание текста исходного языка в ходе реконструкции дискурса

Первый шаг РД заключается во внимательном изучении оригинала. Текст ИЯ, который является непосредственным объектом перевода, содержит в себе информацию, пусть и в рудиментарном состоянии, необходимую для его осмысления. Задача переводчика состоит в том, чтобы эту информацию извлечь, исходя из подсказок текста, ибо: «...каждый текст – это сложный инференциальный механизм... он имплицитно присутствует в содержании, и читатель должен его привести в действие» [Есо, 1990, р. 260]. Аналогичного мнения придерживается литературный критик и писательница Х. Гарднер: «мы должны разработать технику постановки вопросов, вопросов, которые возникают под воздействием самой работы» [Gardner, 1959, р. 35] (обе цитаты переведены мной. – Е. К.).

Тем не менее, необходимо отдавать себе отчет, замечает Х. Гарднер, что не каждый вопрос может привести к сколько-нибудь верному ответу. Если задаются слишком общие вопросы, ответы на которые заранее известны, они не приведут ни к чему новому. Важно уметь задать вопрос, чтобы затем найти на него удовлетворительный ответ. Недаром древние греки-философы считали, что вопросы задавать сложнее, и владеет знанием тот, кто вопрошает¹⁸.

На диалогический характер толкования текста обращает внимание Х.-Г. Гадамер. Искусство интерпретации – это процесс зада-

¹⁸ Слово «вопрошание» используется в герменевтической школе (см, например: [Рикёр, 2008]).

вания и получения ответов у текста [Гадамер, 1988]. Если рассуждать о РД, то корректнее будет говорить о том, что, покидая сферу лингвистики текста, переводчик при восстановлении необходимого КС выходит в дискурсивное пространство. Первые вопросы касаются непосредственно того элемента текста ИЯ, который отсылает к уникальному КС. Далее набрасываются круги интерпретации и восстанавливается тот дискурс, который проясняет смысл оригинала. При этом для экспликации дискурса, релевантного для понимания текста ПЯ, переводчик часто вынужден давать обширный комментарий, как в следующем примере:

Some people use symbol very elastically to refer to any specific anecdote or trait that stands in voter's minds for some broader characteristic: a 600\$ ashtray becomes a symbol of government waste; a candidate's hedges and qualifications become a symbol of his indecisiveness; the plight of Terri Schiavo becomes a symbol of either disrespect for the sanctity of human life or political meddling in people's private decisions, depending on who you listen to [Nunberg, 2007, p. 30] (выделено мной. – Е. К.).

Некоторые люди вольно обращаются со словом «символ», используют его по отношению к любому конкретному случаю или характерной черте. В сознании избирателей это слово имеет широкое значение: пепельница за 600 \$ становится символом государственной расточительности; оговорки и уклончивость в ответах символизируют нерешительность политика; дело Терри Шайво стало символом неуважения к человеческой жизни с одной стороны и политического вмешательства в личные дела – с другой, в зависимости от того, на чьей вы стороне (переведено мной. – Е. К.).*

** американка Терри Шайво находилась в состоянии комы на протяжении нескольких лет. При отсутствии положительной динамики ее муж и опекун решает отключить жену от аппарата искусственного питания. В то же время, родители Терри были категорически против этого, ссылаясь на религиозные убеждения дочери. Разногласия родственников долгое время решались в судебном порядке. 15 октября 2003 аппарат отключают, но усилиями родителей, искусственное питание снова возобновляют – в качестве последней меры, родители обратились за помощью к властям. В результате был принят закон, дающий право губернатору штата вмешиваться в принятие решений относительно эвтаназии. Впоследствии, однако, закон обжалуют как нарушающий право на частную жизнь. Тяжбы продлились до 31 марта 2005 г., когда*

Терри Шайво, наконец, отключили от системы искусственного поддержания жизни.

Для перевода данного текста РД проводилась при постановке следующих вопросов: 1. Кем является Терри Шайво? 2. Как ее семья намеревалась поступить в сложившейся тяжелой ситуации? 3. Как это дело стало достоянием общественности. Почему им активно начали заниматься политики?

Очевидно, что здесь для понимания конкретного фрагмента текста ИЯ было необходимо начать РД с центрального элемента уникальной ситуации, возникшей вокруг личности Терри Шайво.

Шаг за шагом переводчик восстанавливает КС, следит, чтобы новые найденные характеристики ситуации складывались в единый герменевтический круг. Отвечая на новые вопросы, он убеждается в правильности понимания дискурса. Не вся найденная информация нуждается в экспликации, но ее полнота является залогом адекватного перевода и дает переводчику свободу выбора языковых средств.

В следующем тексте содержится несколько единиц, восходящих к уникальному КС и находящихся в более сложных отношениях взаимосвязи с содержанием текста ИЯ:

The new broadcast formats blur the line between public and private language as never before. Unlike even FDR's Fireside Chats (which were actually rather formal by modern standards), the language of the political talk media is invariably conversational. Whether you're listening to the monologues of Limbaugh and his ilk or the Crips-vs.-Bloods melees on the cable news networks, you have the sense that what you're hearing is pretty much the language that people would use if they were talking over a beer [Nunberg, 2007, p. 38] (выделено мной. – Е. К.)

Новые форматы вещания как никогда стирают границу между языком публичных выступлений и бытового общения. Даже «Беседы у камина», которые вел Ф. Д. Рузвельт с населением Америки в 30–40-е гг. (достаточно официальные по современным меркам), уступают неизменно разговорному языку политических дебатов. Слушаете ли вы монолог радиокomentатора Лимбо и ему подобных или же смотрите разборки уличных банд Крибс и Бладс по кабельному телевидению, у вас возникает чувство, что вы слышите практически тот же язык, на котором говорят за кружкой пива (переведено мной. – Е. К.).

При переводе было решено включить поясняющие комментарии в ткань текста ИЯ, поскольку выделенные элементы тесно соотносятся с целым представленного фрагмента. Для осмысления

FDR's Fireside Chats были заданы вопросы: Что было характерно для бесед Ф. Д. Рузвельта? В какой манере они проводились? Когда? Для чего? Реконструированный дискурс свидетельствует о том, что в сложное для Америки время Ф. Д. Рузвельт общался со своими соотечественниками посредством радиопередач «Беседы у камина». Эти программы транслировались с 1933 по 1944 г., и их появление было продиктовано необходимостью поддержки народа и популяризации проводившейся политики. Параметрами, релевантными для экспликации данной уникальной ситуации в тексте ПЯ (см. перевод) являются контекст события и времени. Далее, необходимо расширить контекст личности г-на Лимбо. Краткий ответ на вопрос «Кто такой г-н Лимбо?» также присутствует в переводе. Наконец, *Cribs vs. Bloods*, как можно судить по внешней форме высказывания, представляют противоборствующие стороны. Выяснить КС подробнее помогают вопросы: Какие группировки именуют себя *Cribs* и *Bloods*?, Когда они появились?, Чем они занимаются?. Ответ: это молодежные уличные субкультуры, которые возникли в 60–70-е гг. в русле общего свободолюбивого настроения молодежи Америки того времени. Основной род занятий – уличное хулиганство и противостояние друг другу. В тексте ПЯ добавляется лаконичный комментарий по контексту участников.

Итак, ознакомление с дискурсом, образующим адекватный контекст интерпретации текста ИЯ начинается с постановки вопросов к элементам, отсылающим к уникальному КС. Характер вопроса определяется непосредственно содержанием того фрагмента текста ИЯ, который представляет сложность для понимания. Тем не менее, как замечает Д. Робинсон, теоретикам-лингвистам свойственно редуцировать сложное до простого и приводить динамический процесс перевода к схемам, моделям и правилам [Robinson, 1997, p. 25]. Если обобщить, то основные вопросы следующие:

Примеры по порядку	Как, Что? (Каким образом? Чем занимается?)	Кто? (Кем является? Какой?)	Когда?	Почему? (Для чего?)
	<ul style="list-style-type: none"> • Как семья Терри Шайво намеревалась поступить в сложившейся тяжелой ситуации? • Как это дело стало достоянием общественности? 	Кем является Терри Шайво?		Почему делом Терри Шайво активно начали заниматься политики?

<ul style="list-style-type: none"> • Что было характерно для бесед Ф. Д. Рузвельта? • В какой манере они проводились? • Чем занимаются Crips и Bloods? 	<ul style="list-style-type: none"> • Кто такой г-н Лимбо? • Какие группировки именуют себя Crips и Bloods? 	<ul style="list-style-type: none"> • Когда проводились беседы Ф. Д. Рузвельта? • Когда появились Crips и Bloods? 	<p>Для чего проводились беседы Ф. Д. Рузвельта?</p>
---	--	--	---

Вопросы Как?, Что?, Кто? и Когда? позволяют переводчику выяснить релевантный контекст событий, личности и времени, что соотносимо со схемой РД:

РД = ((((Т) КС события) КС участников) КС времени, места)

Что касается вопроса «Почему?», полагаем, он может рассматриваться как сопутствующий. Ответ на этот вопрос находится, если известны основные характеристики ситуации, отраженные в формуле.

Наряду с вопрошанием текста ИЯ, существуют другие приемы РД. К ним относится прием набрасывания смысла, по М. Хайдеггеру, или перебор интерпретант, по Ч. С. Пирсу, в рамках принципа круговой («челночной», по А. Г. Минченкову [2008, с. 9]) организации понимания или стратегии «от целого к части», по Г. Д. Воскобойнику [2007].

3.3.2. Принцип круговой организации понимания текста исходного языка

3.3.2.1. Набрасывание смысла как основной прием реконструкции дискурса

Понимание, а значит осмысление текста, сопровождается движением по герменевтическому кругу. Соотношение частей текста с целым и целого с его частями служит ориентиром переводчику в правильности выбранной гипотезы относительно смысла оригинала. Если сопоставления не происходит, переводчик набрасывает, по образному высказыванию М. Хайдегера, новый смысл, идет по новому кругу. Нельзя не согласиться со следующим замечанием: «...анализ текста проводится от макроструктуры текста до его микроединицы, которым является слово; оно не изолировано, и имеет свое значение и функцию в рамках всего текста» [Snell-Hornby, 1995, p. 2] (переведено мной. – Е. К.). Как было показано ранее, особенность перевода текстов с уникальным КС состоит в том, что переводчик стремится к нахождению феноменологического тождества, при соблюдении стратегии «от целого к части» (см. раздел 2.2).

Приведем пример, где эта стратегия соблюдается:

The pieces collected here are snapshots of the language during final years of the Bush era. Of course labeling a stretch of time as an “era” tends to make it seem tidier and more coherent than it actually was. Islamo-fascism and entrepreneur, ownership and under the bus, marriage and macaca – what exactly do they have in common, other than that they were all airing in the same season? You think of a TV commercial for one of those Hits of the 1970s compilation CDs, with a montage of images of beanbag chairs, the fall of Saigon, streakers, Kent State, Bruce Lee, and Saturday Night Fever flashing across the screen against a soundtrack by Gloria Gaynor, Kenny Rogers, and the Clash [Nunberg, 2009, p. 9, introd.] (выделено мной. – Е. К.).

Фрагменты, собранные здесь, запечатлели язык последних лет эры Буша. Конечно, назвать промежуток времени эрой, значит представлять его более упорядоченным и связным, чем он был на самом деле. Исламо-фашизм и предприниматель, собственность и подстава*, брак и макака – что именно их объединяет, помимо того, что о них заговорили в одно и то же время? Вам приходит на ум телевизионная реклама CD-сборника с хитами 70-х, где в виде коллажа на экране мелькают кресла-мешки, падение Сайгона, голые бегуны, протестующие против условностей, г. Кент, где была расстреляна мирная демонстрация студентов против войны во Вьетнаме, Брюс Ли и фильм «Лихорадка субботнего вечера» под саундтреки певицы в стиле диско Глории Гейнор, кантри-музикант Кенни Роджерс и рок-группа Клэш (переведено мной. – Е. К.).

* дословно с англ. «под автобус» (*under the bus*). Это выражение стало чрезвычайно популярным в 2008 г., во время предвыборной политической кампании. Обозначает предательство, жертвование другим человеком в целях получения личной выгоды.

Сложность для перевода здесь составляют, в первую очередь, выделенные слова и словосочетания. Среди лексических единиц эпохи Буша-младшего, которым посвящена вся книга, особо следует обратить внимание на выражение *under the bus*. Следуя закону движения по герменевтическому кругу, прочитав эссе, где встречается это выражение и, узнав из него о контексте употребления высказывания, переводчик в силах предложить свой вариант перевода, а пока он обращается к следующему предложению. В нем перечисляются знаковые события, символы другого отрезка времени – 70-х гг. Америки. Место и время культуры, обозначенное в тексте ИЯ, задает границы РД. Переводчик, выдвигая гипотезы о том, какие

именно события имеются в виду в оригинале, будет соотносить их с контекстом времени и места. Некоторые перечисленные элементы мозаики той эпохи легко восстановимы – популярный актер Брюс Ли, известный из мировой истории факт падения Сайгона, ознаменовавший конец войны во Вьетнаме, – но большинство событий переводчику приходится реконструировать. РД проводится при вопрошании оригинала с целью определения главных параметров уникальной ситуации (см. предыдущий раздел 3.3.1). Так, были заданы вопросы: 1. Что значит *under the bus*? (ответ – в тексте ИЯ) 2. Кого называли *streakers*? 3. Чем знаменит *Kent State*? 4. Какое событие/факт/произведение называется *Saturday Night Fever*? 5. Какой профессиональной деятельностью занимались Gloria Gaynor, Kenny Rogers и the Clash? О правильности предположений относительно смысла данных единиц переводчик судит по соответствию заданному хронотопу. В этом также прослеживается выполнение стратегии «от целого к части».

Следующий простой пример демонстрирует то, что при понимании сообщений адресат всегда следует логике связности одного элемента текста ИЯ с другим.

...he greeted me with a conspiratorial intimacy whenever he gave me the beat-up old Corvair to bring down to the garage [Canin, 2008, p. 80] (выделено мной. – Е. К.).

...каждый раз, когда он оставлял мне свой разбитый «Корвэйр», чтобы я поставил его в гараж, он здоровался со мной так, как будто мы были заговорщиками (переведено мной. – Е. К.).

Опираясь на универсальные фоновые знания о мире (в гараж ставится машина), логично предположить, что *Corvair* – это название автомобиля. Расширение КС подтверждает эту инференцию. РД здесь, конечно, необходима не для общего понимания оригинала, а для предоставления дополнительных сведений о машине (например, о том, что это компактный автомобиль американского производства).

Проанализируем еще один пример, где РД проводится согласно правилу герменевтического круга с набрасыванием смысла на ономасиологическом этапе:

It was around then that William F. Buckley famously quipped that he would rather be governed by the first two thousand names in the Boston phone book than the entire Harvard faculty [Nunberg, 2007, p. 64] (выделено мной. – Е. К.)

Примерно тогда Уильям Ф. Бакли изрек знаменитую язвительную фразу, что он скорее позволит первым двум тысячам людей из Бостонского телефонного справочника управлять собой, чем всей профессуре Гарварда (переведено мной. – Е. К.)

Высказывание взято из макротекста, где описывается противостояние республиканской и демократической партии. РД целесообразно начать с вопроса «Каких политических взглядов придерживается г-н Бакли?». Ответ – консервативный комментатор. Набрасываем первый круг смысла: колкое замечание г-на Бакли о нежелании иметь дело с *Harvard faculty* связано с тем, что его члены – либералы.

На ономаσιологическом этапе, если отвергнуть общий вариант перевода «люди/либералы из Гарварда», точный вариант перевода *faculty* потребует от переводчика более внимательного анализа КС. Дело в том, что возможны несколько вариантов перевода: 1) факультет, отделение; 2) профессорско-преподавательский состав; 3) (*собир.*) лица с высшим образованием, принадлежащие к одной профессии (по данным электронного словаря Multilex 2.0). Для эффективного поиска информации, необходимо задать вопрос «Каковы политические взгляды в Гарварде?» В статье о Гарварде [http://en.wikipedia.org/wiki/Harvard_University] об университете говорится как о либеральном центре (подтверждение смысла₁), при этом слово *faculty* употребляется в значении «профессорско-преподавательский состав».

В то же время необходимо учесть, что в работе, откуда был взят отрывок, автор пишет о том, как консерваторы-республиканцы пытаются представить либералов-демократов изнеженными элитами. Второе название книги, вынесенное на обложку: “How Conservatives Turned Liberalism Into a Tax-Raising, Latte-Drinking, Sushi-Eating, Volvo-Driving, New-York Times-Reading, Body-Piercing, Hollywood-Loving, Left-Wing Freak Show”¹⁹ [Nunberg, 2007]. Таким образом, *Harvard faculty* может собирательно именовать либералов, когда-то учившихся в этом престижном учебном заведении. С другой стороны, не все люди, получившие высшее образование в Гарварде, были либералами, о чем свидетельствуют личности президентов США. К моменту появления этого высказывания, началу 60-х гг., лишь трое из шести президентов, закончивших Гарвард, были демократами. Поэтому оправдана версия перевода «профессура Гарварда» вместо «выпускники Гарварда».

¹⁹ «Как консерваторы превратили либералов в левое фрик-шоу из сборщиков налогов, любителей Голливуда, которые распивают латте и едят суши, разъезжают на «Вольво» и читают “Нью-Йорк Таймз”» (переведено мной. – Е. К.)

На данном этапе исследования представляется возможным выдвинуть следующее предположение. *Процедура набрасывания смысла – это перебор интерпретант.* Обе процедуры характеризуются когнитивным поиском при переходе от одной гипотезы к другой и имеют конечную цель – нахождение смысла, не противоречащего дискурсу, который образует адекватный контекст интерпретации текста ИЯ.

3.4. ДИАЛЕКТИЧНОСТЬ И ГЕРМЕНЕВТИЧНОСТЬ ПЕРЕВОДА КАК СЛЕДСТВИЯ ТРЕБОВАНИЙ РЕКОНСТРУКЦИИ ДИСКУРСА

A translation is more like a portrait in oils. The artist may add a pearl earring, give an extra flush to the cheek or miss out the grey hairs in the sideburns – and still give us likeness.

D. Bellos

Something is always “lost” (or, might we suggest, “gained”?) in the process and translators can find themselves being accused of reproducing only part of the original and so ‘betraying’ the author’s intentions.

R. T. Bell

Перевод – всегда комментарий.

Л. Бек

3.4.1 (Не-)Переводимость, переводческие потери и реконструкция дискурса

3.4.1.1 Переводческие апории: реконструкция языковой структуры vs реконструкция смысла оригинала

На вопрос о переводимости исследователи отвечают по-разному. По существу, речь идет об одном и том же, но феноменологичность оценки переводческих потерь и рамки выбранной теории делают перевод возможным для одних исследователей (Ж. Мунен, И. А. Кашкин, А. В. Федоров) и невозможным – для других (В. фон Гумбольдт, Л. Вайсгербер, П. П. Дашинимаева, Д. Робинсон, Б. Малиновский). Есть также группа ученых, признающих переводимость с некоторыми оговорками (А. Д. Швейцер, В. Н. Комиссаров и др.). По-нашему мнению, это показатель того, что обе крайние точки зрения имеют право на существование. На двой-

ственность основных проблем перевода, в том числе переводимости, указывает Г. Д. Воскобойник, называя их апориями, т. е. неразрешимыми противоречиями [Воскобойник, 2007, с. 5].

Целесообразно рассмотреть причины переводческих потерь, в результате которых текст ИЯ и текст ПЯ не могут считаться абсолютно идентичными друг другу.

Переводческая деятельность, по признанию А. Д. Швейцера, «...нередко влечет за собой известные компромиссы и потери, неизбежные в свете тех противоречивых задач, которые приходится решать переводчику» [Швейцер, 1988, с. 102]. Образец противоречивости задач, стоящих перед переводчиком, представляет известный список Т. Сэвори [Savory, 1968, p. 54]:

1. Перевод должен передавать слова оригинала.
2. Перевод должен передавать мысли оригинала.
3. Перевод должен читаться как оригинал.
4. Перевод должен читаться как перевод.
5. Перевод должен передавать стиль оригинала.
6. Перевод должен передавать стиль переводчика.
7. Перевод должен читаться как произведение, современное оригиналу.
8. Перевод должен читаться как произведение, современное переводчику.
9. Перевод может допускать добавления и допущения.
10. Перевод не должен допускать добавления и опущения.
11. Перевод стихов должен осуществляться в прозе.
12. Перевод стихов должен осуществляться в стихотворной форме.

Если примерить эти противоречивые советы к переводу текстов с уникальным КС, список сократится. Тем не менее, переводчик останется в сложной ситуации. Относительно первой антиномии считаем, что переводчик должен в первую очередь пытаться воссоздать смысл оригинала. Но, как доказывают последние исследования, сделать это в полной мере невозможно. Теория значимости П. П. Дашинимасовой [2010a; 2010b] – тому подтверждение. Данная теория уже рассматривалась выше, поэтому ограничимся приведением положений, касающихся смысловых потерь в переводе.

Прежде всего, автор определяет значение как «лично переживаемую в момент производства мыслей *значимость* “здесь и сейчас”» (курсив авт. – П. Д.). Со стороны адресанта значение – это значимость, «часть которой означает во внешнеязыковой фор-

ме», а со стороны адресата оно является рецептивной значимостью, формируемой на базе «собственных концептуальных параметров и коммуникативной компетенции с одной стороны и прогнозирования вероятностного формата концептуально-семантической системы и знаний правил языковой игры адресанта – с другой» [Дашинимаева, 2010а, с. 13–14]. На начальном этапе переводчик имеет дело с неполной помысленной значимостью, так как часть ее из-за новизны переживаемого и отсутствия подходящих формальных знаков не находит выражения. Далее, воспринимая текст ИЯ, переводчик формирует смысл для себя, происходит когнитивная адаптация и реконструкция интенциональной значимости. После этого переводчик формирует значимость для реципиента и представляет ее средствами ПЯ. В результате П. П. Дашинимаева приходит к выводу, что «мысль...от формирования на уровне отправителя до восприятия и развертывания на уровне получателя – всегда *претерпевает потери и изменения*, в конце пути обретая вид сухого остатка» [Дашинимаева, 2010б, с. 100] (выделено мной. – Е. К.). Анализ актуализации значимости позволяет исследователю прийти к презумпции непереводаемости.

Понимание значения в теории П. П. Дашинимаевой сближает его со смыслом. Преобразования и потери, происходящие со значимостью, также происходят со смыслом, который, несмотря на то, что базируется на знании языковых значений, имеет феноменологическую составляющую (см. раздел 1.2.3).

Следует признать, что уже на семасиологическом этапе переводчик не может понять смысл текста ИЯ именно так, как его задумывал автор. Согласимся с мнением Л. А. Черняховской, что понимание будет аналогичным, но не идентичным, поскольку «...зависит и от уровня знания получателя (когнитивного и языкового), и от некоторых психических особенностей получателя, не идентичных психическим особенностям отправителя» [Черняховская, 1983, с. 10].

Процедура РД предлагается для того, чтобы восполнить недостаток культурологических сведений, мешающих осмыслению оригинала. На когнитивном уровне, как было показано выше (см. раздел 2.3.1), переводчик «встраивает» в свою концептуальную структуру, формируемую уже на этапе предпонимания текста ИЯ, новые отсутствующие концепты, которые возникают под воздействием дополнительной информации при расширении КС. Целостность восприятия смысла текста ИЯ, сопровождаемая формированием ко-

герентной концептуальной структуры, отвечает требованию декодировать значимость «цельнокупно» [Дашинимаева, 2010а, с. 9].

Корректнее будет сказать, что перевод старается соответствовать когнитивным и языковым знаниям адресата. Несмотря на то что теоретически соответствие должно присутствовать, на практике оно носит гипотетический характер.

Что касается второго фактора, из-за которого происходят смысловые потери и искажения, приходится признать, что преодолеть его невозможно. Несмотря на то что переводчик должен оставаться в тени и, по образному выражению Л. Мкртчяна [1970], выполнять роль катализатора, не участвуя в «реакции» [цит. по: Куницына, 2010, с. 94], сделать это сложно.

Сошлемся в этой связи на теорию, предложенную американским переводоведом и переводчиком Д. Робинсоном. Центральное положение в ней занимает взгляд на перевод через телесные, соматические реакции. Как можно судить по работам американских лингвистов и философов, опыт тела представляет для них особую сферу интересов. Характерный пример – труд Дж. Лакоффа и М. Джонсона *Philosophy in the Flesh* [Lakoff, 1999]. Д. Робинсон, опираясь на размышления У. Джеймса и Л. Витгенштейна, представляет понимание вербальных сообщений следующим образом. Во-первых, коммуниканты «чувствуют» слова, в этом им помогает идеосоматика (ideosomatics) и идиосоматика (idiosomatics). Идеосоматика – это заложенная в человека с момента рождения социальная программа реагирования на слова, идеологизированная реакция тела. Благодаря идеосоматике люди понимают друг друга. В то же время, каждый человек имеет свой собственный опыт, который определяет его идиосоматику, индивидуальную реакцию на словесные сообщения. Наконец, употребление слова в контексте также влияет на его понимание [Robinson, 1991, p. 3–15]. Заметим, что все перечисленные составляющие понимания по Д. Робинсону входят в осмысление сообщения: понимание закрепленного за словом значения – соотносимо с идеосоматикой, феноменологичность смысла – с идиосоматикой, также учитывается контекст.

В идеальной ситуации, замечает Д. Робинсон, человек, владеющий иностранным языком, должен также чувствовать то, что чувствует носитель языка, производя локуцию [Ibid, p. 16], но идиосоматика не универсальна. В результате при переводе происходят потери и искажения начальной мысли. Описание этого процесса напоминает схему П. П. Дашинимаевой. Так, Робинсон отмечает,

что, когда человек пишет текст ИЯ, он вкладывает в слова личный идиосоматический опыт. Второй человек прочитывает этот текст и наполняет его, в свою очередь, своим идиосоматическим опытом. Третий человек прочитывает тот же текст вслух, чтобы затем перевести его, и слова порождают в нем уже иную идиосоматическую реакцию. Наконец, читатель текста ПЯ наполняет его слова свойственным только ему идиосоматическим опытом [Ibid, p. 21–22].

О невозможности идентичного восприятия мыслей другого также пишет Л. В. Кушнина. Исследовательница считает, что при переводе смысл вносит каждый субъект переводческой коммуникации. При схематической иллюстрации в виде кругов Эйлера поля автора, переводчика и реципиента не совпадают и лишь частично перекрывают друг друга в той области, где смысл един для всех [Кушнина, 2004, с. 13–14].

Таким образом, требование к переводчику быть стеклом, через которое читатель текста ПЯ мог бы непосредственно увидеть текст ИЯ [Гоголь, 1987, с. 46] психофизически невыполнимо. Поэтому можно только стремиться к тому, чтобы понять и воссоздать мысль автора текста ИЯ с наименьшими потерями и изменениями.

3.4.1.2. *Переводческие апории: перевод как поиск компромиссного решения*

Возвращаясь к списку Т. Сэвори, обратим внимание на вторую антиномию: текст ПЯ должен читаться как оригинал и перевод. Как следует переводить тексты с уникальным для носителей ИЯ КС? В разделе 3.1.2. был частично предложен ответ на этот вопрос. Принимая во внимание то, что перевод должен прояснять специфическую для текста ИЯ культурную ситуацию, читаться как оригинал он не будет. Присутствующие в переводе комментарии и описания не создадут подобной иллюзии. С другой стороны, для перевода анализируемых текстов будет более важна адекватность, чем строгая эквивалентность, соблюдаемая, например, при выполнении подстрочного перевода, перевода договора, где порядок следования параграфов, сохранение графического вида оригинала имеет немало важное значение. Переводчик, следовательно, идет на компромисс, что автоматически предполагает частичные потери, либо в ущерб восприятия текста ПЯ как оригинала, либо как перевода.

The strangest thing about this crisis was that nothing in particular had spurred it. No friend or relative have died, giving me my first taste

of mortality, nor had I read or seen anything particular about death; I hadn't even read Charlotte's Web yet. [Gilbert, 2006, p. 164] (выделено мной. – Е. К.).

Самое странное, что не случилось ничего такого, что могло бы спровоцировать этот кризис. Я не знала, что такое смерть друга или родственника, и потому не могла ощутить конечность всего сущего; не читала о смерти в книжках и не видела ее по телевизору или где-то еще; да что там – я даже «Паутину Шарлотты» прочесть не успела [Гилберт, 2012, с. 168] (переведено Ю. Змеевой).

Самое странное, что у меня не было причин впасть в уныние. Никто из моих друзей или родственников не умер, что могло бы натолкнуть меня на первое осознание смерти; я ничего такого не читала и не видела. Я даже не успела прочесть «Смерть петушка» (переведено мной. – Е. К.).

Первый вариант перевода указывает на инаковость текста, на то, что перед русскоязычным читателем переводной текст. Этому, прежде всего, способствует название произведения для детей «Паутина Шарлотты», неизвестного представителям русской культуры. В целом тексте романа «Есть, молиться, любить», откуда взят данный пример, большое количество ссылок, разъясняющих уникальный КС читателям перевода. Благодаря переводческим комментариям у читателей есть возможность познакомиться с культурой ИЯ, с другой стороны, теряется легкость прочтения текста ПЯ. У реципиента перевода не возникает иллюзии прочтения оригинального произведения, что также может быть рассмотрено в качестве переводческой потери.

Предложенный нами вариант перевода выполнен в русле стратегии доместикации. Вместо зарубежной сказки, в которой Шарлотта-паучиха спасает от смерти поросенка, предлагается название русской народной сказки, где также фигурирует тема смерти. Исходя из общей стратегии, было также изменено первое предложение, поскольку слово «кризис» больше характерно для англоязычной речи. Основная потеря при данном переводе, которая может быть поставлена в вину переводчику – это недостаточная верность оригиналу.

Относительно третьей апории, должен ли текст ПЯ отражать стиль оригинала или переводчика, полагаем, что для перевода современных прозаических текстов, описывающих иную социокультурную действительность, этот вопрос не первостепенный. Отметим, тем не менее, что, независимо от намерения переводчика со-

хранять «нейтралитет», выбор языковых средств для передачи мыслей подлинника будет зависеть от самого переводчика, поэтому некоторые элементы личной манеры изложения будут присутствовать в переводе [см.: Псурцев, 2012, с. 187–196].

Следующая дилемма в виде антиномии «текст должен читаться как произведение, современное оригиналу, и как произведение, современное переводчику», также не представляет особой сложности. Это вызвано тем, что проанализированные тексты, как правило, относятся ко времени (или близки к нему), к которому принадлежит современный переводчик. В то же время, РД для понимания культурноспецифической ситуации могут потребовать тексты, отстоящие от переводчика во времени. В этом случае переводчик пытается сделать то, что Д. Робинсон назвал *casting a spell*: он передает очарование исторического времени оригинала, не стремясь к филологической точности [Robinson, 1991, p. 189]. В любом случае, перевод текстов с уникальным для носителей культуры ИЯ КС не может в полной мере читаться как произведение, современное оригиналу, из-за присутствующих в тексте ПЯ переводческих комментариев, разъясняющих читателю культурные особенности отстоящей по времени эпохи.

Примером могут служить многочисленные переводы «Алисы в стране чудес» Л. Кэрролла. В тех случаях, когда в романе говорится о предметах быта викторианской эпохи, переводчик дает соответствующие комментарии:

Alice had been to the seaside once in her life, and had come to the general conclusion that, wherever you go to on the English coast, you find a number of bathing machines in the sea, ... [Carroll, 1963, p. 40] (выделено мной. – Е. К.).

Алиса всего раз в жизни была на взморье, и потому ей казалось, что все там одинаково: в море – кабинки для купания, ...* (переведено Н. Демуровой).

** Имеются в виду небольшие кабины на колесах, запряженные лошадьми, которые ввозили их в море на глубину, нужную купающимся. Через специальную дверцу в стенке, обращенной к морю, можно было выйти в воду: огромный зонт, укрепленный сзади, скрывал купающихся от взглядов публики. ...*

Пояснения, сделанные переводчиком, неизбежны в текстах подобного рода, поэтому последняя релевантная для нас антиномия о возможности опущений и добавлений в переводе разрешается в пользу присутствия последних.

Помимо культурных различий, не следует также забывать о разнице языков: использование различных грамматических, лексических и фонетических средств для выражения действительности, другими словами, сложившиеся нормы использования языка, также могут служить сдерживающим фактором в свободном изложении смысла оригинала.

Перевод следующего примера представляет сложность с точки зрения выбора языковых средств, которые могли бы «передать» смысл ошибки, допущенной в меню:

Dishes, Un-delicious:

Menu items from various European restaurants:

...Sweat from the Trolley [Petras, 1996, Jan 16] (выделено мной. – Е. К.).

В выделенном слове была допущена опечатка. В результате вместо слова *сладости*, *sweet*, получилось *sweat*, что значит *пот*. Имеется в виду традиция, распространенная за рубежом, предлагать посетителям ресторана сладости, которые размещают на специальных тележках. Перевод подобной опечатки на любой язык будет осложняться отсутствием в тексте ПЯ соответствующей лексемы, которая графически близка лексеме *пот*. Переводчик в таких случаях прибегает к приему компенсации. Здесь целесообразно: 1) найти название другого блюда на ПЯ, неправильное написание которого вызовет соответствующие ассоциации; 2) найти такое название блюда на ПЯ, частью которого была бы лексема *пот*. Ниже предлагается возможный вариант такого перевода:

Блюда, на любителя:

...*Ком-ПОТ в ассортименте* (переведено мной. – Е. К.).

Таким образом, следует согласиться с известным мнением, что перевод невозможен без потерь [Швейцер, 1988; Комиссаров, 2002; и др.]. Это, в первую очередь, смысловые потери. Для того чтобы их минимизировать, предлагается восстановление всего КС, релевантного для понимания смысла сообщения ИЯ.

В то же время, несмотря на признанные несовершенства и трудности межъязыковой коммуникации, перевод продолжает служить цели нахождения взаимопонимания между людьми. Как заметил В. Н. Комиссаров, текст ИЯ можно считать как непереводимым, в смысле отсутствия абсолютного тождества с переводом, так и переводимым, в смысле создания его функциональной замены на ПЯ [Комиссаров, 1975, с. 5].

Полиглот У. Эко, сам неоднократно занимавшийся переводами, сравнил переводческий процесс с переговорами [Есо, 2004]. Такое сравнение ставит исследователя в один ряд с теми авторами, кто считает, что при переводе потери неизбежны: «Переговоры – это процесс, путем которого для того, чтобы что-то получить, каждая из сторон вынуждена от чего-то отказаться. В конце концов, все остаются довольны, так как понимают, что получить все невозможно» [Есо, 2004, р. 6] (переведено мной. – Е. К.). В «переговорах» в качестве сторон выступают текст ИЯ и ПЯ, интересы которых должны одновременно соблюдаться. Так, перевод должен, с одной стороны, быть верен оригиналу: сохранять замысел автора, умолчания исходного текста, сохранять его культурные особенности, а с другой – принимать во внимание культуру реципиента, для которого делается перевод. Переводчик выступает в качестве незаметного посредника между этими сторонами.

Поскольку учесть интересы каждой из сторон не представляется возможным, перевод – это компромиссное решение при неизбежных потерях, но при частичном соблюдении прав текста оригинала и перевода. Об этом также пишет Х.-Г. Гадамер: «...переводчик, взвешивая и выбирая, ищет наилучшее решение, которое во всех случаях может быть лишь компромиссным» [Гадамер, 1988, с. 450]. Д. Робинсон также отмечает, что практикующий переводчик «вынужден научиться жить, находя компромиссы» (have to learn to live with compromise) [Robinson, 1991, р. 121].

Приведем пример:

On Compliments:

What a picture! It will be a feather in your eye! (Harry Rapf, film editor) [Petras, 1996, Feb 4].

О комплиментах:

Что за картина! 1:0 в вашу копилку! (Гарри Рапф, кинорежиссер) (переведено и выделено мной. – Е. К.).

В результате РД переводчик приходит к пониманию того, что в тексте ИЯ перефразирована фразеологическая единица *feather in one's cap*. Значение этого фразеологизма: «то, чем можно гордиться, предмет гордости; достижение; заслуга» [АРФСК, 1984, с. 267]. Для воссоздания смысла оригинала был найден компромисс. Переводчик нашел менее образное разговорное выражение «1:0 в чью-либо пользу», которое, тем не менее, близко по смыслу фразеологизму текста ИЯ и может быть модифицировано, как это сделано в оригинале.

Необходимость защищать противоречивые интересы текста ИЯ и ПЯ породило множество метафор о нелегком труде переводчика (переводчик-сапер/жонглер/альпинист и др. [см.: Куницына, 2010, с. 146–148]).

По поводу традиционного представления перевода в качестве наведения моста между двумя текстами, участвующими в переводе, Д. Робинсон справедливо заметил, что это даже не сооружение прочного моста – *bridge*, но чувство попытки его налаживания, которое не позволяет сказать о том, что мост действительно готов: “Rather a *bridging* – or even a *feeling-as-if-one-were-bridging*, a *feeling-about-being-caught-in-the-middle-in-terms-of-a-bridging*” [Robinson, 1991, p. 184] (курсив авт. – *D. R.*). Чувство невыполнения чего-то в переводе получило название когнитивного диссонанса [Воскобойник, 2004а; 2004б; 2007]. Рассмотрим это явление более подробно.

3.4.2. Когнитивный диссонанс как индикатор недостижимости тождества в переводе и реконструкция дискурса как способ его выравнивания

Понятие КД было заимствовано Г. Д. Воскобойником у психолога Л. Фестингера (подробнее [см.: Воскобойник, 2004б, с. 110–111]). КД определяется как «отраженное в произвольной... форме знание переводчика о том, что между текстами ИЯ и ПЯ имеются содержательные различия и реакция на это знание» [Воскобойник, 2007, с. 136]. КД постоянно сопровождает переводчика и служит стимулом к созданию перевода, который мог бы служить полноценной функциональной заменой оригиналу, что, однако, все равно не избавляет переводчика от сравнения его с предателем²⁰. В зависимости от профессионализма переводчика, Г. Д. Воскобойник выделяет три уровня КД. Перевод текстов институционального и персонального дискурса соответственно характеризуют следующие формулы: «(система (текст ((дискурс)))» и «(дискурс (текст ((система)))»». Переводчик институционального дискурса на начальном этапе своей профессиональной деятельности осуществляет перевод, опираясь на языковые или систематические соответствия, т. е. находит слову «эквивалент» в другом языке. Далее, диссонанс, возникающий у переводчика при пословном переводе, подталкивает

²⁰ Имеется в виду итальянское выражение «*traduttore traditore*».

его к переводу единиц оригинала, исходя из целого текста. Наконец, КД заставляет переводчика искать тождество, обращаясь к уровню дискурса [Воскобойник, 2007, с. 216–217].

Динамика КД персонального дискурса показывается автором на примере перевода стихотворного произведения и, как видим, имеет обратное направление, от восприятия общего дискурса к частностям, в виде работы с отдельными словами. Начинаящий переводчик при работе с персональным дискурсом ограничивается передачей «духа» оригинала, или даже настроением автора, которое, как ему кажется, предстает в тексте ИЯ. Следующий этап – переводчик начинает прорабатывать перевод подлинника, исходя из изучения его непосредственного контекста, соотнося отдельные слова и фразы с темой, поднимаемой в оригинале, ставится вопрос «о завершенном смысле текста» [Воскобойник, 2007, с. 211]. Обладая высшим уровнем компетенции, переводчик готов решать вопросы, которые требуют наличия системных знаний: соотношений слов друг с другом, их возможной многозначности, передачи аллитерации, ассонанса и т. д., что придает персональному дискурсу «глубину» и может быть не замечено переводчиком на предыдущем уровне владения профессиональными навыками.

Какая из предложенных формул характеризует действие переводчика, работающего с текстами, отсылающими к уникальному для носителей культуры ИЯ КС? Представляется очевидным, что переводчик действует в режиме «(система(текст((дискурс)))»». Опыт работы преподавателем перевода показывает, что начинающие переводчики редко выходят за рамки текста ИЯ для того, чтобы перевести фрагменты текста, отсылающие к неизвестной для реципиента ПЯ культурной ситуации. Как правило, предлагается дословный перевод с основой на предлагаемые словарями языковые соответствия. Студенты не решаются, как им представляется, «вмешиваться» в то, о чем повествует оригинал, в результате уникальный для исходной культуры КС остается неэксплицированным и даже искаженным после дословного перевода. С другой стороны, учащиеся, уже имеющие опыт переводческой деятельности, демонстрируют стремление разобраться в смысле оригинала, подтверждая утверждение Х.-Г. Гадамера о том, что переводчик «...не может оставить в своем переводе ничего такого, что не было бы совершенно ясным ему самому» [Гадамер, 1988, с. 449].

Профессиональный переводчик также понимает, что текст ИЯ – результат «переговоров» (см. выше), попытка учесть интересы

оригинала и текста ПЯ, права его читателей. Для того чтобы перевод был понятен реципиенту другого лингвокультурного сообщества, переводчик вносит в текст необходимые комментарии, как в следующем примере:

The right's hope is that the government's failures will lead Americans to realize that government is essentially flawed, a wheezing Rube's Goldberg contraption that can't accomplish even the most basic tasks that people entrust it with [Nunberg, 2007, p. 145] (выделено мной. – Е. К.).

Правые надеются, что неудачи правительства заставят американцев убедиться в том, что правительство ущемно, что оно, как хитроумное изобретение Рубена Голдберга, не способно выполнять самые элементарные поручения своих граждан (переведено мной. – Е. К.).*

**Рубен Люциус Голдберг, американский карикатурист, инженер и скульптор. Известен работами, в которых весьма запутанно изображал механизм действия своих бесполезных изобретений (часто для выполнения простых действий).*

Независимо от решения, каким образом лучше перевести текст ИЯ, в сознании переводчика должна предварительно сформироваться когерентная концептуальная структура относительно переводимого сообщения, для чего необходимо знание КС.

Предлагаемая процедура РД соответствует действиям профессионального переводчика институционального дискурса и, как нам представляется, переводчика любого дискурса.

Если следовать классификации В. И. Карасика, тексты с уникальным для носителей культуры ИЯ КС действительно преимущественно принадлежат институциональному дискурсу. Дискурс персональный, существующий в двух разновидностях: бытовом и бытийном [Карасик, 2000, с. 6], представлен или неформальными диалогами разговорного стиля, или монологическими философскими и психологическими текстами и литературно-художественными произведениями [Там же, с. 7]. В проанализированных текстах с уникальным КС нет выраженного персонального начала, где говорящий мог выступить «...как личность во всем богатстве своего внутреннего мира» [Там же, с. 6]. Напротив, автор апеллирует к явлениям социально-культурной жизни, которая объединяет его с читателями того же лингвокультурного сообщества.

С другой стороны, не отрицается возможность РД для понимания персонального дискурса. РД проводится для понимания оригинала, что берется за предпосылку успешного перевода и не ограни-

чивается принадлежностью текста ИЯ к определенному виду дискурса. Главный вопрос на ономаσιологическом этапе – «О чем этот текст?», и если расширение КС помогает на него ответить, переводчик прибегает к РД. Вопрос «Как следует перевести текст ИЯ?» ставится на последующей ономаσιологической стадии. Тогда переводчик может действовать в порядке очередности «(дискурс(текст((система)))»». Представляется, что данный порядок объясняется тем, что при переводе стихотворных произведений, литературно-художественных (среди которых есть тексты персонального дискурса) важно передать не только план содержания, но и план выражения.

Подчеркнем, что понимание оригинала относится к универсальным требованиям, предъявляемым переводчику. Для того чтобы нивелировать КД, возникающий из-за недостатка информации, переводчик восстанавливает соответствующий КС, обращаясь к дискурсу. Процедура РД, таким образом, характеризует работу профессионального переводчика и применяется для осмысления текста ИЯ, который может принадлежать любому виду дискурса.

3.4.3. Итоговая формула реконструкции дискурса: перевод *с*ит конкретизация *с*ит истолкование

Диалектика перевода, необходимость соблюдать противоречивые правила, диктуемые текстами ИЯ и ПЯ, имеет своим следствием еще одну характерную черту любого перевода. Х.-Г. Гадамер отметил эту особенность следующим образом: «всякий перевод, всерьез относящийся к своей задаче, яснее и примитивнее оригинала» [Гадамер, 1988, с. 449]. В силу неизбежной индивидуальности восприятия оригинала, особенно если это литературно-художественный текст, текст перевода будет не в самую последнюю очередь отражать видение текста ИЯ переводчиком. Действительно, «каждый раз, когда переводчик работает над достижением идеала, он, прежде всего, работает над тем, чтобы читатель текста ПЯ принял его прочтение текста ИЯ» [Робинсон, 1991, с. 213] (переведено мной. – *Е. К.*).

Из всего многообразия возможных прочтений подлинника переводчик выбирает один и представляет его в тексте ПЯ, при этом осознавая ограниченность любого из выбранных вариантов перевода. Анализ переводческого дискурса (ПД) переводчиков У. Шекспира, проведенный Е. Ю. Куницыной, показывает, что в такой ситуации переводчик испытывает значительный КД. Переводчик

Шекспира М. Донской, например, отмечает, что «наличие у переводчика субъективной точки зрения неизбежно ведет к обеднению Шекспира, отсутствие же собственной позиции обескряливает перевод, снижая его до уровня беспринципного ремесленного изделия» [Донской, цит. по: [Куницына, 2010, с. 77]] (выделено мной. – Е. К.).

Отсутствие единственно верной версии перевода и невозможность существования у текста ИЯ инвариантного текста ПЯ приводит к сосуществованию различных версий переводов одного произведения, и дело не только в субъективности понимания подлинника. Переводы могут преследовать различные цели. Праву на существование разных видов перевода посвящена значительная часть работы Д. Робинсона с «говорящим» названием *Translator's Turn* (в переводе с латинского *turn* – версия, с греческого – троп) [Robinson, 1991]. Автор выделяет шесть видов перевода, названия которых соотносятся с названиями тропов: метонимия, метафора, синекдоха, ирония, гипербола и металепсис. Если первые три вида перевода ориентированы на нахождение соответствий между текстом ИЯ и ПЯ, ирония, гипербола и металепсис характеризуются отличным от традиционного отношением переводчика к оригиналу. При переводе-иронии происходит сознательное дистанцирование от оригинала, интенция переводчика – подчеркнуть, что его работа всего лишь перевод. Перевод-гипербола – это намеренное изменение оригинала: переводчик что-то добавляет, улучшает, другими словами – преувеличивает (“exaggerate”) то, что предлагает ему оригинал. Металепсис, по признанию самого Д. Робинсона, представляет один из самых противоречивых и неясных тропов [Ibid, p. 181], когда переводчику необходимо одновременно архаизировать свой перевод и модернизировать оригинал, как при переводе Гомера.

Отход от идеосоматики перфекционизма, который навязывается переводчику общественным мнением (оригинал неприкосновенен, переводчик должен передавать его абсолютно точно!), с точки зрения Д. Робинсона, освобождает его от чувства вины, «утверждает во мнении, что достижение прагматического эффекта достаточно, нет необходимости достигать невозможного» [Robinson, 1991, p. 121] (переведено мной. – Е. К.).

Множественность разных переводов, как «классических» так и «неканонических», побуждает исследователей описывать существующую переводческую практику по факту. В отличие от строгой Аристотелевской категории, перевод предлагается рассматривать как категорию прототипическую, где есть эталонные образцы и

примеры переводов, которые могут отличаться от традиционно представляемой переводческой деятельности. Такой подход, с точки зрения Н. Г. Корнауховой, позволяет избежать оценочных суждений типа «это плохой перевод» или «это не перевод» [Корнаухова, 2011, с. 178].

Необходимо признать, что перевод, являясь конкретизацией оригинала переводчиком, предоставлением его *версии* перевода, одновременно является истолковывающим, в чем усматривается герменевтичность перевода.

Покажем на примере, как понимание переводчиком текста ИЯ влияет на конкретизацию исходного сообщения в переводе:

And after the public rejected the militant conservative rhetoric of Newt Gingrich's Contract with America in the early 1990s, Republicans came to the realization that the public was suspicious of confrontational language, a point that the sociologist Alan Wolfe documented in One Nation, After All, a far-reaching survey of middle-class American moral attitudes [Nunberg, 2007, p. 11–12].

После того, как общественность прохладно отнеслась к «Контракту с Америкой» Ньютона Гингрича в начале 90-х, республиканцы осознали, что люди настороженно восприняли жесткий стиль изложения. Этот факт отметил социолог Алан Вольф в книге «Нация в целом», масштабном исследовании нравственных принципов американцев среднего класса (переведено и выделено мной. – Е. К.)*

**документ, опубликованный бывшим спикером палаты представителей во время предвыборной кампании 1994 г. В нем излагался план политических действий и обязательств, которые обещали выполнить республиканцы в случае получения большинства мест в палате Конгресса.*

Восстановление дискурса, релевантного для понимания текста ИЯ, а именно, выяснение основного содержания работы «Контракт с Америкой», позволяет перевести глагол *reject* (отвергать) контекстуальным соответствием *прохладно относиться*. Поскольку этот документ преследует цель заинтересовать и склонить читателей-избирателей на сторону республиканской партии, его пассивное восприятие равносильно отвержению. Далее, смысл целого фрагмента текста ИЯ также определяет перевод словосочетания *confrontational language* (досл. «конфронтационный язык»). Авторы документа не бросают вызов своим читателям, но излагают политическую платформу партии жестким регламентированным языком (ср. *militant rhetoric*). В результате смыслового развития и соблюдения переводчиком стратегии от «целого к части» текст ПЯ уточняет текст ИЯ.

При переводе текстов с уникальным для носителей культуры ИЯ КС истолковывающий характер перевода проявляется со всей очевидностью. Это связано с разницей культурной действительности, описываемой в оригинале и окружающей реципиента текста ПЯ. В такой ситуации переводчик разъясняет смысл оригинального сообщения, вносит комментарии, поправки, добавления. Описательный перевод часто оказывается единственным средством, позволяющим создать такой текст, который сформирует в сознании реципиента текста ПЯ необходимую концептуальную структуру и, соответственно, вызовет необходимый коммуникативный эффект. Парадоксальным образом, стремясь передать смысл текста ИЯ, переводчик изменяет оригинал, для того чтобы первоначальное сообщение дошло даже до адресата, на которого этот текст не был рассчитан. Как говорит У. Эко, «многие тексты определяют своего М-Читателя (М-Читатель – модель возможного читателя. – Е. К.) тем, что требуют для своего понимания определенной *энциклопедической компетенции*» [Эко, 2007а, с. 17–18] (выделение авт. – У. Э.).

Тексты, рассматриваемые в данном исследовании, не предназначены для русскоязычной аудитории. Идеальными читателями (термин У. Эко) этих текстов изначально являются американцы (англичане). В такой ситуации переводчику необходимо эксплицировать смысл определенного текста для получателей текста ПЯ, не знакомых с лингвокультурными особенностями оригинала. Переводчик, являясь фигурой, приближенной к экспертному сообществу (в идеальной ситуации он должен быть ее членом) и обладая определенными знаниями концептов и связей между ними в исходной культуре, сопровождает текст перевода необходимыми комментариями для читателей принимающей культуры, не являющихся членами ЭС.

Приведем пример. Этот фрагмент был взят из текста ИЯ, где обсуждается лицемерное поведение республиканцев. Ниже дается аллюзия на бывшего президента США, Дж. Буша, которого пытаются представить «выходцем из народа», несмотря на его безбедную жизнь:

That's another of the right's bizarre inversions of the American elite, where the journalists are cast as the swells and the Skull-and-Bones Yalie plays a déclassé prole – it's as if Cary Grant and James Stewart had switched roles in the Philadelphia Story [Nunberg, 2007, p. 88] (выделено мной. – Е. К.).

Это очередное извращенное представление американской элиты усилиями республиканцев: журналисты представляются

«шишиками», а выпускник Йельского университета, член влиятельного тайного общества «Череп и кости», играет роль деклассированного пролетария. Все равно что Кэри Грант и Джеймс Стюарт поменялись ролями в комедии «Филадельфийская история»* (переведено мной. – Е. К.).

* В этом фильме актер Кэри Грант играет состоятельного джентльмена, а Джеймс Стюарт – бедного писателя, вынужденного работать журналистом в «желтой прессе», который вначале выдает себя за близкого друга семьи.

Для разъяснения неизвестных русскому реципиенту фрагментов действительности, к которым отсылает текст ИЯ, в переводе были добавлены соответствующие комментарии. В этой связи сложно не согласиться с мнением Д. Робинсона о праве переводчика «вмешиваться» в текст ИЯ: «если бы переводчик не “вмешивался” в отношения между читателем текста ПЯ и текстом ИЯ, читатель текста ПЯ не смог бы его прочесть» [Robinson, 1991, p. 170] (переведено мной. – Е. К.).

Приведем еще один пример из той же книги:

In fact, not even a majority of Democrats see their party as religion-friendly anymore. That’s a remarkable drop over a single year, and it testifies to the efficacy of the right’s stepped-up attacks on “militant secularists” over issue like the Alabama Ten Commandments monument, gay marriage, Intelligent Design, and the “war on Christmas” [Nunberg, 2007, p. 161] (выделено мной. – Е. К.).

На самом деле, даже в демократической партии большинства не наберется, кто считает, что их партия, как прежде, поддерживает религию. Такой резкий спад за последний год свидетельствует в пользу эффективности нападок правых на «воинствующих безбожников» по таким вопросам, как перенос памятника десяти заповедей из здания Верхового суда шт. Алабамы, однополые браки, креационизм и «война с Рождеством»* (переведено мной. – Е. К.).

* Имеется в виду борьба с использованием неполиткорректного традиционного поздравления «Счастливого Рождества!». Дело в том, что в конце декабря, помимо христианского Рождества, также отмечается еврейская Ханука и африканская Кванза.

В предложенном переводе одно из пояснений, расширяющее КС, сделано в тексте ПЯ, другое, более подробное, – в виде сноски.

Следует, однако, отметить, что переводчик не всегда должен снабжать перевод разъясняющими комментариями. Во внимание должен приниматься замысел автора текста оригинала. Некоторые

тексты, особенно художественные и детективного жанра, требуют постепенного развертывания и кооперативной реконструкции со стороны читателя, его активного соучастия в выстраивании сюжетной линии. В целом художественного текста переводческие комментарии могут оказаться преждевременными, текст сам может далее опровергать, подтверждать читательские догадки или пояснять определенные высказывания.

Например, в романе американского писателя Э. Канина вводятся многочисленные имена политиков, пояснять которые нет необходимости, поскольку далее в тексте читатель сам узнает, что это основные претенденты на пост президента после окончания первого срока Ричарда Никсона. Роман начинается с описания похорон сенатора Генри Бонвиллера, фигуры достаточно влиятельной, поскольку в свое время он был одним из главных претендентов на президентский пост. После его смерти газеты публикуют некрологи, где, судя по тексту, умалчивается определенная информация, связанная с покойным:

...There seemed to have been agreements about other things, as well. The New York Times gave the news an above-the-fold headline on page one and a three-column jump in the obituaries, but the story only included a single paragraph on Anodyne Energy and not much more on Silverton Orchards. The Boston Globe ran an editorial from the right-hand front column, under “The Country Mourns”, and ended with “this is the close of a more beneficent era.” But it didn’t do much more with either bit of history [Canin, 2008, p. 6–7] (выделено мной. – Е. К.).

Казалось, была некая договоренность и по другим вопросам. В «Нью-Йорк Таймз» новости была посвящена первая страница с заголовком в верхней половине листа и три колонки в некрологе, но в статье был лишь один параграф об Энодайн Энерджи и примерно столько же о Силвертон Орчардс. В «Бостон Глоуб» тема открывала передовицу под заголовком «Потери страны» и завершилась словами «так закончилась более милосердная эра». Обе истории также замалчивались (здесь и далее пример переведен мной. – Е. К.).

Далее по тексту ИЯ также делаются намеки на секретность событий, связанных с этими названиями:

Now, of course, the Senator is known for what happened later; but this was early on, well before Anodyne Energy or anything else... (Сейчас, конечно, сенатор известен тем, что произошло позднее; но это было гораздо раньше, задолго до Энодайн Энерджи и прочих дел) [Ibid, p. 77] и т. д.

На рассмотренном примере видно, что переводчик, исходя из целого произведения, делает вывод, что в конкретном случае экспликация концептов, порождаемых определенными именами собственными, не нужна. Текст ИЯ указывает на необходимость сохранения интриги. Впоследствии средств текста оригинала оказывается достаточно для того, чтобы у русского читателя сложилась приблизительная концептуальная структура, описывающая события, произошедшие с главным героем произведения²¹. Как отмечает У. Эко, «перевод не должен говорить больше, чем оригинал, т. е. он обязан соблюдать умолчания текста-источника» [Эко, 2006b, с. 394]. Уточним это высказывание: перевод обязан соблюдать намеренные умолчания текста-источника, но должен содержать комментарии в случае, если их отсутствие не формирует у реципиента текста ПЯ необходимой концептуальной структуры и соответствующего коммуникативного эффекта, производимого оригиналом.

Подведем итог. Перевод имеет своим следствием конкретизацию оригинала. Это связано с необходимостью онтологизации наиболее релевантных, с точки зрения переводчика, единиц смысла средствами ПЯ, не идентичными языковым средствам ИЯ. Перевод на другой язык и культуру также влечет определенное вмешательство переводчика в оригинал в виде дополнительных комментариев, сносок и пр. Вместе с тем, переводчик должен уважительно относиться к умолчаниям оригинала, намеренно предусмотренных автором. Сужение возможных смыслов оригинала имеет своим следствием истолковывающий характер перевода.

Выводы

1. Термин «реконструкция дискурса» имеет право на самостоятельное существование, поскольку отличен от используемого в переводоведении термина «предпереводческий анализ текста» по хронологии, действию и цели. РД совершается во время перевода при набрасывании кругов интерпретации на линейный вектор текста ИЯ с целью выяснения смысла фрагментов оригинала.

²¹ В этом состоит преимущество «неклассического» или «синхронного» подхода к переводу, при котором текст ИЯ переводится по мере его прочтения [Гарбовский, 2011]. Переводчик ставится на место читателя, а не над ним и также как читатель постепенно узнает то, о чем повествует автор текста ИЯ.

2. Процедура РД важна для всех видов переводческой компетенции: коммуникативной, текстообразующей и технической. Необходимость РД также продиктована спецификой текстов с уникальным КС. В отличие от текстов стиля художественной речи, перевод которых может быть вольным в одну эпоху и точным – в другую, стратегию перевода текстов с уникальным КС характеризует нахождение «золотой середины» независимо от времени культуры.

3. Особенности коммуникации как сложного процесса, сопряженного с поэтапными смысловыми потерями, требующего совместных усилий адресанта и адресата для нахождения взаимопонимания, подтверждают необходимость проведения РД. Мысль, не передаваемая непосредственным образом в тексте ИЯ, формируется в сознании адресата сообщения. Успешность ее представления в тексте ПЯ напрямую зависит от знания переводчиком уникального КС.

4. В ходе РД прослеживаются связи единичных элементов текста ИЯ с теми дискурсивными формациями, которым они принадлежат. Это позволяет говорить о том, что РД является разновидностью археологического поиска знаний.

5. При переводе текстов с уникальным КС задача переводчика заключается в искусстве слияния горизонтов текста ИЯ и горизонта получателя текста ПЯ. Результатом преодоления партикулярности двух горизонтов становится текст ПЯ с присутствующими в нем пояснениями и переводческими комментариями, созданный специально для представителей другого лингвокультурного сообщества. Другими словами, двунаходимость переводчика одновременно в двух культурах помогает эстетически закончить высказывание ИЯ для ПЯ, так как при этом подводится фон КС.

6. РД предшествует предпониманию текста ИЯ. Сама процедура сопровождается движением по герменевтическому кругу.

7. Текст ИЯ – это знак/репрезентатив при достаточно размытом объекте – уникальной для реципиента ПЯ культурной ситуации. Переводчик пытается приблизиться к пониманию объекта посредством рассмотрения цепочки интерпретант, стремясь к нахождению конечной интерпретанты.

8. Основная методика РД – вопрошание текста ИЯ и набрасывание смысла. Вопросы формулируются относительно тех элементов текста ИЯ, которые отсылают к уникальному КС. Постановка уточняющих вопросов, сопровождаемая набрасыванием кругов интерпретации, позволяет осмыслить оригинал. В общем виде вопросы Как?/Что?, Кто? и Когда? позволяют переводчику выяснить ре-

релевантный контекст событий, личности и времени, что соотносимо со схемой РД.

9. Процедура набрасывания смысла соизмерима с перебором интерпретант.

10. РД минимизирует смысловые потери, связанные с объективной составляющей особенностей восприятия – знаний социокультурной действительности носителей ИЯ.

11. РД важна не только на этапе осмысления текста ИЯ, но и на этапе овнешнения смысла оригинала средствами ПЯ, поскольку знание релевантного КС делает переводчика более свободным в выборе варианта перевода.

12. Переводчик, выполняя роль посредника в «переговорах» между текстом ИЯ и ПЯ, вынужден искать компромиссы, и в результате неизбежных потерь испытывает чувство КД. РД выравнивает КД, возникающий у переводчика в связи с недостаточными знаниями КС. РД характеризует профессиональную деятельность переводчика при работе с текстами, принадлежащими любому виду дискурса.

13. Выбор, который делает переводчик в пользу того или иного прочтения подлинника, тех или иных средств выражения мыслей оригинала, делает перевод конкретизирующим, а значит – истолковывающим.

14. Адекватность переводов текстов с уникальным КС, как правило, достигается благодаря описательному переводу, переводческим комментариям, приему компенсации, смыслового развития и стратегии доместикации. Однако вмешательство переводчика в интерпретацию должно ограничиваться, если в тексте ИЯ присутствуют намеренные умолчания.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Одна из наиболее актуальных исследовательских задач в переводоведении заключается в обнаружении и описании процедур, которые способствуют решению переводческих трудностей, возникающих в рабочей ситуации. Часто сложности перевода связаны с незнанием фрагмента действительности, к которому отсылает оригинал. Вполне естественно, что тексты, порожденные в иноязычной среде, могут содержать культурно-специфичную информацию, неизвестную не только среднестатистическому представителю русской культуры, но и самому переводчику. Для создания адекватного перевода в таких случаях переводчик обязан реконструировать уникальный для исходной культуры контекст ситуации.

Основная цель монографии состояла во всестороннем изучении такой процедуры, получившей название «реконструкции дискурса» (РД). Этот термин указывает на нелинейный, археологический характер работы переводчика. С того момента, как начинается интерпретация оригинала, линейное движение по вектору текста прекращается, так как для понимания текста другой культуры переводчик «встраивает» фрагменты текста ИЯ, отсылающие к уникальной ситуации, в тот контекст, в рамках которого исходное сообщение приобретает смысл. На когнитивном уровне РД сопровождается формированием связной, когерентной концептуальной структуры относительно текста ИЯ. Ее элементы характеризуются отношениями двусторонней импликации, т. е. понимание дискурса определяется пониманием составляющих его пропозиций и концептов, а понимание концептов и пропозиций определяется дискурсом.

Исследование показало, что РД основывается на лингвофилософских и лингвокогнитивных предпосылках, которые определяют ее самостоятельную роль в теории перевода, включая наличие терминологической подсистемы:

- РД является разновидностью археологического поиска знаний;
- РД позволяет переводчику добиться слияния горизонтов текста ИЯ и горизонта получателя текста ПЯ, эстетически закончить высказывание ИЯ для ПЯ при подведении фона контекста ситуации;
- РД инициируется вопрошанием текста ИЯ и проходит по правилам герменевтического круга;

– в ходе РД текст ИЯ выступает знаком при неясном объекте, понимание которого происходит за счет перебора интерпретант/набрасывания смысловых кругов.

РД – это лингвистический процесс восстановления контекста ситуации, сопровождающийся движением по герменевтическому кругу, результатом чего является дискурс, образующий адекватный контекст интерпретации текста ИЯ. При РД важен контекст определенных событий, его главных участников и хронотопа: РД = ((((Текст ИЯ) контекст ситуации события) контекст ситуации участников) контекст ситуации времени, места).

В целом, работа переводчика характеризуется аллегорией «переговоры между текстом ИЯ и текстом ПЯ». Текст перевода является результатом компромиссного решения «переговоров» и в результате неизбежных смысловых потерь переводчик испытывает чувство когнитивного диссонанса. В этой связи, РД правомерно рассматривать как способ нивелирования последнего, связанного с недостатком информации, релевантной для понимания оригинала.

Процесс перевода также характеризуется герменевтичностью: выбор, который делает переводчик в пользу того или иного прочтения подлинника, средств выражения мыслей оригинала, делает перевод конкретизирующим, а значит истолковывающим.

Тема реконструкции дискурса в целях перевода имеет перспективу дальнейшего развития, так как может быть использована в рамках активно развивающейся когнитивной теории перевода. Возможно дальнейшее исследование по нахождению взаимосвязи между степенью переводимости текста (на основе типологии текстов А. Нойберта и др.) и уникальностью контекста ситуации текста ИЯ. Результаты работы также намечают перспективы углубленного изучения РД на ономаσιологической стадии перевода.

Главное назначение реконструкции дискурса, тем не менее, представляется в непосредственно практическом применении описанной процедуры для улучшения качества переводов текстов с уникальным для исходной культуры контекстом ситуации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеева И. С. Профессиональный тренинг переводчика. СПб. : Союз, 2003. 288 с.
- Алексеева И. С. Текст и перевод. Вопросы теории. М. : Междунар. отношения, 2008. 184 с.
- Алексеева Л. М. Перевод как рефлексия деятельности // Вестн. Перм. гос. ун-та. 2010. Вып. 1 (7). С. 45–51.
- Алефиренко Н. Ф. Спорные проблемы семантики. М. : Гнозис, 2005. 326 с.
- Алимурадов О. А. Смысл. Концепт. Интенциональность. Пятигорск : Пятигорский гос. лингв. ун-т, 2003. 312 с.
- Арутюнова Н. Д. Дейксис // Лингвистический энциклопедический словарь. 2-е изд. М. : Большая рос. энцикл., 2002. С. 128.
- Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1989. 616 с.
- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М. : Искусство, 1986. 445 с.
- Берди М. Успех и успешность. Русская классика в переводах Р. Пивера и Л. Волохонской // Мосты. 2006. № 1. С. 18–31.
- Бодрова-Гоженмос Т. И. Концепция М. М. Бахтина и интерпретативная теория перевода // Вестн. ВГУ. Сер. Лингвистика межкультурная коммуникация. 2002. № 1. С. 72–79.
- Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. 2-е изд. М. : Эдиториал-УРСС, 2001. 208 с.
- Брандес М. П. Предпереводческий анализ текста. 3-е изд. М. : НВИ-ТЕЗАУРУС, 2001. 224 с.
- Бузаджи Д. М. Векторы смысла // Мосты. 2008. № 3. С. 43–59.
- Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа. 3-е изд. М. : КД Либроком, 2009. 229 с.
- Васильева Н. В. Краткий словарь лингвистических терминов. М. : Русский язык, 1995. 176 с.
- Винокур Г. О. Введение в изучение филологических наук. М. : Лабиринт, 2000. 189 с.
- Витгенштейн Л. Логико-Философский трактат [Электронный ресурс]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000272/st000.shtml> (дата обращения: 18.10.2017).
- Витгенштейн Л. Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Лингвистическая прагматика. Вып. XVI. М. : Прогресс, 1985. С. 79–128.
- Воскобойник Г. Д. Лингвофилософские основания общей когнитивной теории перевода : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2004а. 40 с.

Воскобойник Г. Д. Тождество и когнитивный диссонанс в переводческой теории и практике // Вестн. МГЛУ. Сер. Лингвистика. 2004b. Вып. 499. 181 с.

Воскобойник Г. Д., Ефимова Н. Н. Общая когнитивная теория перевода. Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2007. 252 с.

Выготский Л. С. Мышление и речь. М. : Лабиринт, 1999. 352 с.

Гавриленко Н. Н. Теория и методика обучения переводу в сфере профессиональной коммуникации. М. : Науч.-техн. о-во им. акад. С. И. Вавилова, 2009. 178 с.

Гавриленко Н. Н. Понять, чтобы перевести (перевод в сфере профессиональной коммуникации). М. : Науч.-техн. о-во им. акад. С. И. Вавилова, 2010. 206 с.

Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики. М. : Прогресс, 1988. 704 с.

Гадамер Х.-Г. О круге понимания [Электронный ресурс] // Актуальность прекрасного. М. : Искусство, 1991. С. 72–91. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000036/index.shtml> (дата обращения: 22.10.2017).

Гальперин И. Р. Очерки по стилистике английского языка. М. : Изд-во лит. на иностр. яз, 1958. 459 с.

Гальперин И. Р. Информативность единиц языка. М. : Высш. шк., 1974. 175 с.

Гарбовский Н. К. Теория перевода. М. : Изд-во Моск. ун-та, 2004. 544 с.

Гарбовский Н. К. Новый перевод: свобода и необходимость // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22, Теория перевода. 2011. Вып. 1. С. 3–16.

Гаспаров Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М. : Новое лит. обозрение, 1996. 352 с.

Гаспаров М. Л. Брюсов и буквализм [Электронный ресурс] // Поэтика перевода. М., 1988. С. 29–62. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/gasparov-88.htm> (дата обращения: 05.11.2016).

Гаспаров М. Л. Записки и выписки. М. : Нов. лит. обозрение, 2001. 416 с.

Гегель Г. В. Ф. Философия духа. Т. 3. М. : Мысль, 1977. 471 с.

Гёте И. В. Фауст. М. : Гос. изд-во худож. лит., 1960. 322 с.

Гивон Т. Система обработки визуальной информации как ступень в эволюции человеческого языка // Вестн. МГУ. Сер. 9, Филология. 2004. № 3. С. 117–171.

Гоголь Н. В. Об «Одиссее», переводимой Жуковским. // Перевод – средство взаимного сближения народов. М. : Прогресс, 1987. С. 44–46.

Горшкова В. Е. Перевод в кино. Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2006. 278 с.

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1984. 397 с.

Даниленко В. П. Ономаσιологическое направление в истории грамматики // Вопр. языкознания. 1988. № 3. С. 108–131.

Даниленко В. П. История русского языкознания : курс лекций. Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2003а. 300 с.

Даниленко В. П. Общее языкознание : курс лекций. Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2003б. 240 с.

Даниленко В. П. История языкознания : крат. курс лекций. Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2005. 65 с.

Даниленко В. П. Ономаσιологическое направление в грамматике. М. : URRS, 2007. 344 с.

Дашинимаева П. П. Теория значимости как основа психонейролингвистической концепции непереводаемости : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Иркутск, 2010а. 46 с.

Дашинимаева П. П. Теория значимости как основа психонейролингвистической концепции непереводаемости. Улан-Удэ, 2010б. 377 с.

Дейк Т. А. ван Язык. Познание. Коммуникация. М. : Прогресс, 1989. 312 с.

Декарт Р. Собрание сочинений. Т. 1. М. : Мысль, 1989. 654 с.

Деррида Ж. О грамматологии. М. : Ad Marginem, 2000. 512 с.

Ермолович Д. И. В. Н. Комиссаров и современное переводоведение [Электронный ресурс]. М. : Р. Валент, 2010. URL: <http://yermolovich.ru/index/0-82> (дата обращения: 15.09.2017).

Жинкин Н. И. Язык. Речь. Творчество. М. : Лабиринт, 1998. 366 с.

Жолковский А. К. Предисловие // Машинный перевод и прикладная лингвистика. Вып. 8. 1964. С. 3–16.

Звегинцев В. А. Предложение и его отношение к языку и речи. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1976. 176 с.

Каплуненко А. М. О технологической сущности манипуляции сознанием и ее лингвистических признаках // Аргументация vs. Манипуляция. Сер. Коммуникативистика и коммуникациология. 2007. № 5. С. 3–12.

Каплуненко А. М. «Передача смысла» как научная мифологема современного переводоведения // Вестн. БГУ. Спецвыпуск. 2012. С. 194–198.

Карасик В. И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс : сб. науч. тр. / под ред. В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина. Волгоград : Перемена, 2000. С. 5–20.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1987.

Катфорд Дж. К. Лингвистическая теория перевода: Об одном аспекте прикладной лингвистики. 2-е изд. М. : URSS, 2009. 208 с.

Кашкин И. А. Для читателя-современника. Статьи и исследования [Электронный ресурс]. М. : Сов. писатель, 1968. URL: <http://www.modernlib.ru/>

books/kashkin_ivan/dlya_chitateliasovremennika_stati_i_issledovaniya/read (дата обращения: 05.02.2018).

Князева Е. Н., Курдюмов С. П. Основания синергетики: Режимы с обострением, самоорганизация, темпомиры. СПб. : Алетейя, 2002. 414 с.

Кобозева И. М. Две ипостаси содержания речи: значение и смысл // Язык о языке. М. : Языки русской культуры, 2000. С. 303–359.

Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. 4-е изд. М. : URSS, 2009.

Колмогорова А. В. Языковое значение и речевой смысл: Опыт функционально-семиологического исследования прилагательных-обозначений светлого и темного в современных русском и французском языках. Новокузнецк, 2006. 380 с.

Комиссаров В. Н. Проблемы лингвистического анализа перевода : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1975. 51 с.

Комиссаров В. Н. Практикум по переводу с английского языка на русский. М. : Высш. шк., 1990. 127 с.

Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. М. : ЭТС, 2002. 424 с.

Комлев Н. Г. Компоненты содержательной структуры слова. 2-е изд. М. : Эдиториал УРСС, 2003. 192 с.

Кон И.С. Социология личности. М. : ИПЛ, 1967.

Корнаухова Н. Г. Перевод vs. версия: виды манипуляции в художественном переводе // Вестн. ИГЛУ. 2011. № 2. С. 176–183.

Кравченко А. В. Когнитивный горизонт языкознания. Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2008. 320 с.

Красных В. В. Основы психолингвистики теории коммуникации: курс лекций. М. : Гнозис, 2001. 270 с.

Красных В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций. М. : Гнозис, 2002. 284 с.

Кристева Ю. Избранные труды. Разрушение поэтики. М. : Рос. полит. энцикл., 2004. 656 с.

Крюков А. Н. Методологические основы интерпретативной концепции перевода : дис. ... д-ра филол. наук. М., 1998. 442 с.

Куайн У. В. О. Слово и объект. М. : Логос, Праксис, 2000. 386 с.

Кубрякова Е. С. Инференция // Краткий словарь когнитивных терминов. М. : МГУ, 1996. С. 33–35.

Кубрякова Е. С. О тексте и критериях его определения [Электронный ресурс] // Текст. Структура и семантика. 2001. С. 72–81. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/kubryakova-01.htm> (дата обращения: 26.04.2018).

Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Языки славян. культуры, 2004. 560 с.

Куницына Е. Ю. Шекспир – Игра – Перевод. Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2009. 348 с.

Куницына Е. Ю. Лингвистические основы людической теории художественного перевода : дис. ... д-ра филол. наук. Иркутск, 2010. 474 с.

Куницына Е. Ю. Лингвистические основы людической теории художественного перевода : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Иркутск, 2011. 35 с.

Кухаренко В. А. Практикум по интерпретации текста. М. : Просвещение, 1987. 176 с.

Кушникова Л. В. Взаимодействие языков и культур в переводческом пространстве: гештальт-синергетический подход : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск, 2004. 32 с.

Ладыгин Ю. А. Актуализация личности смыслов автора в системе коннотативных значений французского прозаического художественного текста : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Иркутск, 2000. 41 с.

Латышев Л. К., Семенов А. Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания. М. : Академия, 2003. 192 с.

Леонтович О. А. Проблема ретрансляции и адаптации культурных смыслов // Вестн. МГУ. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. № 2. С. 18–24.

Литвиненко Т. Е. Интертекст в аспектах лингвистики и общей теории текста. Иркутск : ИГЛУ, 2008. 308 с.

Литвинова М. Д. Комментарии переводчика // Россия в произведениях англоязычных авторов конца XIX – начала XX в.: Работы участников семинара по худож. пер. под рук. М. Д. Литвиновой, В. К. Ланчикова. М. : ИПК МГЛУ «Рема», 2012. С. 16–23.

Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.twirpx.com/file/317537/> (дата обращения: 20.08.2016).

Лосев А. Ф. Философия имени. М. : Акад. Проект, 2009. 300 с.

Лотман Ю. М. Культура и взрыв [Электронный ресурс] // Семиосфера. СПб., 2000. URL: http://kafedra.inpsy.com/res_ru/0_hfile_1844_1.doc (дата обращения: 12.05.2018).

Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб. : Искусство-СПб., 2005. 704 с.

Лурия А. Р. Язык и сознание. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1979.

Малинович М. В. Концепты. Категории: языковая реальность. Иркутск : Изд-во ИГЛУ, 2011. 382 с.

Малиновский Б. Магия, наука и религия. М. : Рефл-бук, 1998. 304 с.

Малиновский Б. Избранное: Аргонавты западной части Тихого океана. М. : Рос. полит. Энцикл. (РОССПЭН), 2004. 552 с.

Мамардашвили М. К. Беседы о мышлении [Электронный ресурс] : курс лекций. URL: <http://www.psychology.ru/library/00055.shtml> (дата обращения: 19.09.2016).

Маркс К., Энгельс Ф. Избранные сочинения. Т. 1 [Электронный ресурс]. М. : Политиздат, 1985 . URL: <http://www.twirpx.com/file/178954> (дата обращения: 18.11.2017).

Марчук Ю. Н. Проблемы машинного перевода. М. : Наука, 1983. 232 с.

Масленникова А. А. Лингвистическая интерпретация скрытых смыслов. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. 264 с.

Мельников Г. П. Системология и языковые аспекты кибернетики. М. : Сов. радио, 1978. 297 с.

Мельчук И. А. Опыт лингвистических моделей «Смысл \Leftrightarrow Текст». М. : Школа «Языки русской культуры», 1999. 346 с.

Минченков А. Г. Когниция и эвристика в процессе переводческой деятельности. СПб. : Антология, 2007. 256 с.

Минченков А. Г. Когнитивно-эвристическая модель перевода (на материале английского языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2008. ??? с.

Миньяр-Белоручев Р. К. Как стать переводчиком? М. : Готика, 1999. 176 с.

Мирам Г. Э. Переводные картинки. Профессия: переводчик. Киев: Ника-Центр, 2001. 336 с.

Моррис Ч. У. Основания теории знаков [Электронный ресурс] // Семиотика. М. : Радуга, 1982. URL: <mhtml:file://E:\WINDOWS\Temp\bat\3BA600CB.mht> (дата обращения: 19.10.2017).

Мунен Ж. Теоретические проблемы перевода. Перевод как языковой контакт // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М. : Прогресс, 1978. С. 36–41.

Нестерова Н. М. *Sensum de sensu*: смысл как объект перевода // Вестн. МГУ. Сер. 22, Теория перевода. 2009. № 4. С. 83–93.

Никитин М. В. Курс лингвистической семантики. СПб. : Науч. центр проблем диалога, 1996. 756 с.

Новиков А. И. Смысл: семь дихотомических признаков // Теория и практика речевых исследований. М., 1999. С. 132–144.

Новиков А. И. Смысл как особый способ членения мира в сознании // Языковое сознание и образ мира. М. : Ин-т языкознания РАН, 2000. С. 33–38.

Новикова В. Ю. Интерпретация терминов «смысл» и «значение» на фоне проблемы понимания абсурдного текста [Электронный ресурс]. URL: <http://fege.narod.ru/librarium/novikova2.htm> (дата обращения: 02.07.2018).

Павилёнис Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М. : Мысль, 1983. 286 с.

Падучева Е. В. Феномен Анны Вежбицкой // Язык. Культура. Познание. М. : Рус. словари, 1996. С. 5–32.

Палажченко П. Р. Несистематический словарь трудностей, тонкостей и премудростей английского языка в сопоставлении с русским. М. : Валент, 1999. 240 с.

Пастернак Б. Л. Русская поэзия [Электронный ресурс]. URL: <https://rurоem.ru/pasternak/all.aspx>. (дата обращения: 21.03.2018).

Петрова Н. В. Эволюция понятия «Прецедентный текст» // Вестн. ИГЛУ. 2010. Вып. 2. С. 176–182.

Плотникова С. Н. Языковое, дискурсивное и коммуникативное пространство // Вестн. ИГЛУ. 2008. Вып. 1. С. 131–136.

Потебня А. А. Из лекций по теории словесности // Теоретическая поэтика. М. : Высш. шк., 1990. С. 55–132.

Потебня А. А. Мысль и язык. М. : Лабиринт, 1999. 300 с.

Прохоров Ю. Е. В поисках концепта. М. : Флинта : Наука, 2008. 176 с.

Прошина З. Г. Теория перевода (с английского языка на русский и с русского языка на английский). 3-е изд. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. 278 с.

Псурцев Д. В. Насколько «прозрачным» может быть «прозрачный» переводчик? // Вестн. МГЛУ. 2012. Вып. 9 (642). Языкознание. С. 187–196.

Рассел Б. Исследование значения и истины. М. : Идея-Пресс, Дом интеллектуал. кн., 1999. 399 с.

Ревзин И. И., Розенцвейг В. Ю. Основы общего и машинного перевода. М. : Высшая школа, 1964. 243 с.

Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М. : Междунар. отношения, 1974. 216 с.

Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М. : Акад. проект, 2008. 695 с.

Сдобников В. В. Мир за текстом // Вестн. НГЛУ. 2008. Вып. 2. С. 72–83.

Слепович В. С. Курс перевода (английский ↔ русский). Translation Course (English ↔ Russian). 4-е изд. Минск : ТетраСистемс, 2004. 320 с.

Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты прецедентных текстов : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 1999. 18 с.

Тарасова И. П. Смысл предложения-высказывания и коммуникация : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1992. 44 с.

Уайтхед А. Н. Избранные работы по философии. М. : Прогресс, 1990. 720 с.

Федоров А. В. Основы общей теории перевода. М. : Высш. шк., 1983. 303 с.

Фреге Ф. Г. Смысл и значение [Электронный ресурс]. 2004. URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/frege_cmisl/ (дата обращения: 05.02.2016).

Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.

Хайдеггер М. Бытие и время. М. : ad Marginem, 1997. 452 с.

- Хайруллин В. И. Лингвокультурологические и когнитивные аспекты перевода : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1995. 46 с.
- Хайруллин В. И. Перевод и фреймы. М. : URRS, 2009. 144 с.
- Цвиллинг М. Я. О переводе и переводчиках. М. : Вост. кн., 2009. 288 с.
- Чернявская В. Е. Интерпретация научного текста. М. : Либроком, 2010. 128 с.
- Черняховская Л. А. Информационный инвариант смысла текста и вариативность его языкового выражения : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1983. 34 с.
- Чужакин А. П., Палажченко П. Р. Мир перевода или Вечный поиск взаимопонимания. М. : Валент, 1999. 159 с.
- Шахова Н. Г. Что могут программы машинного перевода? // Мосты. 2004. № 4. С. 53–57.
- Швейцер А. Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. М. : Наука, 1988. 215 с.
- Шлейермахер Ф. Академические речи 1829 года. М. : Науч. изд-во, 1987. 218 с.
- Шмелева Т. В. Семантический синтаксис: курс лекций «Современный русский язык». Красноярск : Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1994. 48 с.
- Шухардт Г. Вещи и слова // Избранные статьи по языкознанию. М. : Иностран. лит., 1950. 296 с.
- Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб. : Симпозиум, 2006а. 544 с.
- Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. СПб. : Симпозиум, 2006b. 574 с.
- Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб. : Симпозиум, 2007а. 502 с.
- Эко У. Шесть прогулок в литературных лесах. СПб. : Симпозиум, 2007b. 285 с.
- Bell R. T. Translation and Translating: Theory and Practice. London; New York : Longman, 1991. 279 p.
- Bellos D. Is That a Fish in Your Ear? London : Penguin books, 2012. 390 p.
- Eco U. The Limits of Interpretation. Bloomington : Indiana University Press, 1990. 295 p.
- Eco U. Mouse or Rat? Translation as Negotiation. London : Phoenix Press, 2004. 208 p.
- Fauconnier G., Sweetser E. Spaces, Worlds, and Grammar. Chicago : University of Chicago Press, 1996. 355 p.
- Gardner H. The Business of Criticism. Oxford : The Clarendon Press, 1959. 157 p.

Halliday M. A. K., Hasan R. *Language, Context, and Text: Aspects of Language in a Social-Semiotic Perspective*. Oxford : Oxford University Press, 1991. 126 p.

Kenny D. *Equivalence* // *Routledge Encyclopedia of Translation Studies*. 2nd ed. Abingdon : Taylor and Francis Books, 2009. P. 96–99.

Koller W. *Equivalence in Translation Theory* // *Readings in Translation Theory*. Helsinki : Finn Lectura, 1989. P. 99–104.

Lakoff G., Johnson M. *Philosophy in the Flesh. The Embodied Mind and its Challenge to Western Thought*, M. Johnson. N. Y. : Basic Books, 1999. 624 p.

Langaker R. W. *View of Linguistic Semantics* // *Topics in Cognitive Linguistics*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins Publishing Co., 1988. P. 49–90.

Malinowski B. *Coral Gardens and Their Magic* [Electronic resource]. URL: http://www.archive.org/stream/coralgardensandt031834mbp/coralgardensandt031834mbp_djvu.txt. (date of access: 11.25.2016).

Mounin G. *Les Belles infidèles. Essai sur la traduction*. Lille : Presses universitaires de Lille, 1955. 109 p.

Nida E. A., Taber C.R. *The Theory and Practice of Translation*. 2-nd ed. Leiden : Brill, 1982. 218 p.

Peirce C. S. *Philosophical Writings of Peirce*. N. Y. : Dover Publications, 1955.

Reddy M. J. *The Conduit Metaphor – A Case of Frame Conflict in Our Language about Language* // *Metaphor and Thought*. Cambridge: Cambridge University Press, 1979. P. 284–324.

Robinson D. *The Translator's Turn*. London : The Johns Hopkins University Press, 1991. 318 p.

Robinson D. *Becoming a Translator. An Accelerated Course*. London : Routledge, 1997. 257 p.

Savory T. H. *The Art of Translation*. London : Cape, 1968. 191 p.

Seleskovitch D. *L'Interprete dans les Conférences Internationales, Problemes de Langage et de Communication*. Paris : Minard Lettres Modernes, 1968. 311 s.

Seleskovitch D. *Interpréter pour Traduire*. Paris : Didier Erudition, 1984. 264 p.

Seleskovitch D. *Pédagogie Raisonnée de L'interprétation*. Paris : Didier Erudition, 1989. 281 p.

Seleskovitch D., Lederer M. *A Systematic Approach to Teaching Interpretation*. Paris: The Registry of Interpreters for the Deaf, 1995. 238 p.

Snell-Hornby M. *Translation Studies: An Integrated Approach*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1995. 170 p.

Venuti L. *Strategies* // *Routledge encyclopetia of translation studies*. London : Taylor and Francis Books Ltd., 2009. P. 284–285.

Wolf N. The Beauty Myth: How Images of Beauty Are Used Against Women. N. Y. : Harper Collins Books, 2002. 368 p.

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ СЛОВАРИ И ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АРФСК – Англо-русский фразеологический словарь Кунина / под лит. ред. М. Д. Литвиновой. М. : Русский язык, 1984. 944 с.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. СПб. : Норинт, 1998. 1536 с.

БЭС – Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. М.: Большая Российская энциклопедия, 1997. 1456 с.

МЭСБЕ – Малый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. В 4 т. Т. 4. / репринт. воспроизведение изд. Брокгауза-Ефрона. с ил. М. : ТЕРРА, 1997. 624 с.

Томахин Г. Д. США. Лингвострановедческий словарь. 3-е изд. М. : Русский язык, 2001. 576 с.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. 4-е изд., доп. М. : Азбуковник, 1999. 944 с.

АВВУУ Lingvo 11. Английская версия. М., 2005. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

ANDEL – The American Heritage Dictionary of the English Language / W. Morris. Boston : Houghton Mifflin Company, 1978. 1550 p.

LDELС – Longman Dictionary of English Language and Culture. Harlow : Longman, 1998. 1568 p.

Multilex 2.0. Английская версия. М., 1997. 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Multitran on-line. Английская версия [Electronic resource]. URL: <http://www.multitran.ru>

ИСТОЧНИКИ ПРИМЕРОВ

Гилберт Э. Есть, молиться, любить. М. : РИПОЛ классик, 2012. 368 с.
Gilbert E. Eat, Pray, Love. N. Y. : Penguin books, 2006.

Кэрролл Л. Алиса в Стране Чудес [Электронный ресурс]. М. : Лабиринт, 2012. URL: <http://shaltay0boltay.livejournal.com/625618.html> (дата обращения: 10.25.2017).

Carroll L. The Annotated Alice: Alice's Adventures in Wonderland and Through the Looking-Glass; with an introd. and notes by M. Gardner. N. Y. : New American Library, 1963. 345 p.

Филдинг Х. Дневник Бриджит Джонс [Электронный ресурс] / пер. с англ. Г. Багдасарян. URL: http://lib.ru/INPROZ/FILDING_H/bridgite_diary.txt (дата обращения: 12.15.2017).

Филдинг Х. Дневник Бриджит Джонс [Электронный ресурс]. URL: http://www.modernlib.ru/books/filding_helen/dnevnik_bridzhit_dzhons/read (дата обращения: 12.16.2017).

Fielding H. Bridget Jones's Diary. London : Picador, 2001. 312 p.

Церковер Э. Нос, кое-что еще и многое другое. Лингвистический эксперимент // Неделя. 1976. № 1.

Шекспир В. Ромео и Джульетта / пер. с англ. Т. Л. Щепкиной-Куперник. М. : Искусство, 1958. 35 с.

Shakespeare W. Romeo and Juliet. London : Penguin books, 1994.

Шекспир В. Трагедии / пер. с англ. Б. Л. Пастернака. СПб. : Азбука-Классика, 2001. 864 p.

Canin E. America America. N.Y. : Bloomsbury, 2008. 458 p.

McEwan I. Mother Tongue [Electronic resource]. URL: www.guardian.co.uk/books/2001/oct/13/fiction.highereducation (date of access: 12.18.2017).

Nunberg G. Talking Right. N.Y. : PublicAffairs, 2007. 271 p.

Nunberg G. The Years of Talking Dangerously. N. Y. : PublicAffairs, 2009. 265 p.

Petras R. and K. The 365 Stupidest Things Ever Said: Page-A-Day-Calendar. N. Y. : Workman Publishing, 1996. 369 p.

Научное издание

Калиш Елена Евгеньевна

**РЕКОНСТРУКЦИЯ ДИСКУРСА В ЦЕЛЯХ ПЕРЕВОДА
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ**

ISBN 978-5-9624-1629-8

Публикуется в авторской редакции

Дизайн обложки: П. О. Ершов

Темплан 2017 г.

Подписано в печать 15.11.2018. Формат 60×90 1/16
Уч.-изд. л. 8,2. Усл. печ. л. 9,5. Тираж 100 экз. Заказ 137

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИГУ
664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 124